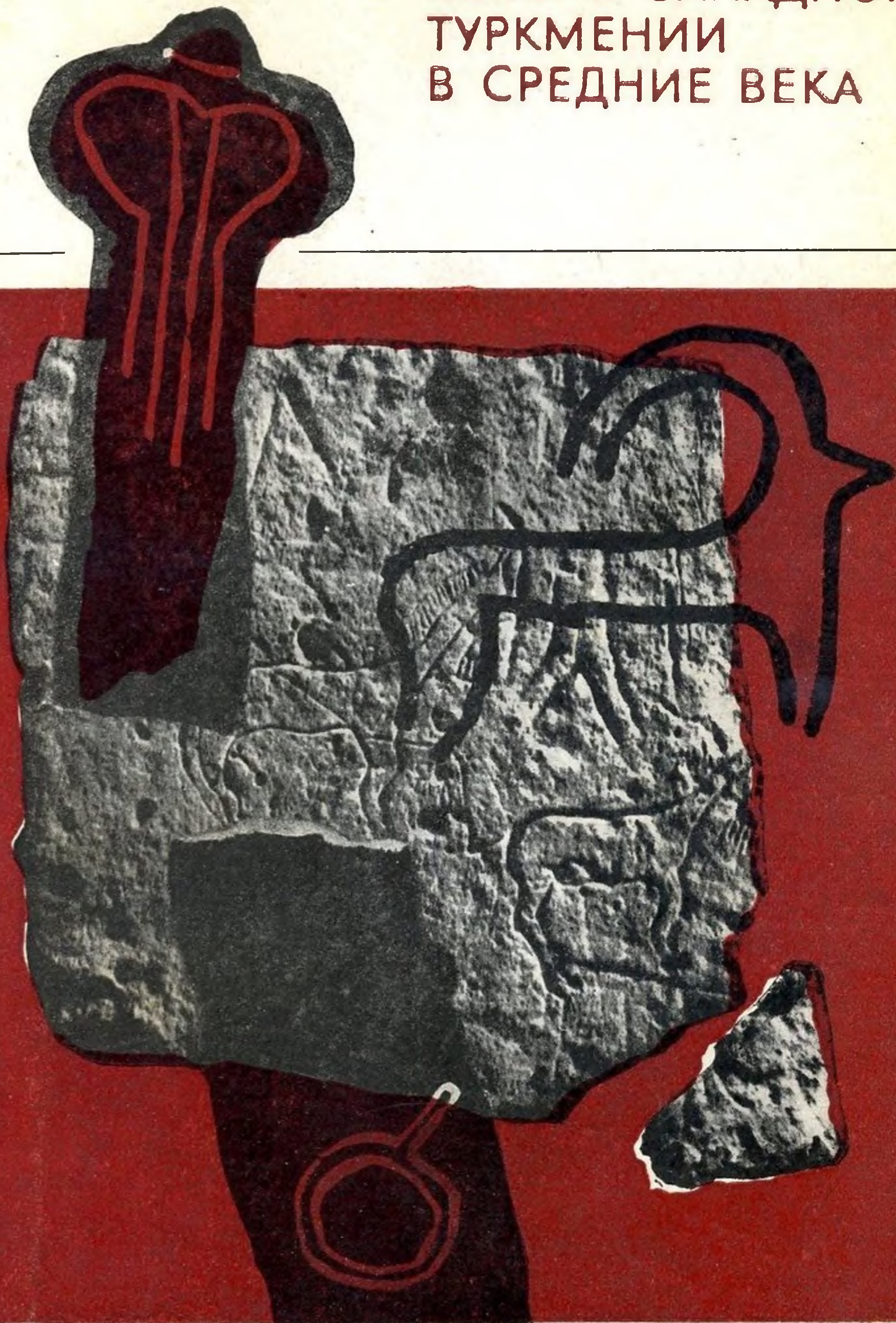

С. П. ПОЛЯКОВ

ЭТНИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ
ТУРКМЕНИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА

С. П. ПОЛЯКОВ

ЭТНИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ
ТУРКМЕНИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА—1973

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского Университета

Введение

Задачей предлагаемой работы является исследование средневековых погребений Северо-Западной Туркмении. Выбор этой темы определяется тем, что могильники предков туркменского народа до самого последнего времени оставались одним из забытых участков археологии Туркмении, хотя именно изучение средневековых захоронений должно дать новые материалы, которые необходимы для решения целого ряда проблем этнической истории Туркменистана¹.

Трудность изучения этнической истории Туркмении определяется весьма ограниченным количеством письменных и других источников. В известных нам письменных источниках этногенетические процессы и политическая история населения почти не отражены. Чрезвычайная фрагментарность сведений не позволяет воссоздать или проследить историю предков туркменского народа даже на протяжении последнего тысячелетия. По отдельным же районам письменные источники или отсутствуют вообще или имеются в очень незначительном количестве. Таким районом является Северо-Западная Туркмения.

В то же время население Северо-Западной Туркмении играло далеко не последнюю роль в истории туркменского народа.

Выбор в качестве предмета изучения средневековых могильников этой области обусловлен тем, что Северо-Западная Туркмения занимает особое географическое положение. Она довольно далеко отстоит от оседлых земледельческих оазисов. Это обстоятельство позволяет предполагать, что здесь сохранились погребения преимущественно кочевого скотоводческого населения. Кроме того, находясь в стороне от богатых оазисов и городов, которые были объектом завоевания, население этого района сохранилось в большей изоляции. Если в оазисах, которые были «проходным двором» для многих завоевателей и народов, можно предполагать наличие значительного количества могильников пришлого населения, то в рассматриваемом районе такие могильники маловероятны.

Одновременно Северо-Западная Туркмения не была четко ограниченным районом. С востока, севера и юга к ней примыкают территории с однородным населением. При работе это обстоятельство было учтено, и в сопредельных областях средневековые погребения также изуча-

¹ См. М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных надмогильников Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 55.

лись. Для удобства мы провели описание по таким условно выделенным районам: Северо-Западная Туркмения (в дальнейшем этот район называется Балханами), Юго-Западная Туркмения, Копет-Даг с Кюреп-Дагом, Западная часть Ахала и Мангышлак.

При работе над материалом стало ясно, что для определения этнической принадлежности средневековых погребений нужно часто обращаться к современным захоронениям или к погребениям более раннего периода. Но все же основной упор сделан на памятники позднего средневековья — XI—XVII вв.

Характер работы во многом определен тем обстоятельством, что она по сути дела является первой попыткой осмысления и систематизации памятников подобного рода — захоронений, в которых отсутствует погребальный инвентарь. Это определило большое количество описательного материала в книге, без которого целый ряд положений не был бы достаточно аргументирован.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАСЕЛЕНИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

Особое место в истории туркменского народа занимает область, которую средневековые авторы называют Балханами. Судя по сообщениям письменных источников и этнографическим данным, абсолютное большинство туркменских групп ведет свое происхождение из этой части Туркмении.

Современный этнический состав Северо-Западной Туркмении сложился совсем недавно — в начале XIX в., когда отсюда были вытеснены последние группы туркмен-атинцев и туркмены-иомуты стали полноправными хозяевами края. В начале XX в. в Северо-Западные районы Туркменистана стали переселяться отдельные группы казахов-адашевцев. Сейчас вместе с иомутами они составляют две основные группы населения.

До недавнего времени история населения северо-западной окраины Туркмении основывалась целиком на письменных источниках. Они дают сведения о народах этой области только с V в., когда в районе Балхан обитали хивиты². В VII в. Ал-Белазури сообщает о тюрках Дихистана, с которыми столкнулись арабские завоеватели³. Начиная с IX в. на Балханах средневековые авторы помещают огузов⁴. Огузы упоминаются здесь до XI в.⁵. К XI в. появляются на Балханах языры⁶. В XI в. в этот район согласно письменным источникам, вторгаются сельджуки⁷ и туркмены (без упоминания племенных подразделений)⁸. В конце XI — начале XII в. (1072—1102 гг.) здесь упоминаются агары, коклы, оглы и султанлы⁹. К этому же времени относятся сведения о расселении языров на Балханах и в Северных Каракумах¹⁰. Начиная

² История Туркменской ССР, т. I, кн. I, Ашхабад, 1957, стр. 148.

³ МИТТ, т. I, стр. 63.

⁴ Там же, стр. 78.

⁵ История Туркменской ССР, т. I, кн. I, стр. 197.

⁶ Там же, стр. 349; МИТТ, т. I, стр. 349.

⁷ МИТТ, т. I, стр. 289; Абу-л-Гази. Родословная туркмен. Перевод А. Н. Кононова. М.—Л., 1958, стр. 69.

⁸ МИТТ, т. I, стр. 230.

⁹ Абу-л-Гази. Ук. соч., стр. 68.

¹⁰ История Туркменской ССР, т. I, кн. I, стр. 272.

с XIII в. источники сообщают о салорах на Балханах¹¹, в XIV в. здесь обитали эрсари¹², геркезы¹³, номуты, теке и салоры¹⁴.

Судьба туркменских племен Северо-Западной Туркмении в XV в., как пишут авторы «Истории ТССР», окончательно не выяснена¹⁵. И только названия отдельных племен, живших на Балханах в XV в., сообщаются источниками. Абу-л-Гази в «Родословной туркмен» перечисляет эти группы: адаклы-хызыр, алили, дюечи, кара-ойли, эрсари и салоры¹⁶. Очевидно, к этому же времени относится упоминание в «Родословном древе тюрков»¹⁷ о номутах и текинцах. О «людях Тэхтамыша» южнее Балхан сообщает Мирхонд¹⁸.

Судя по этнографическим данным, в XV в. на Балханах жили геркезы¹⁹ (одно из племенных подразделений гоклен).

XVI в., вероятно, мало внес изменений в племенной и этнический состав Балхан. Описывая его, источники называют те же группы, что и в XV в.²⁰, но с некоторыми дополнениями — улугтупа и сарыки²¹.

История этой области в XVII в. почти не отражена в источниках. В настоящее время известно, что здесь жили туркмены «саин-хани», номуты, теке и сарыки²². О туркменах, живущих на Балханах в XVI в., сообщал А. Дженкинсон²³.

Еще меньше известно о населении Балхан в XVIII в. В 1740—1741 гг. здесь кочевали номуты²⁴. В небольшом числе там встречались и эрсари, основная масса которых переселилась в XVII в. на Амударью. Во второй половине XVIII в. на Балханах уже не было текинцев. В это время, очевидно, в целом уже сложился современный этнический облик Северо-Западной Туркмении. Те небольшие изменения, которые происходили здесь после, существенного значения не имели.

Из приведенных данных об этническом составе населения Северо-Западной части Туркменистана с XI по XVIII в. видно, что наука располагает весьма отрывочными сведениями об этнической истории рассматриваемой области. Письменные источники дают далеко не полную картину этапов этнической истории и расселения племен. О многих этнических группах ничего не говорится, о других упомянуто мельком. В первую очередь, это относится к атинцам. Впервые о них пишет Н. Н. Муравьев²⁵, отмечая, что некогда атинцы были сильны и многочисленны. Ничего не пишут средневековые авторы о племени имир, хотя современное население довольно четко представляет места бывшего расселения этой группы, которая в настоящее время является одним из племенных подразделений, так называемых тире, номутов.

¹¹ История Туркменской ССР, т. I, кн. I, стр. 318; Абу-л-Гази. Ук. соч., стр. 72.

¹² История Туркменской ССР, т. I, кн. I, стр. 19; Абу-л-Гази. Ук. соч., стр. 77.

¹³ История Туркменской ССР, т. I, кн. I, стр. 379.

¹⁴ Там же, стр. 16.

¹⁵ Там же, стр. 342—343.

¹⁶ Абу-л-Гази. Ук. соч.

¹⁷ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод Г. Саблукова. ИОАИЭ, т. XXI. Казань, вып. 5—6; т. XXII. Казань, 1914, вып. 6.

¹⁸ МИТТ, т. I, стр. 538.

¹⁹ История Туркменской ССР, т. I, кн. I, стр. 379.

²⁰ Там же, стр. 374 и дальше.

²¹ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков.

²² МИТТ, т. II, стр. 325.

²³ А. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. В кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Л., 1937, стр. 175.

²⁴ История Туркменской ССР, т. I, кн. I, стр. 427, 429; Красный архив, 1939, № 2, стр. 214.

²⁵ См. Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. I. М., 1822.

И самое главное, что отсутствует в письменных источниках по Северо-Западной Туркмении — это указание на связь между отдельными группами, упомянутыми в разное время на этой территории. Существовала ли какая-нибудь преемственность между населением Балхан XII и XVIII вв.? Или все упомянутые группы переселились на Балханы из других районов и не имели между собой ничего общего? Не ясно из источников, что авторы подразумевали и под областью Балхан.

В горах не могло обитать многочисленное население, численность которого в области Балхан была весьма внушительна. Даже если судить только по рассказам Абу-л-Гази²⁶, то население Балхан во времена Суфийян-хана (XV в.) насчитывало несколько тысяч семей. Такое количество народа Балханские горы вместить не в состоянии. Очевидно, под Балханами средневековые авторы понимали более широкую область. Описывая эпизод гибели Эрсарибая на кочевье Дукер (современный Туер), Абу-л-Гази повествует, что Кома-бек «...на Балхане, у колодца Дукер, убил Арсари-бая...»²⁷. Колодец Дукер (Туер) находится значительно севернее Балханских гор. С этим совпадают и данные Н. Н. Муравьева. Он сообщает, что во время своего путешествия видел на Балхане туркмен-агинцев²⁸. Маршрут же Муравьева проходил значительно севернее Большого Балхана, а агинцев он видел неподалеку от того же колодца Туер. Следует учитывать и то обстоятельство, что современные жители этого района — туркмены-номуты не живут в горах, а только пасут там свой скот. Аулы расположены в предгорьях, где есть водные источники и колодцы. Сами же горы, плоскогорье на вершине Большого Балхана, бедны источниками²⁹. Местные жители отмечают, что в горах ни они, ни их отцы и деды никогда не жили. Горы служили только убежищем во время набегов неприятеля. Это подтверждается отсутствием на верхнем плато Балхана средневековых памятников, в том числе могильников.

Не исключено, что и колодец Туер находился не на самой северной границе Прибалханья, и вся область к северу от Большого Балхана до Усть-Юрта включалась в понятие «Балхан».

Если же принять трактовку названия Балхан как «высокое жилище» (боло хана), то наше предположение о том, что под этим названием понимали более широкую область, становится еще более вероятным, так как этот район значительно приподнят по сравнению с прилегающими территориями (табл. I). Поэтому в настоящей работе под «Балханом» понимается область, расположенная к северу от Большого Балхана, Красноводский полуостров и Чильмамедкумы вплоть до Усть-Юрта.

Современное население

Подавляющее большинство современного населения Западной Туркмении составляют туркмены, принадлежащие в прошлом к различным племенам. С учетом старого племенного деления их расселение выглядит следующим образом.

²⁶ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков, стр. 185.

²⁷ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 75.

²⁸ Н. Н. Муравьев. Ук. соч., стр. 69.

²⁹ П. М. Васильевский. Гидрогеологические исследования Б. Балхан. М., 1932.

Наибольшую территорию занимают иомуты³⁰ отдела карачока³¹, делившиеся на два больших тире — ак-атабай и шериф-джафарбай. Джафарбайцы расселены в северо-западной части области, атабайцы — в южных районах.

Основным занятием большинства иомутов было скотоводство. Разводили мелкий рогатый скот, а также верблюдов. Славилась выведенная иомутами порода очень выносливых и быстрых лошадей. В пограничных с Ираном районах, вдоль р. Атрек, иомуты занимались земледелием. На Каспийском море развито было рыболовство. На Челекене и на месте нынешнего Небит-Дага занимались кустарной добычей нефти.

До иомутов к северу от Большого Балхана жили туркмены-агинцы, которых иомуты вытеснили. Сейчас основная масса агинцев живет в Северной Туркмении. В западных же районах сохранились отдельные небольшие группы по несколько семей. Живут они неподалеку от Кызыл-Арвата в аулах Парау и Кодж. В прошлом агинцев называли «овляд», так называли туркмен, входивших в состав пяти «святых» туркменских племен. Занимались агинцы скотоводством, а после переселения в северную Туркмению и в подгорную полосу Копет-Дага они перешли к земледелию.

Помимо агинцев к «овляд» причислялись шихи, ходжа, махтум и сеид (по некоторым этнографическим данным сюда входило еще племя меджеур). История этих пяти племен не известна. По преданию, бытующему до сих пор, махтум, ших, сеид и ходжа ведут свое происхождение от четырех первых арабских халифов. Агинцы же считают своим родоначальником Гезли-ата «очень святого человека» (речь о нем будет ниже).

Из числа «овляд» по большей части происходило мусульманское духовенство.

Шихи, ходжа и сеид небольшими группами обитали на Красноводском полуострове. Занимались они скотоводством, и в тех местах, где были водные источники («чешме»), или кяризы, — земледелием. Сейчас представители этих групп живут по большей части в городах. Сохранились лишь небольшие аулы ходжинцев к северу от Большого Балхана. Компактной группой ходжинцы живут на границе Западной Туркмении — в горах Копет-Дага (аул Ходжа-кала). Несколько восточнее ходжинцев, в ауле Бендесен, расселены шихи³².

На юге области, по долинам рек Сумбара и Чандыря, живут гоклены. Это туркменское племя издавна сочетало скотоводство с земледелием³³. Оно делилось на два больших отдела — кайы и дудорга. Под этими названиями, судя по средневековым спискам (см. ниже), известны большие племена.

Судьба гокленов складывалась трагично. Расселяясь на границе владений Ирана и Хивинского ханства, они подвергались грабежам как

³⁰ Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX — начале XX в. «Вестн. Моск. ун-та», серия историческая, 1958, № 4; А. Оразов. Прибалханские туркмены в конце XIX — начале XX в. М., 1961.

³¹ Племя иомутов делилось на два больших отдела: карачока и байрам-шалы. Эти отделы подразделялись на большие тире, которые делились на более мелкие тире, и т. д. О иомутах отдела байрам-шалы см.: Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961.

³² К. Атаев. Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

³³ Д. М. Овезов. К вопросу о родовом строе гоклен. ТуркмССР, серия общественных наук, 1960, № 4.

с той, так и с другой стороны. По прихоти хивинских ханов они переселялись в Хорезмский оазис, откуда возвратились на Самбур в 60-х годах XIX в.³⁴

Восточными соседями иомутов в зоне несков и в подгорной полосе Копет-Дага являются туркмены-текинцы³⁵, в прошлом одно из крупнейших туркменских племен. До конца XVII — начала XVIII в. текинцы жили вместе с иомутами в Западной Туркмении, в том числе и на Балханах. В начале XVIII в. они переселились в оазисы южной Туркмении. До этого основным занятием их было скотоводство. К началу XX в. решающую роль в хозяйстве текинцев стало играть земледелие.

Текинцы делились на два отдела — отамыш и тохтамыш. На границе с Западной Туркменией расселялись тохтамышы (тире канджик и юсуп).

По берегу Каспийского моря отдельными группами живут туркмены-огурджалинцы³⁶. Они занимались животноводством, рыболовством, а где позволяли условия — земледелием. Занимались огурджалинцы и кустарным промыслом нефти. Процесс этнического формирования огурджалинцев был очень длителен. К основному ядру присоединялись отдельные группы из других племен. Да и само ядро огурджалинцев не было однородным по племенному составу.

Кроме перечисленных групп в некоторых аулах Красноводского полуострова (например, Аккуи) живут туркмены-эрсари. Сейчас они ни чем не отличаются от окружающего иомутского населения.

С 40-х годов XIX в. на Красноводском полуострове стали появляться отдельные казахские кочевья. Казахи перекочевывали в эти места с севера — Мангышлака и Устюрта. На сколько можно судить по письменным источникам и сведениям информаторов, постоянных казахских аулов не было. Они стали возникать только к началу 40-х годов нашего столетия. Сейчас казахи живут не только в отдельных аулах, но много казахских семей расселено в туркменских поселках. Много казахов живет в городах и в поселках вдоль железной дороги Ашхабад—Красноводск.

В Красноводске, Кызыл-Арвате и Небит-Даге значительный процент русского населения. Наряду с русскими, переселившимися в Западную Туркмению, сравнительно недавно (20—30 лет тому назад и позднее) значительную часть составляют старожилы — потомки переселенцев начала XX в. Их материальная культура сохранила некоторые специфические черты.

В связи с индустриализацией края сюда стали переселяться жители других областей СССР. Это — азербайджанцы, армяне, татары и представители других национальностей.

Письменные источники

Письменные источники по истории Северо-Западной Туркмении делятся на две группы. К первой относятся сочинения средневековых восточно-язычных авторов, ко второй — дневники, записки и отчеты европейских путешественников, посетивших Северо-Западную Туркмению.

³⁴ Г. Е. Марков. Очерк истории формирования...; Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961; Г. П. Васильева. Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

³⁵ К. Нурмухамедов. Этническая история и хозяйство туркменского населения Ахала в XVIII—XIX вв. Канд. дисс. М., 1962.

³⁶ А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961.

Средневековые восточные источники по истории этого района в значительной степени отличаются от аналогичных сочинений, касающихся событий в других частях Туркмении — Ахала, Атека, Хорезма, Пендинского оазиса и т. п. При изложении истории этих областей средневековые авторы подробно излагают географию района, ход событий, даты, имена, биографии наиболее заметных деятелей³⁷.

Что же касается Северо-Западной Туркмении, то письменные источники только упоминают о туркменских племенах, живших в этом районе в то или иное время. Но и эти отрывочные, в большинстве случаев, сведения являются очень важными. Большинство этих источников собрано в двухтомнике «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (1939).

Впервые сведения о населении этой области содержатся в сочинении автора IX в. ал-Белазури. В «Китаб футук ал-булдан» он упоминает о тюрках Дахистана³⁸. Сведения эти тем более важны, что принадлежат одному из крупнейших арабских историков, отличающихся надежностью и достоверностью приводимых ими материалов.

Особую ценность представляют сведения о туркменах у Махмуда Кашгарского (XI в.). В «Диван лугат ат-тюрк»³⁹ он сообщает не только об обычаях, языке и тому подобных вещах, но дает изображение современных ему туркменских тамг. Исключительную ценность трудов Махмуда Кашгарского определяет то обстоятельство, что в подавляющем большинстве они написаны на оригинальном материале. Почти все сведения, приводимые им о тюрках, — результат личных наблюдений и бесед во время его путешествий по «странам тюрков».

О пребывании туркмен на Балханах в XI в. есть упоминания у Бейхаки — чиновника дипломатического ведомства Газневидского эмира Масуда («Тарих-й-Бейхаки») ⁴⁰. Этот автор, располагая широким кругом дипломатических документов, вероятно, имел реальное представление о расселении туркмен и о их взаимоотношениях с Масудом.

Сведения о сельджуках, и в частности, о их пребывании на Балханах и в Западной Туркмении, сообщает автор XII—XIII вв. Ибн-ал-Асир («Ал-камил фи-т-тарих») ⁴¹. Сам он не бывал в областях к северу от Хорасана, а основывался в основном на сочинениях ат-Табари и Бейхаки.

Отрывочные сведения о туркменах Балхан и прилегающих районов содержатся в «Джехан-намэ» автора XIII в. Бекрана⁴².

Интересные сведения о туркменах приводятся в летописях автора XIII—XIV вв. Рашид ад-Дин⁴³. Он, как и Махмуд Кашгарский, дает начертание тамг туркменских племен, их генеалогии и сведения о социальной организации.

Заслуживающие внимания материалы о туркменах рассматриваемой области содержатся в компилятивных трудах авторов XV в. Хафиза-и-Абру («Меджама ат-таварих») ⁴⁴ и Мирхонда («Рузат ассафа») ⁴⁵.

³⁷ Средневековые источники по Туркмении собраны в следующих изданиях: МИИТ, т. I. М.—Л., 1939; т. II. М.—Л., 1938; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М., 1963; его же. История Туркестана. Соч., т. II, ч. I. М., 1963; его же. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. I; его же. Очерк истории туркменского народа. Соч., т. II, ч. I; его же. Султан Санджар и сузги (по поводу статьи К. А. Иностранцева). Соч., т. II, ч. 2. М., 1964 и другие работы; Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен.

³⁸ МИИТ, т. I, стр. 63—64.

³⁹ Там же, стр. 309 и дальше.

⁴⁰ Там же, стр. 234—308.

⁴¹ Там же, стр. 358—404.

⁴² Там же, стр. 349—350.

⁴³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952.

⁴⁴ МИИТ, т. I, стр. 524—529.

⁴⁵ Там же, стр. 535—545.

Оба они не бывали в Туркмении и пользовались материалом из других рук, однако Мирхонд использовал очень богатые источники.

Трудно переоценить значение сочинений автора XVII в. Абу-л-Гази хана Хивинского⁴⁶. Это значение определено тем обстоятельством, что Абу-л-Гази долгое время провел среди туркмен западных районов Туркменистана. Будучи хивинским ханом он неоднократно предпринимал против них походы и, несомненно, был хорошо осведомлен о всех сторонах их жизни. Сообщаемые Абу-л-Гази сведения в большинстве случаев заслуживают доверия. Они во многом подтвердились археологическими исследованиями. Однако следует учитывать, что во многих случаях Абу-л-Гази преувеличивает размеры своих побед и свое влияние на туркмен. Некоторые сведения Абу-л-Гази противоречивы, а порой и исключают друг друга.

Положительные и отрицательные стороны сочинений Абу-л-Гази хорошо показаны в специальных, посвященных его трудам исследованиях⁴⁷. В большей мере внимание ученых привлекла его «Родословная туркмен». Перевод этого сочинения, сделанный А. Н. Кононовым, и его комментарии к тексту полностью раскрыли значение источника.

Гораздо хуже обстоит дело с переводом другого сочинения Абу-л-Гази «Родословного древа тюрков». Наиболее известный перевод Г. С. Саблукова, очевидно, нуждается в переработке. На это указывает хотя бы то, что транскрипция названий и собственных имен, данная Г. С. Саблуковым, часто не совпадает с существующими туркменскими. В то же время такого расхождения нет в «Родословном древе тюрков» издания 1768 года и в «Родословной туркмен» в переводе А. Н. Кононова.

Приведенным перечнем, несомненно, не ограничиваются труды средневековых авторов, в которых упомянуты туркмены Балхаи. Оставшиеся вне рассмотрения источники или не имеют существенного значения, или их сведения взяты из трудов рассмотренных выше хронистов и не дают ничего нового. В заключение следует отметить, что если для периода XI—XVII вв. имеются хотя и отрывочные сведения о туркменах Прикаспия, то для XVIII в. мы почти не имеем источников.

Другая группа письменных источников по истории Северо-Западной Туркмении значительно малочисленнее. Хотя, начиная с конца XVII в. Туркмению посетило много европейцев, их маршруты проходили значительно южнее рассматриваемого района. К сожалению, у ранних путешественников встречаются весьма отрывочные сведения о расселении туркменских групп и мало сведений о других сторонах жизни. Только авторы XIX в. дают хороший материал по расселению и истории туркменских племен Северо-Западной Туркмении.

Первым из европейцев, оставивших сведения о прикаспийских туркменах, был английский купец Антон Дженкинсон (середина XVI в.). Он дважды, по разрешению Ивана IV, побывал в Средней Азии. Его сведения очень ценны, поскольку он сообщает данные о расселении туркмен в тех областях, о которых молчат другие авторы⁴⁸.

⁴⁶ Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописной татарской книги, сочинения Абу-л-гази-Бохадур-хана. Перевод с французского В. Третьяковского, тт. I—II, 1768; Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков; Абу-л-Гази-Бохадур-хан. Родословная туркмен. Перевод А. Туманского. Ашхабад, 1997; Абу-л-Гази. Родословная туркмен.

⁴⁷ Абу-л-Гази. Родословная туркмен; К. Юсупов. Абу-л-Гази и Хивинское ханство в первой половине XVII века. М., 1950; А. Абражеев. Родословное древо тюрков и его автор. «Звезда Востока», 1946, № 12.

⁴⁸ А. Дженкинсон. Ук. соч.

Наиболее полное описание быта, племенной организации и расселения прикаспийских туркмен начала XIX в. оставил Н. Н. Муравьев⁴⁹. Однако интерпретация Н. Н. Муравьевым фактов, достоверность которых сомнения не вызывает, почти во всех случаях настолько тенденциозна, что не может быть принята во внимание. Весьма важные сведения сообщает Н. Н. Муравьев о туркменских могильниках.

После Н. Н. Муравьева восточные берега Каспийского моря посетили К. Боде⁵⁰, И. М. Иванин⁵¹, И. Ф. Бларамберг⁵² и М. Н. Галкин⁵³.

Вопросы, касающиеся этнической истории собственно Северо-Западной Туркмении, затронуты в работах немногих авторов. Однако общие проблемы этногенеза и общественной организации туркменского общества, имеющие отношение к рассматриваемому району, освещаются в работах, посвященных Туркмении в целом. Еще Махмуд Кашгарский⁵⁴, Рашид ад-Дин⁵⁵ и Абу-л-Гази⁵⁶ рассматривали туркмен как потомков легендарного Огуза, персонализируя, очевидно, в этом имени народ огузов⁵⁷. На неполноту этого тезиса о происхождении туркменского народа впервые обратил внимание Н. А. Аристов⁵⁸. Не отрицая значения огузов в этногенезе туркмен, он подчеркивал, что немалая роль принадлежит и «длинноголовым» иранским кочевникам.

В. В. Бартольд в исследованиях, касающихся туркмен и их этногенеза, ставил знак равенства между огузами и туркменами⁵⁹, признавая, однако, участие в их этногенезе и ираноязычных кочевников (ссылаясь при этом на работу Н. А. Аристова).

Несмотря на то, что некоторые положения В. В. Бартольда, выдвинутые им в начале XX в., устарели, большинство его работ не потеряло ценности до сего дня. В частности, это касается его работы о погребальных обрядах турков и монголов⁶⁰.

Большой вклад в дело изучения этногенеза туркмен сделал А. Ю. Якубовский⁶¹. Он придавал большое значение ираноязычным народам в формировании туркмен, оставляя все же решающую роль за огузами. В последних его работах уделено много внимания разработке периодизации истории Средней Азии и вопросам социального строя туркмен.

⁴⁹ Н. Н. Муравьев. Ук. соч.

⁵⁰ К. Боде. О туркменских поколениях ямудах и гокланах. Зап. РГО, т. II, 1847.

⁵¹ М. М. Иванин. Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 году. Зап. РГО, т. II, 1847.

⁵² И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган. Зап. РГО, кн. IV, 1850 (журнал, веденный во время экспедиции для обзора берега Каспийского моря).

⁵³ М. Н. Галкин. Этнографические и статистические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1869.

⁵⁴ МИТТ, т. I, стр. 309 и сл.

⁵⁵ Рашид ад-Дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 76—91.

⁵⁶ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 35—78.

⁵⁷ С. П. Толстов. Города огузов. СЭ, 1947, № 3.

⁵⁸ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», 1896, вып. 3—4, стр. 177.

⁵⁹ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 576.

⁶⁰ В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. ЗВРАО, т. XXV, 1921.

⁶¹ А. Ю. Якубовский. Сельджукское движение и туркмены в XI в. «Изв. АН СССР», серия общественных наук, 1937, № 4; его же. О туркменах X в. см. в кн.: «История СССР с древнейших времен», чч. 3—4, 1939; его же. Вопросы этногенеза туркмен. СЭ, 1947, № 3; см. также Очерки из истории туркменского народа и Туркмении в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954.

Отдельные вопросы этногенеза туркмен и общественного строя затронуты в работах Н. Н. Иомудского⁶² и С. Н. Иомудского⁶³. Исследованию социальной организации туркменского общества посвящены работы Н. В. Брюлловой-Шаскольской⁶⁴.

Существенное значение имеют для нас работы Г. И. Карпова. В разработке этногенеза туркмен Г. И. Карпов избрал иной путь, нежели его предшественники. Он придавал большое значение этнографическим материалам, которые и явились основой большинства его сочинений. Кроме этого он занимался разработкой истории не всех туркмен вместе взятых, а отдельных туркменских групп⁶⁵. Г. И. Карпов также отводил решающую роль в этногенезе туркмен огузам.

Определенное значение для выяснения этногенеза туркмен имеют работы Л. В. Ошанина⁶⁶. Основываясь в основном на данных антропологии, он развил идеи Н. А. Аристова⁶⁷ о происхождении туркмен. Л. В. Ошанин считал, что основным компонентом, на базе которого формировались современные туркмены, были «длинноголовые» скифо-сарматские племена. Помимо данных антропологии он подкреплял свою гипотезу некоторыми письменными источниками⁶⁸. Ряд ценных работ, посвященных истории туркмен, принадлежит В. Г. Мошковой⁶⁹. В ее трудах проводится идея единства происхождения всех туркмен.

С. П. Толстов, в отличие от своих предшественников, которые рассматривали огузов только как отправную точку этногенеза туркмен, попытался дать историю самих огузов⁷⁰. В результате он пришел к выводу, что огузов можно считать потомками тюркизированных в VI—VII вв. эфталитов. Кроме эфталито-тюркских групп в состав огузов вошли и ираноязычные племена⁷¹. Много внимания в работах С. П. Толстова уделено социальной организации туркменского общества.

Этническая история и социальный строй туркмен рассмотрен в ряде работ А. А. Рослякова⁷². В решении вопроса о происхождении туркмен он придерживается того мнения, что в этногенезе большую роль играли аланы. Расселение туркменских племен в XVII—XIX вв. в различных частях Туркмении было исследовано Ю. Э. Брегелем⁷³. Этому же вопросу, но для более позднего времени посвящены исследования Я. Р. Вишниковой⁷⁴.

⁶² Н. Н. Иомудский. Присяга у закаспийских туркмен. Зап. РГО, 1909, т. XXXIV.

⁶³ С. Н. Иомудский. Местный суд в Закаспийской области. Ташкент, 1922.

⁶⁴ Н. В. Брюллова-Шаскольская. Племенной и родовой состав туркмен. «Народное хозяйство Средней Азии», 1927, № 4.

⁶⁵ Г. И. Карпов. Туркменское племя салыр. «Туркменоведение», 1930, № 8—9; его же. Иомуды. «Туркменоведение», 1931, № 7—9 и другие работы.

⁶⁶ См. список литературы в конце настоящей книги.

⁶⁷ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности. «Живая старина», 1896, вып. 3—4.

⁶⁸ Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. М., 1959.

⁶⁹ В. Г. Мошкова. Племенные «голи» в туркменских коврах. СЭ, 1946, № 1; См. также раздел в кн. «Очерки из истории туркменского народа» и другие работы.

⁷⁰ С. П. Толстов. Города огузов. СЭ, 1947, № 3.

⁷¹ Народы Средней Азии и Казахстана, серия «Народы мира», т. 1. М., 1962, стр. 78.

⁷² А. А. Росляков. К вопросу об этногенезе туркменского народа. ИАН ТуркмССР, 1950, № 5; его же. Происхождение туркменского народа. Ашхабад, 1962 и другие работы.

⁷³ Ю. Э. Брегель. Этническая карта Южной Туркмении и Хорасана в XVII—XVIII вв. КСИЭ, т. XXXI, 1959; его же. Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961.

⁷⁴ Я. Р. Вишников. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI; его же. Этническая карта Туркменской ССР. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

Г. П. Васильева в своих последних работах, касаясь этногенеза туркмен, во многом придерживается взглядов А. Ю. Якубовского⁷⁵.

Обобщающая работа А. Каррыева, В. Г. Мошковой, А. Н. Насонова и А. Ю. Якубовского «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.» (Ашхабад, 1954) дает довольно полное представление о ходе исторического процесса на территории Туркмении после арабского завоевания. Одновременно на ее примере видны все пробелы в изучении средневековой Туркмении к тому времени.

Другой коллективный труд «История Туркменской ССР (т. I, кн. 1—2; т. II. Ашхабад, 1957 г.) более полно освещает историю Туркмении с древнейших времен до настоящего времени. Авторы этого труда использовали обширный круг источников — письменных, археологических и др. Большинство разделов написаны с достаточной полнотой. Однако так же, как авторы «Очерков», авторский коллектив этого издания не смог решить ряда поставленных задач, в том числе и в главах, посвященных средневековому периоду, оговорив эти пробелы отсутствием источников. Особенно остро это чувствуется в отношении северных и западных районов Туркмении. История населения собственно Северо-Западной Туркмении рассмотрена в работах П. Ф. Преображенского⁷⁶, Г. Е. Маркова⁷⁷ и А. Оразова⁷⁸. П. Ф. Преображенский уделил много внимания социальной структуре туркмен-номудов, т. е. основному населению рассматриваемой области.

Работы Г. Е. Маркова, как и работы А. Оразова, касаются различных сторон истории населения, хозяйственной деятельности, общественной организации и т. п. Вопросы, имеющие непосредственное отношение к данной теме, затронуты им в работе «Очерк истории формирования северных туркмен» до их переселения в Хорезм. Г. Е. Марков высказывает положение, что до переселения туркменские племена долгое время жили на ограниченной территории, где проходил процесс формирования современных групп.

Отдельные вопросы, имеющие отношение к данной теме, затронуты в работах А. Джикиева⁷⁹, Ш. Аниаклычева⁸⁰, К. Атаева⁸¹, В. Н. Басилова⁸², С. М. Демидова⁸³, О. В. Обельченко⁸⁴ и В. Н. Пилипко⁸⁵.

⁷⁵ Г. П. Васильева. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. Тезисы доклада на VII МКАЭН. М., 1964.

⁷⁶ П. Ф. Преображенский. Разложение родового строя и феодализационный процесс у туркмен-номудов. «Этнография», 1930, № 4.

⁷⁷ Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство и общественная организация северо-балханских туркмен в конце XIX — начале XX в. «Вестн. Моск. ун-та», сер. историч., 1958, № 4.

⁷⁸ А. Оразов. Некоторые вопросы скотоводческого хозяйства в Северо-Западной Туркмении в конце XIX — начале XX в. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI; его же. Поселения и жилища Прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

⁷⁹ А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961; его же. Материалы по этнографии мангышлакских туркмен. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

⁸⁰ Ш. Аниаклычев. Похоронные обряды туркмен Челекена. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

⁸¹ К. Атаев. Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

⁸² В. Н. Басилов. О пережитках тотемизма у туркмен. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

⁸³ С. М. Демидов. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI.

⁸⁴ О. В. Обельченко. Некрополь древнего Мерва (Материалы раскопок 1955 г.). Тр. ЮТАКЭ, 1969, т. XIV.

⁸⁵ В. Н. Пилипко. Средневековое кладбище городища Хурмузфарра в Мервском оазисе. Тр. ЮТАКЭ, 1969, т. XIV.

Археолого-этнографическое изучение Северо-Западной Туркмении

В отличие от других районов Туркмении, где на протяжении нескольких десятилетий проводятся исследования памятников, относящихся к различным периодам (от ранне-неолитических культур до поселений XIX в.), в Северо-Западной Туркмении внимание исследователей привлекали только памятники первобытных эпох.

Что же касается памятников средневековья, то их изучение в Северо-Западной Туркмении началось с 1957 г. Каракумским отрядом ТАЭЭ.

К сожалению, большинство материалов, собранных археологами в этой области, опубликовано далеко не полностью. Результаты отдельных разведочных маршрутов не опубликованы даже частично.

Этнография Северо-Западной Туркмении изучена по сравнению с археологией несколько лучше. Различные стороны быта нашли отражение в работах русских и европейских путешественников и дореволюционных авторов. Этнографическое изучение области проводилось неоднократно и в советское время. Здесь работали Г. И. Карпов, А. А. Марущенко, С. Н. Иомудский и др. После Великой Отечественной войны стали проводиться более широкие исследования. С 1957 г. по настоящее время в этих районах работает Туркменская археолого-этнографическая экспедиция. В тематику работ этой экспедиции входит изучение различных сторон жизни, хозяйства и этнической истории. Экспедиции Института истории археологии и этнографии АН СССР изучали огурджалинцев и иомутов.

Собранный материал в известной мере дает, хотя далеко не полное, представление о современном населении, но очень мало что может сказать об этнической истории области в целом. Самостоятельно этнографический материал решить проблему формирования современного населения не в состоянии.

Объясняется это тем, что кроме этнографических материалов, которые только по очень узким вопросам могут дать сведения об эпохе на два-три столетия, а порой и больше, отстоящей от современности, этнографы другими данными не располагают. Даже такой источник, как сочинения Абу-л-Гази, беспомощен в этом вопросе. Несомненно сказывается и отсутствие археологического материала. Для большинства других областей Средней Азии время XV—XVIII вв. освещают письменные источники. Но по истории Северо-Западной Туркмении письменных источников явно недостаточно.

Для решения проблемы этногенеза туркмен нужно искать новые виды источников. Помимо того, что требуется от любого вида источников, этот источник должен обладать еще одним качеством — переходностью от этнографического к археологическому материалу и также непрерывностью, чтобы отразить «все времена и народы», побывавшие в Северо-Западной Туркмении.

Источником, отвечающим этому требованию, могут быть только погребения и отдельные культовые сооружения туркмен, поскольку скотоводы-кочевники не могли оставить никаких других памятников. В. В. Бартольд писал: «...нельзя не согласиться с мнением г-на Аристова, что отыскивать в настоящее время следы построек такого кочевого народа, каким были усунь, совершенно бесполезно»⁸⁶. Это можно отнести и к туркменам, в прошлом кочевникам-скотоводам.

⁸⁶ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, стр. 27.

Следует также подчеркнуть, что рядовые погребения являются наиболее массовым и многочисленным, а следовательно, и наиболее объективным видом источника.

В истории изучения средневековых могильников Туркмении выделяются три этапа.

Начало первому этапу положил Н. Н. Муравьев⁸⁷, впервые обративший на них внимание. Однако без малого сто лет понадобилось для того, чтобы появились его последователи. В 1905 г. была опубликована заметка Г. Эппеля о средневековом могильнике на границе России и Персии⁸⁸, где содержалось первое упоминание в литературе о могильнике Бедели-Ата. Следующее по времени и несколько более полное описание отдельных могильников по Сумбару и Чандырю было составлено Ф. А. Михайловым⁸⁹. Этим исследователей привлекли необычно больших размеров каменные столбы-надгробия. Для первого периода в изучении этих могильников была характерна только фиксация кладбищ и беспомощные попытки определения их возраста и этнической принадлежности.

Второй этап составляют работы М. Е. Массона⁹⁰. В них детально разбираются средневековые надгробные сооружения и предлагается схема их генезиса. М. Е. Массон, как представляется, правильно датирует рассмотренные им типы надгробий. Его заслугой является и то, что он первый указал на важность детального изучения этого вида источника по истории Туркмении.

Третий этап в изучении средневековых погребений Туркмении отличается от предыдущих тем, что он начался не только с изучения надгробий, но и сопровождался раскопками захоронений. С 1956 г. ТАЭЭ проводит их почти на всей территории Западной Туркмении. Первые результаты работы были опубликованы Г. Е. Марковым в 1958 г.⁹¹. За время работы экспедиции был собран материал по различным районам.

Наряду с археологическим материалом получены значительные краниологические серии⁹².

Методика изучения

Слабой стороной работ Г. Эппеля⁹³, Ф. А. Михайлова⁹⁴ и М. Е. Массона⁹⁵ при изучении средневековых могильников была ограниченность материала, выводы этих ученых основывались на данных со сравнительно небольшой территории, и были недостаточно убедительны.

⁸⁷ Н. Н. Муравьев. Ук. соч., ч. 1.

⁸⁸ Г. Эппель. Древний памятник на границе с Персией. ПТКЛА, т. X, 1905.

⁸⁹ В. А. Михайлов. Древние кладбища по Сумбару и Чандырю. ПЗКЛАИВ, вып. 1, 1915.

⁹⁰ М. Е. Массон. Силуэты Сумбарского района (историко-археологический очерк). «Туркменоведение», 1931, № 3—4; его же. О происхождении некоторых каменных надгробных сооружений Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.

⁹¹ Г. Е. Марков. Средневековое кладбище Ак-тенис. Тр. ИИАЭ, т. V, 1958.

⁹² Н. Г. Залкинд, С. П. Поляков. Краниологические материалы из средневековых погребений Южной и Северо-Западной Туркмении. ВА, вып. II, 1962 и другие работы.

⁹³ Г. Эппель. Древний памятник на границе с Персией. ПТКЛА, 1905, т. X.

⁹⁴ Ф. А. Михайлов. Древние кладбища по Сумбару и Чандырю. ПЗКЛАИВ, вып. 1, 1915.

⁹⁵ М. Е. Массон. Силуэты Сумбарского района (историко-археологический очерк). «Туркменоведение», 1931, № 3—4; его же. О происхождении некоторых каменных надгробных сооружений Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.

Это было учтено, и при начале работ по изучению средневековых захоронений нами была поставлена задача — накопление массового материала не только по Северо-Западной Туркмении, но и по соседним областям. В значительной мере эта задача была выполнена. В настоящее время в распоряжении автора имеются материалы по погребениям Северо-Запада, Ахала и Юго-Западной Туркмении. Немного погребений вскрыто в Копет-Даге и в Атеке. Без проведения раскопочных работ обследовались кладбища Маггышлака, Северной Туркмении и большинства районов Копет-Дага. Разведочные маршруты были приняты вдоль среднего течения Аму-Дарьи (от Керки до Чарджоу) и в Мургабский оазис.

При изучении средневековых захоронений большое внимание уделялось сбору материалов по современным кладбищам, захоронениям и современному погребальному обряду. Сопоставление средневекового материала с современным во многом способствовало определению племенной принадлежности погребений. Это также в значительной мере позволило подметить линию развития погребальных сооружений.

При выделении типов погребений за основу принималась форма надгробного сооружения. Надгробия в большей мере, нежели могильная яма и трупоположение, фиксируют все изменения (этнические и временные), происходящие на той или иной территории. Поскольку чаще приходится иметь дело с каменными надгробиями, то помимо формы сооружения учитывалось и качество обработки камня. Как это будет показано дальше, степень обработки камня подчас играет решающую роль в выделении больших групп погребений.

Немаловажное значение при датировке захоронений имеют надписи, хотя многие из них повторяют суры из Корана и не могут дать прямых указаний для определения возраста и племенной принадлежности могилы. Тем не менее надписи представляют несомненный интерес для истории туркменского языка, поскольку памятников средневекового туркменского языка известно очень немного, но эти надписи составляют особый сюжет и мы его не затрагиваем в этой книге.

Существенный материал дают рисунки на надгробиях. По ним можно судить о вооружении, занятиях и отдельных сторонах материальной культуры населения степей.

Тамги, выбитые на надгробиях, наряду с другими материалами, дают возможность определить племенную принадлежность погребений и проследить расселение племен. Одновременно со сбором материала по средневековым тамгам собирались тамги, которыми до недавнего времени (а порой и до сих пор) клеймили верблюдов (других животных — овец, и коз туркмены тамгой не метили).

Помимо изучения конструкции могильных ям большое внимание уделялось особенностям трупоположения. Производился сбор краниологического материала.

Особое внимание обращалось на расположение тех или иных типов захоронений на могильнике (плоскостная стратиграфия). Выявление закономерностей в расположении различных типов относительно центра кладбища и между собой во многом способствовало датировке захоронений. Учитывалось также расположение кладбища по отношению к водным источникам, ранним погребальным сооружениям — курганам (если они имелись) и (в оазисах) к поселениям, крепостям и т. п.

Изучение взаиморасположения средневековых могильников и водных источников помогало определению времени и причин переселения туркмен в рассматриваемом районе.

1. Расчистка верхней части склепа на кладбище около городища Парау. 2. Надгробия-столбы на средневековом кладбище около поселка Ярты-Кала. 3. Ограда вокруг главной могилы на кладбище около аула Дана-Ата (Кюрен-Даг). 4. Надгробие «оградка» на кладбище, расположенном на северном берегу Кара-Богаз-Гола.

Особое место занимает этнографический материал, касающийся кладбищ. Информаторы достаточно четко знают погребения, принадлежащие той или иной группе, причем (это может показаться парадоксальным) правильно указывают племенную принадлежность (конечно, не везде) погребений XVII в., а в отдельных случаях и захоронений XIV в. (например, могилу Эрсари-баба). В большинстве случаев это относится к могилам «святых». Но и племенная принадлежность рядовых погребений, указанная информаторами, подтверждалась археологическим или письменным материалами.

Такое положение объясняется, вероятно, несколькими условиями. Во-первых, в рассматриваемой области не было сразу полной смены населения. Какая-то часть вытесненной группы остается на месте и продолжает жить среди пришельцев. Так было с атинцами и эрсари. Это оставшаяся часть и является «передатчиком» названий могил и легенд о «святых».

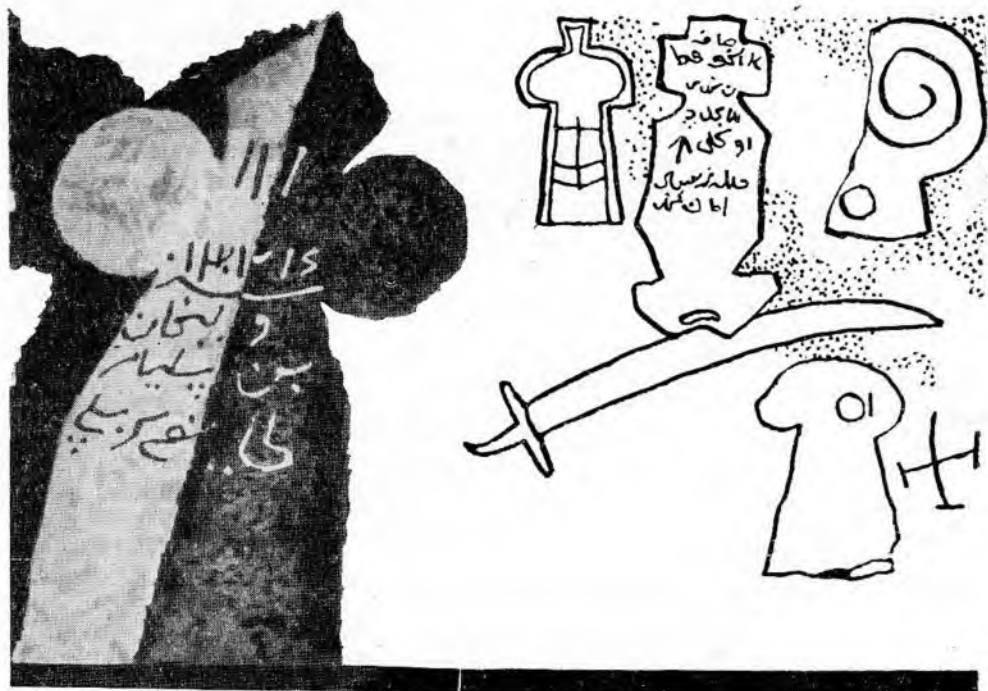
Во-вторых, среди различных туркменских племен обязательно жили «овляды». Они, как правило, мало передвигались и во время племенных столкновений их не трогали из-за «святости». Являясь по большей части служителями культа, они знали историю «святого» места, около которого находились.

В-третьих, этими «святыми» местами были кладбища, которые почитались всеми туркменами, расселенными в округе. Такое положение сохраняется и до сих пор. Несмотря на то, что атинские могилы и их святые неиомутского происхождения, номуты их почитают, а смотрителями этих могил являются ходжа и шихн. Кладбища же расположены около водных источников, т. е. там, где всегда есть население. И только там, где по каким-либо причинам население не постоянно, сведения о могильниках отрывочны. В таких случаях материал о них собирался среди последней в этих местах группы туркмен, ныне живущей в другом районе Туркмении. В качестве примера можно привести атинцев.

За время нашей работы было обследовано 110 могильников. Раскопочные работы проводились на 18 могильниках. По областям обследованные кладбища делятся следующим образом (цифра в скобках указывает количество кладбищ, на которых проводились раскопочные работы): Ахал—7 (5); Копет-Даг — 11 (1); Юго-Запад — 15 (1); Северо-Запад — 27 (11); Мангышлак — 24, Северная Туркмения — 12, Восточная Туркмения — среднее течение Аму-Дарьи — 7, Мургабский оазис — 8.

Вскрыто более 250 погребений, из которых изъято 120 целых черепов.

На этих кладбищах обследовано без малого 5000 могил и из них около 3000 занесены на специальные бланки. На бланк заносился чертеж надмогильного сооружения, надпись и тамга (если таковые имелись), составлялось описание надгробия и т. п.

Глава I

СОВРЕМЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ТУРКМЕН ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

Значительная часть современных погребений туркменского населения Западной Туркмении размещена на тех кладбищах, которые возникли не раньше XIX в. (в дальнейшем такие кладбища мы будем называть «новыми»).

Эти кладбища возникли вокруг могил «святых», принадлежавших, как правило, к представителям «овляд», «... племена туркмен, не принадлежавшие к группе «овляд», всячески стремились, чтобы на месте, отведенном под родовое или племенное кладбище, первым был погребен представитель «священного» племени, происходящий из влиятельной духовной семьи, так называемый «основоположник» кладбища («гоном баши»). Лишь после того, как на месте, выбранном для кладбища, был погребен «гоном баши», можно было хоронить там покойников из других туркменских племен. В противном случае считалось, что кладбище не имеет «святости»¹.

«Гоном баши» большинства новых кладбищ в Западной Туркмении являются шихи, ходжа, махтумы и сеид. Не удалось зафиксировать пока новых кладбищ с «гоном баши» атинцем.

¹ К. Атаев. Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII, стр. 79.

Место вокруг погребения «гоном баша» занимает могилами в первую очередь. Подчас погребения размещаются вокруг могилы «гоном баша» так плотно, что между ними невозможно пройти, не наступив на могилу.

Поскольку места вокруг главной могилы занимались погребениями в первые годы после основания кладбища, погребения в последующие годы располагаются уже дальше от него. Но «стремление поместить могилу поближе к «гоном баша» заставляет размещать погребения в возможно более близкой к нему точке, т. е. практически по кругу, создавая как бы новый пояс. На новых кладбищах эти хронологические пояса хорошо заметны по степени оседания могильных холмиков, сохранности надгробия и материалу, из которого оно сделано.

Помимо принципа «поближе к «гоном баша» при выборе места для могилы учитывалось и расположение могил родственников. Могилы родственников образовывали отдельные группы. Если на кладбище хоронят людей, принадлежавших к разным тире (что бывает не часто), то создаются также отдельные «дочерние» кладбища каждого тире.

Современные могилы (включая и могилы XIX в.), которые расположены на кладбищах, возникших раньше XIX в., занимают там места по краям могильника (как правило, наименее удобные), выдерживая принцип размещения по родственному признаку и по принадлежности к тире.

Современные погребения туркмен западной области Ахальского оазиса

Погребение текинцев. Текинские погребения XX в. по месту их расположения можно разделить на две группы. К первой — меньшей группе относятся погребения, расположенные в зоне песков, ко второй — погребения, размещенные на кладбищах подгорной полосы Ахальского оазиса.

Могилы, находящиеся в зоне песков, не образуют больших кладбищ, хотя многие кладбища существуют уже много лет. Опрошенные информаторы объясняют это несколькими причинами: первая — текинцы до недавнего времени придерживались обычая хоронить покойников на кладбищах, принадлежащих небольшому тире, которые не могли создать больших кладбищ за сравнительно небольшой период времени; вторая причина — текинцы в песках не ставят каких-либо долговечных надгробий над могилами. Надмогильным сооружением современной текинской могилы служит песчаный холм, в лучшем случае отмеченный небольшими палками по торцовым сторонам. Иногда палки заменяются камнями или кирпичами, если они есть где-либо поблизости (табл. III, 1, 2, 3). Отчасти это объясняется отсутствием подходящего материала для надгробий в песках. Кроме этого, у текинцев существует поверие, что чем быстрее исчезнет могильный холм и «забудется» место могилы, тем лучше для покойника². Помимо этих двух причин есть еще одна, оказывающая влияние на быстрое оседание могильного холмика и исчезновение видимых признаков могилы — непрочность закладки подбоя. В большинстве случаев материалом для закладки служит дерево, которое довольно быстро разрушается в грунте, и холм оседает. Текинские кладбища, расположенные поблизости от древних городищ, караван-сараев и небольших средневековых поселений, в южных Каракумах, имеют иной вид (табл. III — 4, 5). Здесь надгробные сооружения долговечнее.

² Полевые записи ТАЭЭ за 1957 и 1963 гг.

До настоящего времени текинцами соблюдаются правила — хоронить родственников рядом. На кладбище создаются как бы семейные участки. Забегая вперед, следует отметить, что это правило по возможности соблюдается на всех обследованных кладбищах Западной Туркмении. Особенно хорошо оно заметно на новых кладбищах и могилах последних 10—15 лет, когда текинцы уже стали ставить небольшие каменные стелы или доски с именем погребенного.

Конструкция современных могильных ям, по словам информаторов, определяется качеством грунта³. Если грунт достаточно плотный, то делают боковой подбой (табл. III, 18); если же песок, то предпочтение отдается другой конструкции (табл. III, 19) — с погребальной щелью по дну ямы. Представляется, что такое объяснение отражает только одну сторону дела. На кладбищах Ахальского оазиса, где производились археологические работы (например, около городища Шахр-Ислам), зафиксированы в одновременных погребениях разные конструкции могильных ям, хотя грунт позволяет делать боковой подбой. Правда, могилы в данном случае принадлежат не текинцам, но все же это в значительной мере опровергает вышеприведенное объяснение. Существование в одинаково плотных грунтах двух типов могильных ям подтверждается и материалом из района Балхан⁴.

Покойника кладут в могилу завернутым в саван, на правый бок, головой на северо-запад, так, чтобы лицо было обращено к Мекке. Ориентированы могильные ямы текинских погребений в зоне песков по линии СЗ—ЮВ.

К сожалению, в зоне песков до наших дней сохранились почти только могилы последних 30 лет. К более ранним можно отнести лишь единицы. Несомненно, в песках находятся самые древние могилы текинцев в Ахале. Текинцы не сразу осели на завоеванных землях. Некоторое время они продолжали заниматься кочевым скотоводством и жили в песках⁵. Кроме этого, до сегодняшнего дня сохраняется обычай предпочтительного погребения текинцев на кладбищах предков в песках. Несомненно, раньше это правило соблюдалось строже.

Текинские погребения, расположенные в подгорной полосе Конет-Дага, размещены на двух группах кладбищ — на новых, т. е. только текинских могильниках, и на средневековых, где кроме погребений современных жителей много могил более раннего происхождения.

Новые кладбища расположены неподалеку от аулов. Автор настоящей работы не встречал кладбищ, расположенных на большом расстоянии от поселений. Возникновение новых кладбищ в подгорной полосе связано и в большинстве случаев обусловлено хозяйственными причинами — оседанием текинцев в оазисе и переходом к земледелию. Это не означает, что процесс оседания текинцев в оазисе начался в конце XIX в. До этого времени, очевидно, преобладал упомянутый обычай погребения в песках. В это же время наблюдается особенно быстрое освоение земель под хлопчатник, возникновение новых аулов, увеличение числа хозяйств старых, переселение аулов на новые места — ближе к обрабатываемым полям и т. п. Во многих случаях при этом возникали новые кладбища.

Примечательно, что почти все новые текинские могильники не имеют текинских названий. Это обстоятельство объясняется тем, что

³ Полевые записи ТАЭЭ за 1958, 1960 и 1963 гг.

⁴ См. ниже раздел о могильниках Балхан.

⁵ В. Кёниг. Скотоводческое хозяйство... Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI, стр. 244, 246—247; К. Нурмухамедов. Этническая история и хозяйство туркменского населения Ахала в XVIII—XIX вв. Канд. дисс. М., 1962.

кладбище получает имя «гоном баши», т. е. основателя кладбища. Подавляющее же большинство «гоном баши» современных кладбищ в Ахале принадлежат к шихам и махтумам.

Рядовые текинские погребения на кладбищах подгорной полосы обозначены надгробиями, несколько отличными от надгробий в песках. Эти отличия не имеют принципиального значения, а вызваны наличием камня и глины в подгорной полосе. В некоторых местах они ничем не отличаются от надмогильных сооружений в зоне песков.

Могильные ямы делаются с боковым подбоем, ориентированы как и в песках по линии СЗ—ЮВ. В последнее время, особенно на городских кладбищах, ставятся современные надгробия из камня, цемента и т. п. материалов.

Погребения текинцев, расположенные на средневековых могильниках, размещены по краям кладбища. Иногда они создают обособленные дочерние кладбища, группирующиеся вокруг могилы какого-нибудь «святого», похороненного в этом месте уже при текинцах. Этот новый «гоном баши» пользуется таким же, если не большим, почитанием, как и старый.

Формы надмогильных сооружений новых могил на средневековых кладбищах более разнообразны, нежели на собственно текинских могильниках. Здесь они во многом повторяют надгробия предшествующих времен и не только текинских погребений XVIII—XIX вв. Используются вторично надгробные сооружения позднего средневековья. Следует отметить, что ориентация надгробных сооружений и, очевидно, могильных ям новых текинских могил на средневековых кладбищах не всегда выдержана по линии СЗ—ЮВ. Часто она смещена к северу или к западу, повторяя ориентацию средневековых погребений. Особенно четко это прослеживается на могильниках западной части Ахальского оазиса. Могильники этой области имеют и другое существенное отличие. Здесь, наряду с общими для Ахала надгробиями, текинцы до сего дня ставят на могилах фертообразные стелы.

По рассказам информаторов, ферт ставят родственники погребенного некоторое время спустя. Как правило, промежуток во времени между смертью и установкой ферта не превышает полутора лет. Нередко, однако, некоторые старики, не надеясь на своих близких, еще при жизни заготавливают себе надгробие. Почти на всех фертах есть имя погребенного и дата смерти. Помимо надписей на многих фертах выбиты тамги, что почти не встречается на надгробиях других типов. Сейчас трудно дать окончательный ответ на вопрос — почему ферги сохранились только у некоторых западных групп текинцев. Скорее всего это объясняется влиянием соседей — иомутов, у которых ферт по сей день является обязательной принадлежностью надгробного сооружения. В данном случае ссылка на местные природные условия ни в коей мере не правомочна, так как во всей подгорной полосе оазиса материала для изготовления фертов более чем достаточно.

Конструкция могильных ям современных текинских погребений в подгорной полосе не отличается от могильных ям в зоне песков. Это те же два типа — с боковым подбоем и погребальной щелью в центре дна могильной ямы. Щель, как явствует из сообщения информаторов, делается очень редко. Подбой закладывается камнями, реже досками. Каменная закладка подбоя более прочная и могильный холм сохраняется значительно лучше, чем у погребений, расположенных в песках.

Как отмечалось, текинские погребения XVIII—XIX вв. в зоне песков пока зафиксировать не удалось. Погребения этого времени, рас-

положенные в подгорной полосе, известны на кладбищах у Шахр-Хайбара, Геок-тепе и Коджа.

В этих трех пунктах большинство указанных информаторами текинских могил отмечены беспорядочными кирпичными выкладками или выкладками по периметру могильного холмика. Некоторые выкладки окружены каменной или кирпичной оградой.

На кладбище оксло Коджа, помимо выкладок, информаторы называют текинскими и могилы, обозначенные фертами. Эта традиция продолжается здесь и по сей день. На фертах сделаны надписи религиозного характера (обычно фразы из Корана) и выбиты тамги.

Погребения текинцев XVIII—XIX вв., размещенные на средневековых могильниках, создают хорошо прослеживаемые группы и образуют второй, после средневековых, пояс.

Ориентация погребений, как и современных могил, помещенных на средневековых могильниках, колеблется от ССЗ—ЮЮВ до ЗСЗ—ВЮВ. Судя по сведениям информаторов, устройство могильных ям в погребениях XIX в. и положение покойников не отличаются от современных.

Погребения карадашлинцев. В настоящее время численность карадашлы, живущих в Ахале, невелика. Они расселены отдельными семьями по всему оазису и только в районе Бахардена создают небольшую, более или менее компактную, группу. Большинство исследователей, ссылаясь на Абу-л-Гази⁶, считают карадашлы частью языров⁷. Это заставляет особенно внимательно подойти к этой группе, поскольку языры — первое упомянутое источниками туркменское племя, локализованное на определенной территории⁸. Судьба языков в какой-то мере известна до XIII в.⁹, а упоминание подгорной полосы Кюпет-Дага под именем Языра кончается в XV в.¹⁰. В позднейших письменных источниках упоминаний о Языре нет. Куда исчезло это многочисленное племя¹¹, письменные источники не сообщают.

Современные могилы карадашлы расположены на кладбище около городища Шахр-Ислам. Внешне они ничем не отличаются от современных текинских. На большом могильнике Шахр-Ислама они образуют обособленную южную группу. Ориентация надмогильных сооружений осуществлена по линии СЗ—ЮВ. Судя по сообщению информаторов, могильные ямы делаются только с боковым подбоем в юго-западной стенке.

Более ранние карадашлинские могилы (XIX в. и ранее) размещены на самом городище. Наиболее древние из них можно датировать не ранее второй половины XVII — начала XVIII в. До XVII в. на месте городища еще было небольшое поселение¹².

Могилы обозначены земляными холмиками, выложенными по периметру или по всей площади средневековым кирпичом. В подавляющем большинстве вокруг холмика сделана ограда из такого же кир-

⁶ Абу-л-Гази. Родословная туркмен. Перевод А. Н. Кононова. М.—Л., 1958, стр. 68.

⁷ Б. А. Литвинский и В. Г. Мошкова. Изучение Така-Языра, Дуруна. Тр. ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 276—325; В. Г. Мошкова. Отчет о работе этнографической группы ЮТАКЭ в 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953, стр. 315—343.

⁸ МИТТ, т. I, стр. 529.

⁹ История Туркменской ССР, т. I, кн. I. Ашхабад, 1957, стр. 282.

¹⁰ МИТТ, т. I, стр. 529.

¹¹ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков, т. II. СПб., 1762, стр. 295.

¹² Сведения, касающиеся археологического изучения городища Шахр-Ислам, любезно предоставлены заведующим сектором археологии ИИАЭ АН ТуркмССР Е. Атагарыевым.

пича высотой до 40 см. Могилы с аналогичными надгробиями на кладбище у Шахр-Хайбара местные жители приписывают текинцам. На городище Шахр-Ислам информаторы безоговорочно относят эти могилы к карадашлинцам.

Вскрытые на этом городище погребения XIX в. дали два типа могильной ямы. Насколько можно судить, преобладает погребальная щель в центре дна, хотя грунт позволяет делать и боковой подбой (табл. IV, 1—3). Положение костяков — обычное для мусульман. Ориентация карадашлинских могил на Шахр-Исламе не всегда выдержана по оси СЗ—ЮВ.

Погребения атинцев. Помимо текинцев и карадашлы в западной части Ахала живут сейчас несколько семей атинцев и небольшие группы иомутов.

Современные атинские погребения на кладбище около Коджа расположены отдельной группой. Их немного — обнаружено не более 30. Они обозначены невысокими каменными выкладками. Ориентация выкладок — по линии СЗ—ЮВ. Старожилы рассказывают, что эти погребения возникли не раньше начала XIX в., т. е. времени последнего переселения атинцев в Кодж. По внешнему виду погребения XIX в. не отличаются от могил XX в.

Надгробия иомутских захоронений во многом повторяют текинские, у иомутов только ферты выражены более четко и ограды вокруг могил выше. Обязательной принадлежностью иомутского ферта — тамга того типа, к которому принадлежал погребенный. Иногда выбиваются две тамги — крупного и мелкого племенных подразделений. Ориентированы надгробные сооружения по линии СЗ—ЮВ. Как и текинские, могилы иомутов и атинцев расположены по краям средневековых могильников.

Устройство могильных ям современных атинских и иомутских могил идентично текинским.

Современные погребения туркменского населения Копет-Дага

Современные погребения гоклен, мурчали и нохурли (в долине Сумбара) размещены в основном на новых могильниках. Основой для кладбищ являлись, как правило, многочисленные разновременные мазары. Могильники не старые. Только немногие из них насчитывают более 100 лет.

Большинство погребений обозначены земляными холмиками. По торцовым сторонам холмиков часто установлены палки. Гоклены по возможности стараются поставить как можно более высокие палки. В северо-западных сторонах холмиков у гокленов, мурчали и нохурли устанавливаются деревянные резные надгробия. Форма надгробий у всех трех групп одинакова (табл. VI, 6, 8).

Каменные надгробия встречаются редко. По большей части это слегка обработанные одиночные стелы.

Большое место в оформлении могил отведено рогам горного барана-киника¹³. Обращает на себя внимание отсутствие надгробий-фертов.

Устройство могильных ям (по рассказам информаторов) и положение покойников — традиционно мусульманское. Тем не менее авто-

¹³ В. Н. Басилов. Надгробные памятники Южного Туркменистана в связи с вопросом о древних туркменских верованиях. М., 1959 (рукопись дипломной работы хранится на кафедре этнографии МГУ).

ру приходилось наблюдать на гокленовских кладбищах разрушенные могилы XIX — начала XX в., где боковой подбой был заменен погребальной щелью.

По-иному выглядят погребения туркмен-шихов. В Копет-Даге они сосредоточены на кладбище Пакир-ших, которое находится в двух километрах к югу от аула Бейдесен. Для кладбища Пакир-ших характерна идентичность надгробий современных и более ранних могил (табл. VI, 1—5).

К северо-востоку от могильника находится, как рассказывают информаторы, карадашлинская крепость. Сохранность памятника весьма удовлетворительная, что объясняется в первую очередь бережным отношением к крепости населения: на нее как бы переходит часть «святости» могильника Пакир-ших.

Шиши считают, что могильник основан Пакир-шихом¹⁴ («гоном башни») и его тестем, похороненным здесь же несколько раньше — Языр ханом¹⁵. Могилы Пакир-шиха (его арабское имя Фахр-ад-дин)¹⁶ и Языр-хана расположены рядом. По преданию Пакир-ших завещал сначала помолиться на могиле Языр-хана, как более старшего и знатного по происхождению, а только потом переходить к его могиле¹⁷.

Надгробиями обеим могилам служат прямоугольные в плане выкладки из дикого камня с оградами из больших камней. Надгробия несколько раз реставрировались. Большинство рядовых могил отмечено каменными выкладками из булыжника и плитника. По торцовым сторонам некоторых выкладок поставлены необработанные стелы. Погребения расположены на кладбище так близко друг к другу, что порой невозможно определить, где кончается одно надгробие и начинается другое.

Погребения туркменов-ходжа, живущих в Копет-Даге, до настоящего времени никем не обследовались и сведений о них нет.

Погребения текинцев, расселенных в Сайванской долине, очень немногочисленны. Малочисленность погребений местные жители объясняют традицией, по которой более предпочтительным считалось погребение в Ахале. Только тех, которых родственники по той или другой причине не могут преправить в Ахал (приблизительно около 40 км по горной дороге), хоронят на кладбищах Сайванской долины. Их могилы обозначены земляными холмиками, выложенными по всей площади камнем.

Современные погребения туркмен Юго-Западной Туркмении

Погребения иомутов. Как и в подгорной полосе Копет-Дага, в Юго-Западной части Туркмении, современные погребения иомутов размещены на двух видах кладбищ. Первый вид — кладбища, основания которых относятся к XIX — началу XX в. (новые), второй — кладбища, основанные до XIX в.

Расположение новых иомутских кладбищ по отношению к местам поселений не отличается от расположения новых текинских и иомутских могильников в подгорной полосе Копет-Дага. Они, как правило, нахо-

¹⁴ Полевые записи ТАЭЭ за 1962 г.

¹⁵ К. А т а е в. Некоторые данные... Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

¹⁶ Там же, стр. 75—76.

¹⁷ Полевые записи ТАЭЭ за 1962 г.

5. Каменная «баба», найденная в районе Удека (Балханского). 6. Могильник Агар-Убак. На переднем плане надгробия «переходной» группы — каменные и кирпичные выкладки с фертми 7. Посуда и куски ткани на могиле «Мурад-аги» около аула Ходжа-Кала

дятся в непосредственной близости от аулов и в большинстве случаев на них хоронят жителей данного населенного пункта и только в отдельных случаях — посторонних. На кладбище привозят покойников из другого аула только в том случае, если здесь похоронены его предки и покойник был отсюда родом. В последнее время этот обычай соблюдается все реже и реже.

Погребения размещены на новых кладбищах по родственному признаку — могилы родственников находятся рядом. Надгробные сооружения на современных могилах — могильные холмики, с северо-западной стороны которых поставлены ферты, палки, камни или какие-либо другие предметы.

Форма фертов в этой части Туркмении мало чем отличается от аналогичных надгробий других областей. Как и на Красноводском полуострове¹⁸, большое место в оформлении могилы отведено рогам диких или домашних баранов и горных козлов. Присутствие их на могиле считается весьма желательным¹⁹. На многих фертах сделаны светильники. Старое назначение их забыто. Сейчас эти углубления делают для того, «чтобы птицы могли поить из них воду, оставшуюся после дождя»²⁰.

Значению рогов дикого барана в оформлении современных могил посвящено специальное исследование²¹ В. Н. Басилова, о котором говорилось выше. В данном случае заслуживает внимания одновременная установка на могилах и фертов и рогов.

Современные погребения, размещенные на кладбищах, основанных до XIX в., не дают новых форм надгробных сооружений. Устройство могильных ям и трупоположение у иомутов Юго-Запада Туркмении такое же, как и в подгорной полосе. До сих пор делаются могильные ямы двух видов (табл. III, 18—19) и производится та же ориентация по линии СЗ—ЮВ.

В отличие от населения подгорной полосы Ахальского оазиса население юго-западной части Туркмении почти не хоронит своих покойников на средневековых кладбищах. Примером могут служить могильники Бедели-ата, у родника Аджамал и т. п. Такое положение объясняется несколькими причинами. Первой, и как представляется, основной является изменение водного режима края. Большинство средневековых поселений расположены в ныне безводных районах. В связи с «уходом» воды поселения были перенесены в другие места, а вместе с ними были перенесены и места захоронений.

К другим причинам относятся труднодоступность средневековых могильников, незнание мест их расположения и т. п. Немаловажное значение имеет и большое количество мазаров, которые становились «гоном-баши». Весьма вероятно, что не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что современные жители недостаточно четко воспринимали предшествующее им население как своих «родственников», пусть даже дальних. Не исключена возможность, что по племенной принадлежности старое население было иным, отличным от пришлых туркменских групп — иомутов и поселившихся несколько раньше текинцев и сарыков²².

¹⁸ См. ниже раздел о погребениях Красноводского полуострова и Балхан.

¹⁹ Полевые записи ТАЭЭ за 1958 г.

²⁰ Там же.

²¹ В. Н. Б а с и л о в. Ук. соч.

²² Ю. Э. Брегель. Этническая карта Южной Туркмении и Хорасана в XVII—XVIII вв. КСИЭ, т. XXXI, 1959, стр. 14.

Современные погребения туркмен Балхан

Погребения иомутов. Современные иомутские погребения на Балханах обозначены надгробными сооружениями, мало отличающимися от надгробий Юго-Западной Туркмении и западной части Ахальского оазиса. Наиболее распространены надгробия-ферты (табл. IX), установленные в северо-западной стороне могильного холмика. Как видно из приведенной таблицы, форма фертов не всегда одинакова, а подчас свойственна только определенному тире.

Значительное число могил обозначено земляными холмиками с небольшими палками по торцовым сторонам. Этот вид надгробий является промежуточным. Местные жители отмечают, что палки служат отметкой могилы до установки фертов.

Обязательная деталь иомутского ферта на Балханах — изображение тамги подразделения, к которому принадлежал погребенный. Подчас выбиваются две тамги — большого и малого тире (табл. IX). На фертах много надписей арабской и русской графикой. Большинство надгробий этой группы имеют светильники.

В тех районах, где имеется в достаточном количестве камень, погребения часто заключены в круглые ограды, довольно часто могильные холмики также по всей площади выложены камнем.

Могильные ямы современных иомутских погребений с боковым подбоем. Ориентированы они по оси СЗ—ЮВ. Покойника кладут в могилу на правый бок, головой на СЗ. Подбой закладывается или камнем или деревом в зависимости от места могильника.

Характерной чертой современных туркменских кладбищ Балхан, как и других мест, является то, что на могилы клали металлические тазы, чайники, деревянные миски, кумганы и т. п. предметы. Причем для иомутских кладбищ это типично в большей мере. Информаторы объясняют этот обычай приносить посуду на кладбище необходимостью «покойнику на том свете» иметь посуду, из которой он мог бы напиться. Но, очевидно, здесь мы встречаемся с отголоском древней традиции — оставлять в погребении посуду. Поскольку ислам запрещает класть с покойником какие-то ни было вещи в могилу, то вещи оставляли наверху²³. Следует отметить, что за очень редким исключением на могилку кладут не посуду, а другие предметы. Удалось зафиксировать только 5 таких случаев на всех обследованных кладбищах.

На северных склонах Большого Балхана живет небольшая группа туркмен-ходжа. Их погребения по внешнему оформлению отличаются от иомутских (табл. XIII, 10). На могиле ходжинцев не ставится ферг. Он заменен прямоугольной стелой с тамгой, имеющей в основе круг, и место погребения огорожено выкладкой из дикого камня в один ряд.

Современные иомутские погребения Балхан расположены как на новых могильниках, так и на могильниках, основанных предшествующим населением. Могильники, основанные иомутами, немногочисленны. Их возраст не превышает 150—200 лет. Размеры кладбищ небольшие. Среднее число могил на них колеблется от 50 до 100. Такое количество погребений объясняется тем, что у иомутов в большей степени, чем у других групп туркмен, сохраняется обычай хоронить покойников на кладбищах, принадлежащих небольшим племенным подразделениям.

²³ В. И. Маркович, Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, стр. 227.

Погребения на кладбищах располагаются строго по родственному признаку, о чем свидетельствуют также и формы фертов, разные для разных родственных групп.

Для могильников этого вида характерна еще одна черта: они редко функционируют более 50—70 лет. Такое положение объясняется зависимостью туркменского хозяйства от водного режима. Если место хорошо обводнено, то жизнь в этом районе продолжается довольно долго и кладбище сильно разрастается. Но с «уходом» пресной воды, в большинстве случаев, кочевье переходит на другое место, где и создается новый могильник. При частых переносах места поселения, что имело место у иомутов рассматриваемой территории, могильники функционировали в среднем 50—70 лет. Правда, до самого последнего времени сохранялся обычай хоронить покойников на кладбищах предков. Но в настоящее время этот обычай часто не соблюдается.

Другой причиной «недолговечности» новых могильников являлись политические события, вызывавшие переселения отдельных племенных подразделений на новые места. В качестве примера можно привести экспансию казахских баев, начавшуюся в XIX в.

Картографируя кладбища с учетом их племенной принадлежности и дат могил, удается проследить места жизни того или иного подразделения иомутов, начиная по крайней мере с 30-х годов XIX в.

Но, к сожалению, это относится к небольшому числу тире, так как в настоящее время еще не обследованы все кладбища, кроме того, большинство современных могил размещено на могильниках, основанных в средние века. А на эти могильники из-за их «святости» возят хоронить даже за 100 км. Например, население поселка Аккуи, несмотря на наличие кладбища около близлежащих аулов Удек и Оюк-лы, возит покойников хоронить за 95 км на кладбище Омар-Ата. Этот могильник большинство населения северо-балханской степи считает кладбищем предков. В одинаковой степени «святостью» распространяется и на часть других средневековых могильников, причем только на те, на которых есть современные иомутские могилы.

Современные погребения размещены по краям средневековых кладбищ и занимают наименее удобные места для погребений — в низинах, по краям руслов силей, у дорог и т. п.

Погребения атинцев. Предшествующую иомутским погребениям группу составляют погребения, которые местное население приписывает туркменам-атинцам. Их могилы, по словам информаторов, обозначены двумя видами надгробных памятников — прямоугольными в плане выкладками из дикого камня (табл. XX, 1, 2; XIX, 7) и фертами. Следует отметить, что ферты приписываются местными жителями атинцам только на кладбище Караилем-ата.

Информаторы также сообщают, что «эти камни» уже стояли, когда пришли сюда иомуты 150—200 лет тому назад²⁴. Атинских фертов очень немного. Этот вид надгробных памятников исчезает в XVIII в.

Атинские надгробия-ферты примечательны еще и тем, что под ними не обнаружено до сего дня ни одного погребения. В тех местах, где было возможно, были вскрыты «погребения» с фертами и во всех пяти случаях «могильная яма» не прослеживалась глубже 60—70 см.

Объяснением этому может, в какой-то мере, служить рассказ одного из жителей аула Кошоба. Он сообщил, что недавно присутствовал на похоронах одного туркмена из Аккуи. Его «похоронили» на кладбище Омар-ата, но необычным способом: специальный человек

²⁴ Полевые записи ТАЭЭ за 1959 и 1960 гг.

вскрыл труп, удалил из него внутренности и «выпустил кровь». Внутренности и кровь были похоронены на Омар-ата, где над ними был насыпан земляной холмик и поставлен ферт. Само же тело натерли солью и какой-то травой и по последнему желанию покойного отвезли на родину предков — Мангышлак²⁵.

На атинских фертах зафиксировано несколько надписей, но они пока не поддаются чтению.

Атинские погребения, отмеченные выкладками (табл. XX, 2), очень многочисленны, и они известны на подавляющем большинстве кладбищ. Перед некоторыми выкладками сохранились небольшие стелы. По расположению на кладбищах эти погребения предшествуют иомутским могилам (где последние есть), а на некоторых могильниках расположены отдельно, образуя как бы самостоятельные кладбища.

Типы современных погребальных сооружений Западной Туркмении

Суммируя изложенный материал, мы можем выделить следующие основные типы надгробных сооружений, конструкций могильных ям и способов групповых погребений, бытующих у современного населения рассматриваемой области.

I. Наиболее распространенная форма современных надгробных сооружений западной Туркмении — земляной могильный холм с воткнутыми по торцовым сторонам палками или необработанными каменными стелами. Иногда стелы слегка подработаны. Этот тип надмогильного сооружения имеет несколько вариантов, встречаются обкладки камнями или кирпичами по периметру или по всей площади (табл. XXIV, 1—4). В отдельных местах каменная стела или палка устанавливается только в изголовье. Такие надгробия сооружаются всеми современными группами туркмен, населяющих западную Туркмению, и распространены на всей ее территории.

II. Вторая большая группа погребений обозначена могильными холмиками, заключенными в круглые или овальные ограды (табл. XXIV, 5—6). В подавляющем большинстве могилы этого типа принадлежат туркменам-карадашам, западным текинцам и иомутам.

III. Третий тип захоронений отмечен фертами (табл. XXIV, 7—8). Отдельные надгробия с фертами имеют много общих черт с предыдущим типом, т. е. заключены в круглые ограды. Ферты на могилы ставят иомуты и отдельные группы текинцев западной части Ахальского оазиса.

IV. Четвертый тип погребений обозначен резными, в виде слочек дощечками (табл. XXIV, 9—11). Распространены эти надгробия в местах расселения гокленов, мурчалы и нохурлы.

V. Пятый тип надмогильных сооружений представлен высокими прямоугольными в плане иногда с закругленными краями выкладками (табл. XXIV, 12), сооружается над могилами небольших групп туркмен-атинцев и шихов, живущих в Ахальском оазисе.

Можно выделить два типа конструкции могильных ям — с боковым подбоем (табл. III, 18) и с погребальной щелью по длинной оси могильной ямы (табл. III, 19).

Ямы первого типа преобладают. Связать ту или иную конструкцию ямы с каким-либо типом надгробий пока не удастся, так же, как и не удастся отнести разные конструкции могильных ям к определенным группам населения.

²⁵ Полевые записи ТАЭЭ за 1960 г.

Ориентация современных могильных ям в подавляющем большинстве совпадает с линией СЗ—ЮВ. Покойника кладут на правый бок, головой на СЗ. По некоторое незначительное к общей массе число современных погребений ориентировано по оси ЗСЗ—ВЮВ, а отдельные захоронения, судя по надгробиям, по оси З—В.

Рассмотрим следующие таблицы²⁶.

Типы надгробных сооружений	Район распространения	Племенная принадлежность
I (могильный холм в различном оформлении)	Ахал, Копет-Даг, Юго-Запад, Балханы	теке, иомуты, гоклены, нохурли, мурчали, карадашлы, ходжа, ата, шихи
II (овальные и круглые ограды)	Ахал, Балханы	карадашлы, теке (?), иомуты
III (фергы)	Ахал, Юго-Запад, Балханы	теке, иомуты, ата (?)
IV («ёлочки»)	Копет-Даг и (часть Ахала)	гоклены, мурчали, нохурли
V (выкладки)	Копет-Даг, Ахал, Балханы	шихи, ата

Племя	Типы надгробных сооружений	Район	Типы надгробных сооружений
Ата	I, V	Ахал Копет-Даг Юго-Запад Балханы	I, II, III I, IV, V I, III I, II, III, V
Гоклены	I, IV		
Иомуты	I, II, III		
Карадашлы	I, II		
Мурчали	I, IV		
Нохурли	I, IV		
Теке	I, II (?), III		
Ходжа	I (по остальным т пам нет данных)		
Шихи	I, V		

Эти таблицы показывают, что помимо группировки типов надгробных сооружений по областям намечаются и группировки их по племенам. Так, текинцы и иомуты имеют одинаковые типы надгробных сооружений. В известной мере к ним относятся карадашлы. Гоклены, мурчали и нохурли также одинаково, но отлочно от других групп, оформляют свои могилы. Третью группу составляют ата и шихи, погребения

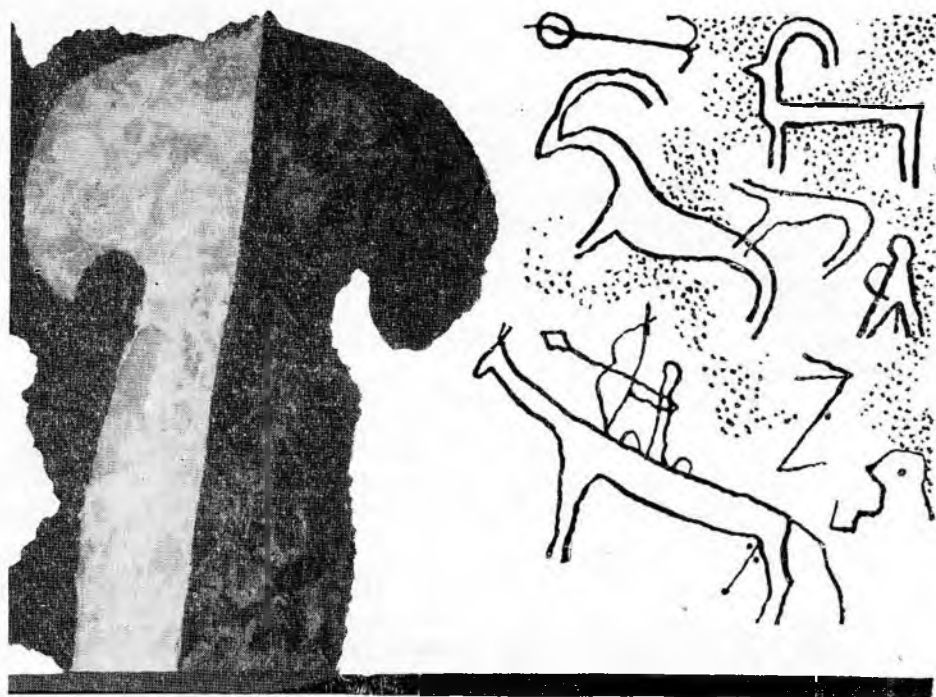
²⁶ Таблица составлена без учета типов надгробий «гоном башни».

которых отличаются от других. И всем этим группам, вместе взятым, присущ способ оформления могил I типа. Обращает внимание тот факт, что ни одной группе не свойствен какой-либо один тип намогильного сооружения.

Примечателен состав этих групп. Текинцы и иомуты считают себя «родственниками» и до недавнего времени жили на одной территории и вели одинаковый вид хозяйства.

Гоклены, нохурли и мурчали — земледельческие племена и давно живут по соседству. И, наконец, ата и шихи входят в категорию «овляд».

Глава II

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Средневековые погребения западной части Ахальского оазиса

На средневековых могильниках западной части Ахала выделяются несколько типов надгробных сооружений.

Наиболее значительное количество могил обозначено надгробиями, условно названными «пирамидками».

Внутри этого типа надгробных сооружений выделяются несколько видов, различающихся теми или иными деталями конструкции и способом установки над могилой.

Первый вид составляют многоступенчатые пирамидки, вытесанные из одного куска камня (табл. V, 1—3; 5—12). Верхний уступ (в дальнейшем его для краткости будем называть «навершием») в сечении прямоугольный. Количество ступенек насчитывается от 3 до 5. Надписей, рисунков и изображений тамг на пирамидках этого вида нет. Пирамидки установлены преимущественно по несколько штук в ряд, параллельно друг другу (от 3 до 6) и огорожены кладкой в один ряд из дикого камня. Участки земли, огороженные камнями, несколько приподняты. Ориентация продольных осей пирамидок колеблется от

линии З—В до линии СЗ—ЮВ. Много надгробий этой группы сдвинуто с мест и расколото. Очень редко встречаются при них светильники¹.

По торцовым сторонам некоторых пирамидок сохранились остатки каменных стел. Стелы сохранились значительно лучше у той части могил, которые расположены ближе к погребениям XVIII—XIX вв. Наиболее выразительны стелы на кладбище Коджа (табл. III, 23).

Здесь они представлены фертами и сигаровидными столбиками. На тех и других выбиты кресты. По форме ферты мало отличаются от надгробий XVIII в. Характерна одна деталь — стелы-ферты имеют очень короткие «ножки» и, как правило, опорой для них служат пирамидки. На фертах и сигарообразных стелах сделаны надписи.

Пирамидки такой формы зафиксированы в Ахале на кладбищах Коджа, Парау и Шахр-Исламе.

Второй вид составляют надгробия, сочетающие в себе элементы пирамидок и фертов (табл. V, 5). На верхних ступеньках основания пирамиды сделаны квадратные или круглые в плане светильники, а на фертообразных навершиях выбиты надписи. Установлены ферты-пирамидки на небольших земляных возвышениях, обложенных по периметру булыжником.

Кроме Ахала надгробия такого типа зарегистрированы только в одном месте — на кладбище Кошоба (Красноводский полуостров). В Ахале они пока встречены только в Кодже.

Третий вид включает в себя пирамидки с массивными навершиями (табл. V, 8, 9). В этом виде выделяются несколько вариантов.

Первый — пирамидки на плоском основании с массивными, ромбовидным в сечении, навершием (табл. XXV, 12).

Второй — пирамидки с высоким навершием (табл. V, 12) и многоступенчатым основанием.

На обоих вариантах пирамидок, как правило, сделаны светильники, а на втором часто встречаются надписи. Могилы с этими надгробиями расположены поодиночке, в отличие от пирамидок третьего варианта этого вида (табл. V, 10), могилы с которыми размещены так же, как могилы с пирамидками первого вида (табл. V, 2).

Эти надгробия сочетают в себе элементы двух видов — по форме они ближе к третьему виду, а по установке (т. е. размещению могил) — к первому. Надписи на них немногочисленны, светильников и изображений тамг нет. Ориентация длинных осей пирамидок этого вида СЗ—ЮВ с незначительными отклонениями в ту или другую сторону.

Четвертый вид пирамидок составляют так называемые «крылатые» (табл. V, 3). На них много надписей, нет светильников и изображений тамг. Установлены они в прямоугольных оградах из дикого камня. Ориентированы пирамидки по линии СЗ—ЮВ. Пирамидки такой формы зафиксированы только на кладбище Коджа. На кладбищах Коджа и Парау есть еще группа пирамидок, объединяющая все экземпляры надгробий, не входящие в выделенные выше четыре вида (табл. V, 2, 6, 7). Подчас они сочетают в себе черты всех приведенных выше видов надгробий-пирамидок. Часть из них может быть включена в виды надгробий-пирамидок, которые выделены на восточном берегу Каспия. В Ахале же они насчитываются единицами.

В отдельный второй тип выделяются погребения с надгробиями, которые мы называем «две стелы» (табл. XXIV, 13). Могил, отмечен-

¹ Эти углубления часто встречаются не только на пирамидках, но и на фертах. Этнографический материал, собранный на Мангышлаке и на Красноводском полуострове, позволяет назвать их светильниками. Подробно об этом сказано в главе о погребениях Красноводского полуострова и Мангышлака.

ных такими надгробиями, на кладбищах Ахала достаточно много. Преобладают они в западной части оазиса.

Совершенно не похожи по внешнему виду на все предыдущие надгробия третьего типа надгробные сооружения, условно называемые «выкладка с фертом» (табл. XXV, 1, 2). По некоторым особенностям выкладок и характеру материала, из которого они сложены, надгробия этого типа делятся на несколько видов.

Первый вид составляют погребения с надгробиями (табл. XXV, 1), где выкладка сделана из жженого кирпича и с северо-западной стороны выкладки установлен ферт.

Второй вид составляют погребения с надгробными сооружениями в виде прямоугольной кирпичной выкладки без ферта (табл. VI, 3).

Третий вид представлен прямоугольными высокими выкладками из дикого камня. В северо-западной стороне выкладки установлен короткий ферт (табл. XXV, 2). На фертах есть надписи. По форме они ближе всего к высоким фертам, установленным перед кирпичными выкладками.

Четвертый вид (табл. XXV, 3) представлен выкладками также из дикого камня, у которых ферт часто заменяется простым камнем или отсутствует. Весьма вероятно, что некогда на этих выкладках были установлены ферты, которые в настоящее время разбросаны между могилами.

Могильные ямы и положение костяков в них обычны для мусульман. Покойники лежат в боковых подбоях на правом боку, головой на СЗ, лицо — к Мекке.

Погребения с надгробиями в виде прямоугольных выкладок наиболее широко представлены на кладбищах в Чулях (Гез-баш), Шахр-Ислама, Парау и Коджа.

В одной из могил Гез-баша были обнаружены два фрагмента сосудов (табл. VI, 10). В этих сосудах приносили, очевидно, воду для приготовления ганчевого раствора, которым скреплены камни погребения. Керамика датирует погребения XIII—XIV вв.

Погребений, обозначенных хорошо обработанной плитой с двумя фертами по торцовым сторонам (табл. V, 13), зафиксировано сравнительно немного. Они составляют четвертый тип надгробий. В подгорной полосе могилы с такими надгробиями известны на Намазга-депе, в Кодже и, очевидно, в Парау. Правда, в Парау сохранились только остатки плит, а целиком надгробий нет. Могильные ямы под ними, судя по балханским погребениям с аналогичными надгробиями, двух видов — с боковым подбоем и погребальной щелью вдоль дна ямы.

Среди погребений средневековой поры в Ахале известны подземные кирпичные склепы (табл. V, 4). На поверхности земли они обозначены прямоугольными выкладками из дикого камня (в один ряд) или невысокими кирпичными выкладками (табл. V, 4).

Склепы по количеству погребенных в них делятся на два вида. К первому относятся групповые склепы Парау. Количество костяков в них колеблется от 1 до 5. В восточной стенке оставлены заложенные камнями отверстия, через которые в склеп клали покойников.

Склепы, обнаруженные в Шахр-Исламе, по конструкции не отличаются от склепов Парау. Однако погребено в них только по одному человеку. Покойников на Шахр-Исламе клали в склепы в деревянных гробах. К сожалению, дерево сохранилось очень плохо и прослеживается только план гроба.

В обоих случаях покойники лежали на спине, головой на ЗСЗ. Некоторые склепы ориентированы по оси В—З.

Средневековые погребения Юго-Западной Туркмении

На средневековых кладбищах Юго-Западной Туркмении погребения обозначены несколькими типами надгробных сооружений. Эти надгробия во многом повторяют формы подгорной полосы Копет-Дага.

Первый тип составляют погребения, отмеченные как и в Ахале фертами (табл. V, 18). Информаторы относят эти погребения к иомутам.

Второй тип представлен пирамидками. Этническую принадлежность погребений с пирамидками современное население не знает. Форма пирамидок не одинакова. Наряду с формами, встречающимися в Ахале (табл. VII, 9), есть и другие (табл. VII, 1—6, 10, 13), но они немногочисленны.

Третий тип надгробий дают погребения, обозначенные каменными плитами с фертообразными стелами по торцам (табл. VII, 12). Как и в Ахале, эти погребения здесь малочисленны.

Четвертый тип представлен надгробиями в виде прямоугольных кирпичных выкладок (табл. VII, 11). В отдельных случаях перед выкладками поставлен ферт.

Для погребений, обозначенных пирамидками, достоверно известно устройство могильных ям (табл. VIII, 6). Могил с боковым подбоем под пирамидками нет. Во всех вскрытых погребениях на дне ямы сделана погребальная щель.

В районе Шарлоука, на кладбищах Бедели-ата и Аджамал, отмечены погребения с надгробиями пятого типа, не имеющими себе аналогий в Ахале. Эти могилы обозначены большими каменными столбами и оградкой из дикого камня по периметру прямоугольника (табл. VIII, 1—3). На столбах изображены животные, оружие, тамги и прочие вещи (табл. V, 16, 17; VII, 7, 8, 14). На многих надгробиях имеются надписи арабскими буквами (табл. VIII, 1). Для этих погребений характерны могильные ямы с погребальной щелью в центре дна (табл. VIII, 1—2), костяки лежат на правом боку головой на С или на З. Ориентация этих погребений не выдержана строго в одном направлении и колеблется от линии З—В до линии С—Ю с небольшим отклонением к З. Вещей в погребениях не было найдено.

Большинство столбов повалено. В 1961 г. в первоначальном виде сохранилось только четыре надгробия. От многих столбов сохранились преимущественно части, которые были врыты в землю. Погребения с надгробиями, напоминающими каменные столбы, отмечены и на могильнике Агар-убак в Кодже. Там они умышленно не выделены в особую группу, поскольку сохранность очень плохая и количество не превышает десяти.

Шестой тип надгробных сооружений дают погребения, отмеченные двумя необработанными каменными столбами (табл. V, 19). Размеры этих надгробий значительно меньше предыдущих. Ориентация длинной оси могил выдержана строже — по линии СЗ—ЮВ. Эти надмогильные сооружения в отдельных случаях напоминают надгробия Ахала типа «две стелы». Могильные ямы имеют погребальную щель так же, как в большинстве погребений, обозначенных «двумя стелами». Отмечается использование пирамидок в качестве столбов (табл. VIII, 6). Это явление находит аналогию на кладбище Коджа, где имеется пирамидка, использованная в качестве стелы (табл. III, 25).

На средневековых могильниках Юго-Запада есть еще одна группа погребений, дающая седьмой тип надгробных сооружений. Погребения этой группы обозначены оградками из кустов плитняка (табл. VIII, 3).

Конструкция могильных ям у этих погребений иная. В могильной яме нет ни подбоя, ни погребальной щели. Покойников клали на дно простой ямы и засыпали без закладки. Ориентированы могилы по линии СЗ—ЮВ.

На кладбище около мечети Шир-Кабир под мазарами XI—XII вв. есть подземные склепы².

Изучение погребений Юго-Западной Туркмении позволяет сделать вывод, что здесь распространены типы захоронений, которые по формам надгробий, конструкциям могильных ям и положению костяков мало чем отличаются от погребений подгорной полосы Копет-Дага. Исключения составляют погребения, обозначенные каменными столбами (табл. VII, 14; VIII, 1—2) и видами пирамидок, которых нет в Ахале (табл. VII, 1—6, 10).

Расположение различных групп погребений на кладбищах такое же, как в подгорной полосе. Отличие составляет то, что современные могилы или совсем отсутствуют на средневековых могильниках, или имеются в очень незначительном количестве. В этом случае они расположены на краю кладбищ. Им предшествуют могилы с фертами, которых сменяют могилы с пирамидками. Более древними являются погребения с фертами и кирпичными выкладками и, наконец, склепы под мазарами. Таким образом, здесь прослеживается тот же ряд, что и в Ахальском оазисе.

Перечисленные типы надгробных сооружений встречаются не на всех известных могильниках. Ферты есть на кладбищах Шир-Кабира (Мешед-Ата), Шарлоука (Бедели-ата). На этих же могильниках располагается и основная масса пирамидок. Кирпичные выкладки с фертами есть только около Шир-Кабира, а погребения, обозначенные столбами, — на кладбищах Бедели-ата и Аджамал. Погребения в маззолеях имеются у Шир-Кабира.

Этнографические сведения о средневековых могильниках очень скудны. Некоторые известия удалось собрать только о кладбище Бедели-ата³. По преданию, некогда здесь жили туркмены «рода ата». Два аула подрались из-за собак (?). Людей, погибших во время драки, и похоронили на месте Бедели-ата.

Другой вариант легенды об этом кладбище был записан в 1920 гг.⁴. В этой записи вместо атинцев фигурируют «герейли». С этим народом в долинах Сумбара и Чандыря связывают почти все средневековые памятники.

Средневековые погребения Копет-Дага

В горах Копет-Дага очень мало погребений, отмеченных надгробиями типа фертов. На них нет надписей и по форме они ближе всего к фертам, установленным перед выкладками в Кодже.

Еще меньше погребений с надгробьями типа пирамидок. На кладбище Пакир-ших пирамидки (около десяти экземпляров) сложены из кирпича (24×24×4,5 см). Пирамидок, вытесенных из целого куска камня, найдено пока только две. Одно надгробие очень сильно разрушено, другое сохранилось лучше. По форме эта пирамидка ближе всего к аналогичным памятникам Мангышлака.

² Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, 1958, т. VI, стр. 292—299.

³ Полевые записи ТАЭЭ за 1958 и 1961 гг.

⁴ Э. Фези. Старые великаны. «Туркменоведение», 1928, № 7—8, стр. 93—94.

Следующий тип надгробий составляют погребения в восточной части кладбища Пакир-ших, обозначенные высокими каменными и кирпичными выкладками (табл. VI, 1, 3, 5). Внешне эти надгробия не отличаются от выкладок кладбищ Коджа и Гез-баша.

На кладбищах Кызыл-имама и Ярты-Кала очень хорошо сохранились погребения с сооружениями типа больших столбов. По формам заверший можно выделить три вида этих надгробий (табл. VII, 7).

Самая большая группа погребений обозначена невысокими оградками из плитника или валунов. Иногда в изголовье установлены каменные стелы различной величины. Могилы с аналогичными надгробиями известны за пределами Средней Азии. Там они датируются XII в.⁵

Довольно много могил обозначено одной или двумя необработанными стелами (табл. XXIV, 13). Эти погребения в небольшом количестве встречаются на многих кладбищах.

Устройство могильных ям во всех средневековых погребениях Копет-Дага неизвестно. Ориентация могильной ямы также не всегда устанавливается. Довольно хорошо прослеживается ориентация различных выкладок. Она колеблется от линии ССЗ—ЮЮВ до линии ЗСЗ-ВЮЮ.

Известны средневековые погребения в склепах. За последние 5—6 лет таких склепов зафиксировано около 10. Покойники лежат в гробах⁶, ориентированных длинными осями по линии З—В с незначительным отклонением к линии СЗ—ЮВ.

Погребения в горах Копет-Дага изучены значительно хуже, чем в Ахале или в Юго-Западном Туркменистане. Однако даже поверхностное знакомство с ними позволяет выделить здесь по типам надгробий те же группы захоронений, что и в рассмотренных выше областях Туркмении. Это, прежде всего, погребения, обозначенные пирамидками, выкладками, каменными столбами и небольшими оградками. Много общего и в погребениях в склепах (захоронение в гробах, размещение склепов на кладбищах и т. д.).

Отличает погребения Копет-Дага от подгорной полосы и Юго-Западной Туркмении количественное соотношение отдельных групп погребений. В Копет-Даге насчитываются единицы погребений с пирамидками, в то время как в подгорной полосе их только на Агар-убаке насчитывается 200. То же самое следует сказать и о надгробиях-фертах. Кроме того, в горах зафиксировано незначительное число погребений, отмеченных двумя стелами. Однако район Копет-Дага имеет много могил, обозначенных каменными прямоугольными оградами и высокими каменными столбами, более редкими в Ахале и Юго-Западной Туркмении.

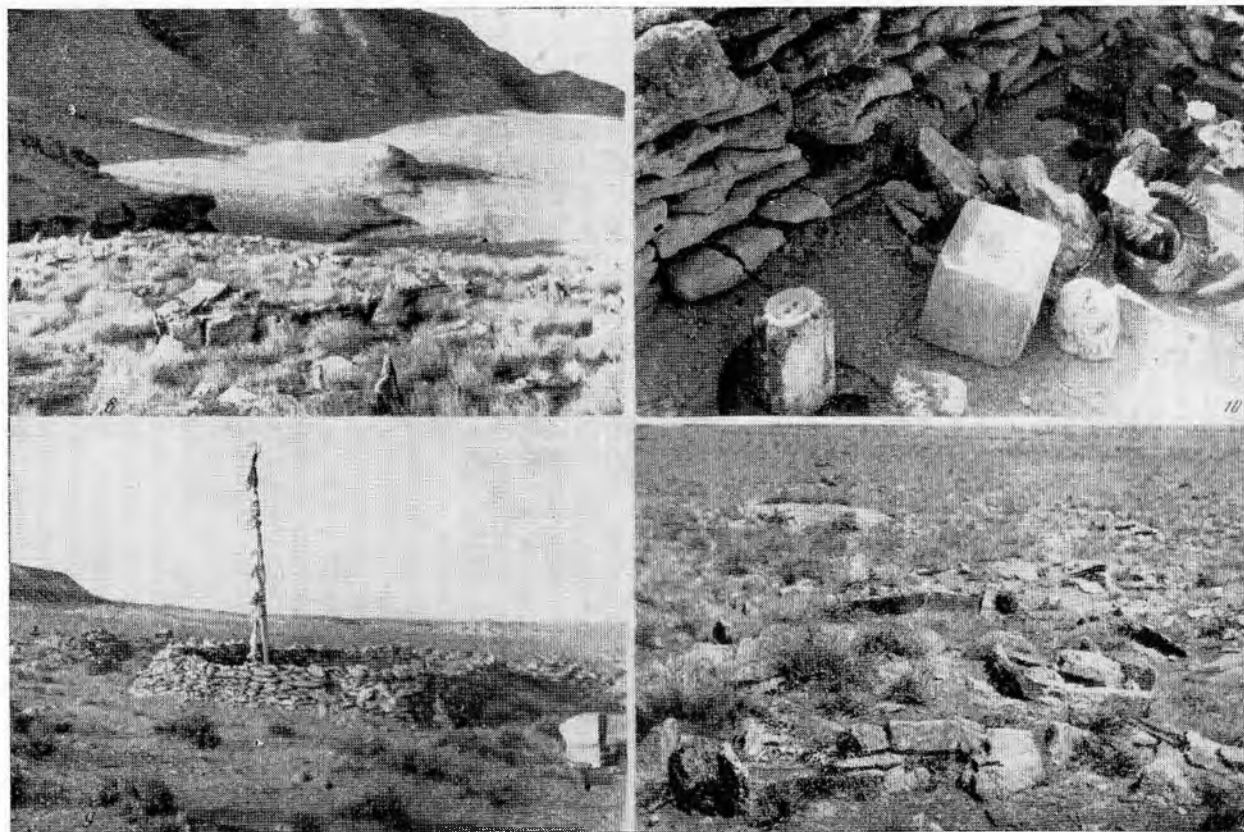
Средневековые погребения Балхан

Средневековые погребения Балхан изучены, по сравнению с другими районами, значительно лучше.

По качеству обработки и формам надгробных сооружений выделяются следующие типы захоронений.

⁵ Л. Р. Кызласов. Памятник мусульманского средневековья в Туве. СА, 1963, № 2, стр. 203—210.

⁶ В. П. Б а с и л о в. Надгробные памятники Южного Туркменистана в связи с вопросом о древних туркменских верованиях. М., 1959. (Рукопись хранится на кафедре этнографии МГУ).

8. Общий вид северной части могильника Дана-Ата (Балханы). 9. Надгробие над могилой Гезли-Ата.
10. Светильники и рога кийков на главной могиле одного из кладбищ южного Мангышлака. 11. Разрушенные надгробия-ящики на кладбище Омар-Ата

Помимо выкладок, сооружавшихся атишцами из дикого камня, в самостоятельный тип можно выделить погребения, обозначенные овальными в плане каменными выкладками (табл. XIII, 9) и довольно высокими (до 120—130 см) оградами из дикого камня (табл. XIV, 9; XXIV, 17). На каменных выкладках в северо-западной части иногда поставлены большие плоские камни. Надписей на этих надгробиях нет; на стелах, установленных перед оградами, иногда выбиты тамги. Обработка камня, используемого для надгробий, очень примитивна. В большинстве случаев они сложены просто из кусков разрушенных пород. Ориентированы надгробия по оси ЗСЗ—ВЮВ.

На могильнике Кукурта три круглые в плане оградки были соединены вместе (табл. XXIV, 19). Такая конструкция для Балхана не характерна. Гораздо чаще ее можно наблюдать у туркмен-чавдуров, живущих в Хорезмском оазисе.

По характеру обработки камня к этому же типу примыкают погребения другого типа, обозначенные большими выкладками, с установленными на них каменными столбами (табл. XX, 3). Разница между этими двумя типами заключается в том, что в первом случае камни сложены без скрепляющего раствора, а во втором — на глиняном растворе. Однако по расположению на кладбищах погребения, отмеченные выкладками со столбами, занимают более старую часть. Ориентированы выкладки по оси З—В.

Из необработанного камня сложены также и надгробные памятники, которые известны только на кладбище Омар-ата. Они представляют собой круглые в плане оградки, внутри которых прослеживаются остатки сильно разрушенных надгробий (табл. XIX, 10).

Несмотря на свою многочисленность, вышеприведенные погребения составляют незначительную часть от общего числа могил на средневековых кладбищах Балхан.

Наиболее многочисленны на Балханах погребения, обозначенные надгробиями-пирамидками⁷, и могилы с надгробиями в виде сплошной каменной выкладки с необработанными каменными стелами по торцовым сторонам.

Погребения, обозначенные пирамидками, на Балханах исследованы более полно. На ряде кладбищ (Дана-ата, Удек, Кукурт и Кошоба) были вскрыты такие могилы, из них был взят краниологический материал.

Если при классификации погребений Ахала, обозначенных пирамидками, за основу принимался внешний вид (форма, конструкция) надгробия, то Балханские погребения с пирамидками мы могли бы группировать исходя из комплекса; формы надгробия, устройства могильных ям и положения костяков. Однако учет конструкции могильной ямы и положение костяка в данном случае не может быть определяющим, поскольку под разными видами пирамидок устройство ям и положение костяков одинаково (табл. XIV, 2, 7) и наоборот, под аналогичными надгробиями зафиксированы разной конструкции могильные ямы и неодинаковое положение костяков (табл. XIV, 2—3). Поэтому при классификации погребений Балхан мы сохраняем принцип, принятый для остальных (Ахал, Копет-Даг) районов, где за основу классификации принята форма надгробий.

⁷ В настоящее время известны десятки видов надгробий, относящихся к этой группе и не имеющих никакого сходства с пирамидками. Но первые надгробия этой группы (они составляют не самую большую часть), которые были обнаружены, имели действительно форму пирамидок.

Значительное число погребений на Балханах отмечены пирамидками тех же видов, что и в подгорной полосе Ахальского оазиса (табл. XII). Имеются следующие виды:

1. Очень тщательно обработанные надгробия с овальными навершиями и массивными основаниями. На длинных сторонах оснований сделаны стрельчатые ниши. Установлены пирамидки на высоких каменных ящиках, сложенных из хорошо обработанных плит. По торцовым сторонам ящиков-оснований сохранились остатки каменных стел.

На этих пирамидках часто можно наблюдать изображения тамг и надписи (табл. XVI, 9; XXV, 7).

Могильные ямы во вскрытых погребениях оказались с погребальной щелью по длинной оси ямы или с боковым подбоем в юго-западной стенке. Костяки лежат на правом боку, головой на СЗ. Ориентация могильных ям произведена по линии СЗ—ЮВ (табл. XVI, 9).

Приведенная форма пирамидок, очевидно, является самым поздним вариантом большой группы надгробий. Это подтверждается расположением отмеченных ими могил на кладбищах. Наиболее показательны в этом отношении кладбища Кошоба и Гезли-ата.

Другие погребения этого вида обозначены пирамидками, по конструкции несколько отличающимися от рассмотренной формы. Сохраняя принципиально ту же конструкцию, они дают несколько вариантов наверший и форм выкладок (табл. XII, 7—8, 11). Некоторые надгробия установлены на массивные выкладки, которые сложены из обработанных больших камней (табл. XII, 16; XIX, 12). Как и на более позднем варианте пирамидок, на остальных надгробиях этой группы погребений очень часто встречаются надписи. Кроме надписей на боковых сторонах наверший отдельных надгробий сделаны изображения сабель и различных животных (табл. XII, 14, 17). Тамги, выбитые на этих надгробиях, весьма разнообразны (табл. XII, 7; XVI). Редко на пирамидках встречаются светильники. Они преимущественно сделаны на навершиях и неглубоки.

2. Другая большая группа погребений обозначена пирамидками, навершия которых сделаны в виде двускатной крыши (табл. XII, 23—27; XV, 5; XVII, 1; XIX, 1). Эта группа погребений на Балханах так же, как и предыдущая, представлена значительно большим числом форм, нежели в Ахале. От предыдущего вида эти надгробия помимо формы навершия отличаются и способом установки. Только отдельные пирамидки поставлены на высоких выкладках, а большинство памятников стоят на однорядных каменных выкладках.

На Балханах внутри этого вида выделяются три варианта надгробий, имеющих аналогии в Ахале. Это пирамидки с массивными навершиями на многоступенчатых основаниях (табл. XII, 24, 27, 37), пирамидки на одноступенчатых основаниях (табл. XII, 23, 31, 32) и пирамидки с небольшими навершиями-уступами (табл. XII, 33; XIX, 1). Деление надгробий на виды очень условно. Между ними существует масса переходных форм, и здесь, как и в большинстве случаев, классификация дается по характерным экземплярам.

Могильные ямы в рассматриваемых погребениях многообразны. Выделяются три типа. Два — обычной конструкции: с погребальной щелью и боковым подбоем; третий вид — простая могильная яма без каких-либо дополнительных устройств. Положение костяков двойное — на правом боку или на спине, всегда головой на СЗ. Ориентация ям колеблется от линии З—В до линии СЗ—ЮВ.

Пирамидки с массивным навершием на многоступенчатом основании весьма близки к пирамидкам с овальными навершиями. Причем

в данном случае не только форма, но и способ установки (на высоких выкладках) весьма схож. Кроме того, этот вид двускатных пирамидок расположен на кладбищах по соседству с пирамидками с овальными навершиями. Между ними существует целый ряд переходных форм. Сходны и изображения сабель на этих двух видах надгробий (табл. XXII, 2), хотя изображений огнестрельного оружия на «двускатных» пирамидках нет. Светильники по большей части имеют овальную форму.

Пирамидки с «двускатной крышей» второго варианта (табл. XII, 23, 31, 32) установлены на могилах на невысоких выкладках. Светильники чаще сделаны не на навершиях, а в основании.

Третий вариант надгробий этого вида имеет многоступенчатое основание и небольшое навершие (табл. XII, 33; XIX, 1). Надписей и изображений тамг на надгробиях этого варианта не обнаружено, как, впрочем, и изображений каких-либо других предметов. Погребения с этими пирамидками расположены на кладбищах попеременно с погребениями, обозначенными вариантом «двускатных» пирамид. Сохранность надгробий плохая.

3. Сравнительно небольшая часть погребений Балхан обозначена пирамидками с плоскими навершиями (табл. XII, 18—29; 38—41; XV, 4/11). Могильные ямы под ними имеют погребальную щель. Большинство костяков лежит на спине. Ориентация погребений колеблется от линии З—В до линии СЗ—ЮВ.

Пирамидки установлены на выкладках из одного ряда камней. По торцовым сторонам выкладок сохраняются каменные необработанные стелы. На навершиях отдельных экземпляров сделан своеобразный выступ, напоминающий по форме гасный ключ (табл. XII, 20). Такой же формы выступы сделаны на верхних плоскостях надгробий другой группы погребений (табл. XVIII, 3). Конструкция могильных ям и положение костяков аналогично погребениям под предыдущим типом надгробий. Надмогильные памятники рассматриваемых погребений примечательны следующим:

Во-первых, памятники немногочисленны и очень плохо сохранились. Во-вторых, в них одновременно сочетаются элементы разных видов пирамидок; это, прежде всего, ключеобразные выступы, ниши по боковым сторонам и своеобразные изображения на торцах.

Ниши часто встречаются на основаниях поздних пирамидок (табл. XXV, 7). Можно отметить, что они есть и на многих пирамидках с овальными навершиями Мангышлака. Что же касается фигуры, изображаемой на торце надгробия, то совершенно аналогичные зафиксированы на пирамидках с овальными навершиями (табл. XIX, 3).

Особого внимания заслуживают ключевидные выступы. Они характерны только для одного вида пирамидок (табл. XIV, 12, 13). Погребения под такими надгробиями известны на трех могильниках Балхан—Удеке III, Кукурте и Гезли-ата. Наиболее четко группа представлена на Удеке III.

Здесь могилы обозначены «рогатыми» пирамидками, установленными на высоких каменных выкладках. На юго-западных сторонах пирамидок и на одном основании сделаны рельефные изображения сабель (табл. XII, 2). Помимо этого, на одной пирамидке изображена сцена охоты—всадник на конце стреляет из лука в дикого козла или барана. Между всадником и козлом помещена собака.

На выкладках сделано также много изображений (табл. XIV, 8), из которых заслуживают особого внимания стилизованные под ферг человеческие фигуры и вооруженные всадники. На большинстве «рога-

тых» пирамидок выбита одинаковая тамга-крест. Могильные ямы этих погребений сделаны с погребальной щелью. Костяки лежат на спине. Ориентация погребений колеблется от линии З—В до линии ЗСЗ—ВЮВ. Примечательно, что в ряде случаев щели или выложены каменными плитами или сложены из них.

Погребений с такими надгробиями немного на Балханах. Их гораздо больше на Мангышлаке. Особого внимания «рогатые» пирамидки заслуживают потому, что известны совершенно идентичные им хорошо датируемые памятники тюркоязычного населения Крыма⁸ (табл. XX, 6).

Особенно близка по форме крымским памятникам пирамидка, установленная на кладбище Акмолла I (табл. XX, 7). Помимо некоторого различия в форме, от большинства аналогичных памятников Балхан она отличается изображенными на ней тамгами и способом установки.

Кроме погребений, обозначенных выше рассмотренными видами надгробий-пирамидок, на Балханах зафиксированы захоронения, надгробья которых не укладываются ни в одну из выделенных групп (табл. XX, 17, 18, 21) и не создают самостоятельной. Некоторые из надгробий этой группы заслуживают специального рассмотрения. Часть памятников по форме напоминает, а подчас и копирует форму светильников, которые встречаются на кладбищах Мангышлака (табл. XX, 12—16). Причем, сохраняя форму, некоторые теряют свое значение, поскольку светильник делается в выкладке над могилой (табл. XIX, 5). Следует заметить, что и способ установки пирамидок далеко не одинаков. Одни из них установлены прямо на земле, другие — на высоких каменных выкладках (табл. XIX, 3).

Не менее важны для некоторых вопросов и другие «нестандартные» пирамидки, но рассмотрение их в настоящем разделе представляется нецелесообразным. Они будут охарактеризованы ниже.

Самую большую группу составляют погребения, обозначенные надгробиями типа «две необработанные каменные стелы» (табл. XVI, 11—13; XVII, 2). Между стелами положены камни. Иногда камни таких больших размеров, что больше одного в промежутки между стелами не помещается. Довольно часто перед стелами можно наблюдать остатки светильников, а на самих стелах — тамги. Иногда тамги выбивались на камнях, лежащих между стелами (табл. XVI, 1). Надписей на таких надгробиях не зафиксировано.

Конструкция могильных ям, положение костяков и ориентация погребений аналогичны погребениям с пирамидками (табл. XVI; XVII, 2). Расположены они на кладбищах также рядом.

Примечательно, что тамги на стелах и пирамидках очень часто повторяют друг друга, особенно это относится к тамге в виде креста. Кроме совпадений тамг прямые аналогии наблюдаются и в конструкции погребальной щели. Если же учесть, что и краниологический материал из раскопанных погребений этих двух групп погребений аналогичен, то можно часть погребений, обозначенных двумя стелами, датировать тем же временем, что и пирамидки, вернее, временем «рогатых» пирамидок Удека III и Кукурта.

Большая группа погребений, которая часто занимает центральные места на кладбищах, обозначена надгробиями типа «плита с фертами» (табл. XIV, 1, 4, 5; XVI, 3, 4, 5, 6, 16; XVIII, 4—6; XXV, 30—32). Основанием у этих надгробий является хорошо обработанная каменная плита. По торцовым сторонам плиты установлены каменные фертооб-

⁸ О. Акчокраклы. Старо-крымские и отузские надписи XIII—XV вв. Изв. ГОИАЭ, т. I (58). Симферополь, 1927, стр. 3.

разные стелы. Все это сооружение со всех сторон выложено обработанными каменными плитами. Иногда плиты полностью перекрывают площадь могильной ямы, иногда для плиты и стел оставлен прямоугольный проем. Ориентированы надгробия по линии З—В с отклонением до линии СЗ—ЮВ.

Форма плит и их размеры самые разнообразные. Определить конструкцию верхней части плиты не всегда возможно — надгробия очень сильно разрушены. Те памятники, которые сохранились и которые по остаткам можно было реконструировать, дают основания утверждать, что в северо-западном конце плиты обязательно должен быть светильник. Форма светильника преимущественно квадратная. Если же светильник отсутствует на плите (что чрезвычайно редко), то он сделан из камня и находится перед северо-западной стелой. Остатки таких светильников можно наблюдать на кладбищах Кукурта, Дана-ата и ряде других. Верхние части плит по конструкции принципиально не отличаются от различных видов пирамидок. Разница заключается лишь в высоте уступов.

Форма наверший стел — двух видов: в виде ферта и ромба (табл. XXV, 30—31). Груша фертов более разнообразна по формам. Подчас навершие венчает небольшой остроконечный или с плоским верхом выступ. Тамги на надгробиях этой группы ставились в трех местах: сбоку на плите, на выкладке и на стеле. Обращает внимание многообразие тамг. На известных нам «плитах» пока нет двух одинаковых тамг.

Очень редки надписи. Это отчасти можно объяснить сильной разрушенностью памятников. Тем не менее в тех местах, где надгробия сохранились (например, кладбище Дана-ата), найдена только одна надпись. Эта надпись дает дату погребения — XV в. Надпись сделана на плите, которая по формам и по размерам не отличается от пирамидок. Для низких плит надписи неизвестны. Никаких рисунков, за исключением геометрического орнамента, на надгробиях этой группы также не найдено.

Под надгробиями «плита с фертами» преобладают могильные ямы с погребальной щелью (табл. XVI, 3, 4, 5, 6, 14). Только в одном погребении был обнаружен боковой подбой. Костяки лежат или на спине или на правом боку, головой на З или СЗ, т. е. в соответствии с ориентацией могильных ям.

Примечательна одна плита с могильника Удека. Ее верхнюю плоскость украшает любопытная фигура (табл. XV, 1), которая находит аналогии в надгробиях типа «каменных ящиков».

Надгробиями этого типа служат врытые в землю каменные ящики (табл. XVI, 3), в отдельных случаях перекрытые каменными же крышками-плитами. Ящики сложены из двух прямоугольных боковых плит и двух торцовых плит с фертообразными навершиями. Крышки сделаны из такого же, как и стенки, камня и украшены рельефными изображениями. Изображения многообразны, но, очевидно, в основе их лежат антропоморфные мотивы.

Антропоморфные мотивы в оформлении погребений на этой территории не единичны. Примером могут служить человеческое изображение на могильниках Мангышлака⁹ и каменная «баба» из района Удека¹⁰.

⁹ М. М. Мендикулов. Памятники архитектуры полуострова Мангышлака и западного Устюрта. Алма-Ата, 1956.

¹⁰ «Баба» была найдена автором настоящей работы в 1960 г. в районе Удека. Курган, к которому, вероятно, относится изображение, был раскопан А. А. Марушенко в 1961 г. Курган оказался полностью разграбленным.

Крышки имеет лишь небольшая часть надгробий. Большинство же ящичков просто засыпано землей (табл. XV, 3). На Кукурте вместо крышек в ящик насыпали слой бело-розовой ракушки 30—50 см толщиной.

Снаружи площадь, примыкающая к надгробию, выложена обработанными каменными плитами, которые в большинстве случаев разрушены.

Могильные ямы рассматриваемой группы захоронений имеют погребальную щель. В некоторых вскрытых могилах щели, как и в погребениях с пирамидками, выложены камнем (табл. XVI, 3). Щели перекрыты каменными плитами в один или два ряда. Ориентация могильных ям колеблется от линии З—В до линии СЗ—ЮВ. Большинство костяков лежит на спине, головой на З или СЗ. Погребения, где костяки лежат на правом боку, довольно редки.

Для надгробий этой группы характерно полное отсутствие надписей. Большинство погребений с надгробиями типа «ящички» расположено параллельными рядами и заключено в ограды из камней и плит, по 10—12 могил в каждом таком мазаре (табл. XX, 4).

На некоторых кладбищах, например Геок-дере (табл. XXV, 35), обработанные плиты заменены кусками плитняка. В этом случае они очень напоминают надгробия погребений Копет-Дага. Размещены они также в небольших мазарах-оградах.

Этнографический материал о средневековых погребениях чрезвычайно скуден. Несколько полнее он о кладбищах и о местах их расположения. Тем не менее сведения, собранные среди населения разных районов Туркмении о Балханах¹¹, позволяют определить племенную принадлежность некоторых групп погребений. Это в значительной мере помогает установить дату ряда погребений, поскольку время пребывания того или иного племени на Балхане в какой-то степени известно. Первостепенное значение имеет так называемая «плоскостная стратиграфия» могильников, поскольку она помогает проследить движение и места жизни отдельных групп на Балханах.

Средневековые погребения Мангышлака

Изучение погребений Мангышлака осложняется тем, что в этом районе сейчас нет туркменского населения. Последние крупные группы туркмен покинули полуостров в XVIII в. и их место заняли казахи-адаевцы. Поэтому по погребениям и кладбищам Мангышлака в распоряжении науки нет даже тех небольших, но важных этнографических материалов, которые имеются на Балханах и в Южной Туркмении.

Кроме этого, на Мангышлаке еще не проводились археологические раскопки средневековых погребений, а фиксировались только надгробные и культовые сооружения. Но даже такое знакомство с могильниками полуострова позволило выделить по надгробиям некоторые группы погребений.

Весьма существенную помощь в определении этнической принадлежности захоронений оказали сведения, полученные от информатора-туркмена (его предки принадлежали к племени абдал) Сарсана Нурходжаева, живущего в поселке Кызыл-узенъ. Несмотря на неполноту и порой противоречивость его сведений, пока они остаются единственными.

¹¹ См. карту маршрутов ТАЭЭ за 1957—1964 гг. (табл. II).

Современные погребения на Мангышлаке, как и погребения XIX в., принадлежат казахам и их рассмотрение не входит в задачу данной работы. Они привлекаются нами только в качестве сравнительного материала.

Все средневековые (включая и XVIII в.) надгробные сооружения Мангышлака по характеру обработки камня делятся на две группы — надгробия, сложенные из дикого камня с небольшой обработкой, и надгробия, сделанные из хорошо обработанных камней.

Наиболее многочисленны погребения, которые по типу надгробий отнесены к первой группе, отмечены двумя необработанными каменными стелами (табл. XIX, 16). Надгробия этого типа от аналогичных по конструкции памятников Балхан отличается большая высота стел. Между стелами на Мангышлаке чаще, чем на Балханах, положены большие необработанные глыбы камней.

На некоторых кладбищах между стелами сохранились земляные холмики. На отдельных надгробиях выбиты тамги и очень редки надписи. Погребения, обозначенные двумя стелами, принадлежали, вероятно, населению, жившему в разные эпохи. Одна часть могил с такими надгробиями расположена в центральных частях могильников, другая — по краям. Для погребений, размещенных в центральных частях могильников, пожалуй, в большей степени характерны изображения тамг.

Довольно много погребений отмечено помимо двух стел выкладками из камней по всей площади могильных ям. Эти надгробия разрушены больше, чем надмогильные памятники только с двумя стелами (табл. XIX, 17).

Некоторые погребения с двумя стелами заключены в оградки из вертикально поставленных кусков камней. Эти захоронения размещены в непосредственной близости от погребений, над которыми сооружены своеобразные «каменные домики» (табл. XXIV, 20). Надгробия этого типа сооружались из небольших плоских камней, постепенно суживаясь кверху. Ориентация надгробий колеблется от линии З—В до линии СЗ—ЮВ. С западных сторон надгробий, как правило, установлены сигарообразные стелы, на которых выбиты тамги.

Из необработанных камней сделаны надгробия еще одного типа. Эти надгробия представляют собой круглые в плане, невысокие ограды, напоминающие аналогичные сооружения над современными могилами иомутов Балхан (Дана-ата) и текинцев Ахала (Шахр-Хайбар). Они на кладбищах расположены в непосредственной близости от погребений с надгробьями типа «домика».

Группа погребений, надгробия которых сделаны из обработанных камней, представлена на Мангышлаке весьма разнообразными формами. По типам надгробных сооружений погребения этой области создают те же группы, что и погребения Балхан.

Наиболее многочисленна группа погребений, отмеченных различными видами пирамидок (табл. XXI; XXIII). Наряду с ранее известными видами этих надгробий на Мангышлаке есть и новые.

Самые поздние памятники этой группы датируются XVIII в. Это те же пирамидки на высоких ящиках, что и в Кошобе (табл. XIX, 18; XX, 9—11). Разница заключается лишь в отсутствии ниш в основании пирамидок. К этому же времени, очевидно, относятся и погребения, на которых аналогичные пирамидки установлены без высоких каменных ящиков. На надгробиях много надписей, но сравнительно мало тамг.

Форма наверхий также разнообразна. Навершия имеют тенденцию к уплощению. Следует также отметить, что в подавляющем большинстве случаев по торцовым сторонам пирамидок установлены каменные необработанные стелы. Они довольно резко контрастируют с очень тщательно обработанными пирамидками (табл. XXIII, 6).

Внутри пирамидок с овальными наверхиями выделяются надгробия с изображением оружия, чаще всего сабель (табл. XXI, 7, 9). Примечательно, что на этих пирамидках нет светильников. Светильник, если он и есть на могиле, обязательно сделан из отдельного камня и положен перед западной стороной надгробия. Ориентация надгробных сооружений рассматриваемого вида колеблется от линии В—З до линии СЗ—ЮВ.

На кладбищах погребения, обозначенные этими надгробиями, располагаются по краям могильника, попеременно с погребениями, отмеченными двумя стелами. В отдельных местах, как, например, на кладбище около Удека (Мангышлакского) и на кладбище № 17, они создают резко обособленные группы.

Примечательно, что на Удеке (Мангышлакском) погребений с такими надгробиями насчитывается больше двух тысяч. Причем цифра эта явно занижена, так как подсчет проводился по участку с наименьшей плотностью размещения могил.

На некоторых могильниках (например, № 4 «Химра») эти погребения создают обособленные кладбища и захоронения, как правило, по несколько штук размещены в оградах из обработанных каменных плит (табл. XIX, 19).

Рядом с ними в таких же оградах расположены захоронения, обозначенные двумя стелами. В этом случае тамги выбиты на камнях наружной ограды.

Отмеченное разнообразие пирамидок этого вида настолько велико, что провести границу между ней и следующей группой пирамидок невозможно.

Следующий вид пирамидок от рассмотренного отличается, прежде всего, характером установки надгробий и размещением погребений относительно друг друга. Погребения размещены параллельно друг другу и заключены по несколько штук (до 15) в ограды (табл. XIX, 24). Заключенные в ограды участки приподняты над современной поверхностью на 40—60 см. Здесь пирамидки имеют иной вид (если исключить отдельные переходные варианты). Навершия их более плоские и в сечении представляют перевернутую трапецию со сглаженными углами (табл. XXI, 8—11). Они больше предыдущих по размерам. На этих надгробиях нет надписей, много изображений тамг и, что бросается в глаза, изображений различных предметов. Особенно много сабель, сумок, круглых зеркал, ножниц и двусторонних гребней. Есть изображения боевых топоров двух видов (табл. XXII, 2; XXIII, 4) и другого вооружения.

Характер сабель, как и техника изображений, вообще отличают эту группу от предыдущей. Если на пирамидках с овальными наверхиями все изображения (за небольшим исключением) процарапаны на камне, то на пирамидках этого вида они выполнены в рельефе. Надписей и светильников на этих надгробиях нет, как нет при них стел. Примечательно и то, что в выкладках под пирамидками сделаны углубления, куда пирамидки вставлялись. Это особенно хорошо видно на отдельных погребениях, которые находятся вне оградок (табл. XIX, 24). За оградками размещены погребения, надгробия которых представляют переходные виды от пирамидок с овальными

навершиями к пирамидкам с навершием, дающим в сечении перевернутую пирамиду.

Отличается своей формой одно надгробие на кладбище Ак-сура. Навершие пирамидки выполнено в виде фантастического зубастого животного с рогами барана (табл. XXI, 12). Оно первоначально было установлено на трехрядной выкладке из больших (80×140 см) плит. На рогах сделана надпись арабской графикой — «Какабай».

Мотив «барана» на пирамидках появляется довольно неожиданно, не имея аналогии на других кладбищах, кроме расположенного неподалеку от Ак-суры могильника Удека (Мангышлакского). На Удеке есть рельефные изображения одних рогов, причем они вырезаны только на 5 надгробиях. Зато на двух казахских погребениях на кладбище у Ералиева поставлены вполне реалистические скульптуры баранов (табл. XXI, 13). Местное население (казахи) датирует эти погребения началом XX в. Эта дата согласуется с формой мазара и сохранностью надгробий (они сделаны из мягкого песчаника и совсем не разрушены).

Конструкция подземных частей погребений, отмеченных этим видом пирамидок, не ясна, поскольку на Мангышлаке они не вскрывались. Весьма возможно, что наряду с групповыми могилами под пирамидками были и склепы. Такое предположение основывается на существовании на кладбище Ак-сура подземного помещения с обвалившимся потолком (табл. XIX, 26). Стены склепа (?) выложены подработанными камнями, а в обвале видны три пирамидки. Они, очевидно, имеют непосредственное отношение к подземному сооружению, так как вряд ли их стали ставить на пустое без погребения место. Кроме того, по краям провала сохранились плиты оградки.

Ориентация надгробий этого вида колеблется от линии З—В до линии СЗ—ЮВ. Большинство погребений в оградке, как и стороны оград, ориентированы по оси З—В. Примечательно, что в одних и тех же оградках установлены пирамидки с разными навершиями — овальными и в виде двускатной крыши. Следует также отметить, что на Балханах и в Ахале такие надгробия встречаются довольно редко, исключая только кладбище Кошобы. В Кошобе аналогичных пирамидок много, но они не всегда установлены в оградках.

Погребения с надгробьями, подобными пирамидкам в оградах, туркмен-информатор Сарсан Нурходжаев на кладбище Кызыл-узения связывает с эрсаринцами. Что же касается их датировки, то она весьма неопределенна. Эти погребения не могут датироваться позднее XVIII в., так как нам известны погребения Мангышлака этого времени, и не могли быть совершены ранее XIV в., когда жил Эрсари-баба, родоначальник туркмен-эрсари и когда впервые упоминается это племя в письменных источниках. Но, возможно, эти погребения принадлежали не только туркменам-эрсари, но и другим туркменским группам, жившим в XIV—XVIII вв. на Мангышлаке.

Следующую группу погребений составляют захоронения, отмеченные пирамидками по форме, в значительной степени отличными от вышерассмотренных видов. Среди этих надгробий можно различить три вида. Каждый из этих видов имеет ряд вариантов.

Один вид пирамидок (табл. XXIII, 2, 3, 10, 13; XXV, 19) по форме весьма прост. Пирамидки представляют собой каменные бруски без разделения надгробия на навершие и основание. На них почти повсеместно выбиты тамги. Установлены пирамидки на каменных плитах, которые в большинстве случаев, очевидно, перекрывают всю

могильную яму. Часть надгробий имеет светильники. Надписей на них нет.

Другой вид — те же прямоугольные пирамидки, но уже с достаточно четко выраженными навершиями и основаниями. Верхние плоскости выполнены в виде небольших уступов, с квадратным светильником в северо-западном конце (табл. XXIII, 1, 11, 12, 14, 15, 16). Большинство таких надгробий поставлено прямо на землю, но есть пирамидки, установленные на плитах. По форме они ближе всего стоят к пирамидкам в оградах. На них тоже есть изображения тамг, но нет надписей.

Еще один вид надгробий представлен так называемыми «рогатыми» пирамидками (табл. XXIII, 17—19). О них уже упоминалось в разделе о погребениях Балхан. На Мангышлаке захоронений, отмеченных такими надгробиями, достаточно много, чтобы выделить их в самостоятельный вид.

Большинство «рогатых» пирамидок почти ничем не отличаются друг от друга. Между выступами у них сделаны светильники и по всей длине надгробия проходит невысокий выступ. Выступы-«рога» не на всех памятниках одинаковы по размерам. Есть надгробия, у которых выступы очень небольшие и в них сделаны светильники (табл. XXIII, 16). Такие пирамидки почти ничем не отличаются от пирамидок Удека III и надгробий кладбища Гезли-ата. Примечательно, что в большинстве случаев на таких пирамидках выбиты тамги — или казаяк, или крест, или круг с прямой линией от нижнего края (табл. XXIII, 15). Ориентированы надгробия по оси З—В.

Как уже упоминалось, «рогатые» пирамидки с большими выступами по аналогии с надгробиями Крыма датируются XIV в. Но эта дата относится, вероятно, не ко всем погребениям, поскольку крымские памятники аналогичны наиболее развитым и, очевидно, более поздним формам надгробий этого вида.

Значительная часть надгробий рассматриваемого вида имеет много общих черт с надмогильными сооружениями другой группы погребений, которые обозначены каменными плитами с двумя фертами. Такие погребения известны в обследованных частях Туркмении. Отличительной чертой надгробий этого вида на Мангышлаке являются каменные круглые или прямоугольные в плане ограда (табл. XIX, 25).

Круглые в плане ограда сложены из больших кусков необработанных камней. Прямоугольные — в большинстве сложены из подработанных плит. В обоих случаях кладка выполнена без скрепляющего раствора.

Как правило, в круглых оградках помещается одно захоронение, а в прямоугольных — от одного до десяти погребений. Ориентация надгробий прямоугольных оград колеблется от линии З—В до линии СЗ—ЮВ. В оградах с южной или юго-восточной стороны устроены небольшие, покрытые плитами проходы (табл. XIX, 25). Надписей на надгробиях этой группы нет; тамги на выступающих из земли частях не обнаружены. Рисунки очень редки. Достаточно четко рисунок (лук со стрелой) сохранился только на одном надгробии.

Погребения с надгробиями типа «плита с двумя фертами» составляют на Мангышлаке или отдельные кладбища, или занимают центральные места могильников. Причем, только на сравнительно небольшом числе обследованных кладбищ Мангышлака не обнаружено погребений, отмеченных «плитами с двумя фертами». Это преимущественно могильники, где преобладают пирамидки с овальными навершиями.

Следует отметить, что на Мангышлаке попеременно с рассматриваемыми погребениями расположены могилы, над которыми поставлены только плиты без фертов. По внешнему виду они почти не отличаются от пирамидок (табл. XXIII, 14). Кроме того, часть этих надгробий выполнена из одного монолита — и плита и ферты. Такие памятники могут быть отнесены и к «плитам» и к «рогатым» пирамидкам (табл. XXIII, 17). Примечательно, что могилы с плитами без фертов, как правило, в ограды не заключались.

Здесь важно подчеркнуть, что на Мангышлаке очень четко выделяются надгробия переходного типа от «плит» к пирамидкам и особенно к «рогатым» пирамидкам.

Не все погребения этой группы обозначены надгробиями из хорошо обработанных плит и фертов. Часть надмогильных сооружений такой же конструкции сложена из необработанных кусков камней, но и на необработанных плитах сделаны светильники. На этих захоронениях наружные выкладки вокруг плит и стел сделаны из более массивных кусков камней, нежели вокруг надгробий из обработанного камня.

Обращают внимание выкладки с плитами без фертов. В подавляющем большинстве они представляют собой монолит, перекрывающий, вероятно, всю площадь могильной ямы.

Последняя из известных групп погребений Мангышлака обозначена каменными ящиками с фертообразными стелами (табл. XXV, 34). Надгробия этого типа сильно разрушены, большинство стел расколото. Особенно сильно пострадали наружные выкладки. Они, как правило, сохранились в виде каменной крошки и небольших кусков. Надгробия этого типа на Мангышлаке отличает от аналогичных надмогильных сооружений Балхан худшая сохранность и плохая обработка камня. Надписей на них не обнаружено и только на одной стеле зарегистрирована тамга (табл. XIX, 14). Ориентированы надгробия «ящики» в большинстве случаев по линии В—З и только некоторые — по линии СЗ—ЮВ.

Что касается расположения погребений с этими надгробиями на могильниках, то оно окончательно еще не выяснено. На одних кладбищах они занимают центральные и, судя по профилю местности, наиболее высокие и, очевидно, старые участки. На других могильниках они перекрыты другими погребениями, в частности оградями «мазаров» и плитами с фертообразными стелами. В некоторых местах они образуют отдельные кладбища. Наиболее четко это выражено на кладбище Удека (Мангышлакского).

В отличие от ранее рассмотренных групп погребений, которые распространены почти на всей территории полуострова, захоронения типа каменных ящиков с фертами концентрируются на кладбищах, расположенных на северо-западной оконечности полуострова, южнее впадины Батыр (Карагие) и в районе, примыкающем к северному берегу Карабогаза.

Характерная черта большинства средневековых могильников Мангышлака заключается в отсутствии могил «гоном баши» в том виде, в каком они известны в Ахале, в Копет-Даге и на Балханах. Нечто подобное есть только на двух могильниках — на Удеке (Мангышлакском) и около Ералиева (табл. XIX, 15).

В настоящее время на мангышлакских кладбищах почитаются казахские могилы, которые есть на каждом могильнике. Преимущественно почитаются не мазары с шатровым покрытием, а погребения с высокими оградями и «казахскими» пирамидками (табл. XX, 8).

Необходимо упомянуть еще об одной особенности кладбищ северного Мангышлака. Они, как правило, расположены рядом с мавзолеями или какими-то другими несомненно культовыми сооружениями, часто находящимися в развалинах. Таких сооружений довольно много (табл. XIX, 20—21). В свое время о них упоминал М. М. Мендикулов¹², выводя от них традицию техники кладки казахских мазаров XIX — начала XX в.

Планировка мавзолеев и ориентация их входов различная (табл. XIX, 20). В большинстве своем они сложены из слегка обработанных камней, скрепленных глиной. Иногда камни сложены без скрепляющего раствора. Эти здания облицованы снаружи большими, тщательно обработанными плитами известняка. Высота плит 60—65 см, толщина 12—15 см, длина 80—150 см. Купольные части большинства зданий обрушились. Высота наиболее высокого портала сохранившегося мавзолея на кладбище Уштам достигает 4 м.

Другая группа зданий представлена развалинами на кладбищах № 16 и у поселка Кызыл-узень (табл. XIX, 21). По характеру кладки они несколько отличны от мавзолеев — облицовочные плиты меньших размеров и на них сделаны рисунки и надписи (табл. XIX, 22), которые отсутствуют на мавзолеях. Без проведения соответствующих археологических работ можно говорить только о планировке здания на кладбище № 16. Это прямоугольное или квадратное сооружение с двумя входами, стены здания ориентированы по странам света. В южной и северной стенах были сделаны входы. Около этих зданий сохранились светильники. Особенно замечателен светильник у развалин Кызыл-узень (табл. XX, 12). По словам местных жителей, по религиозным праздникам до недавнего времени в нем зажигался богомольцами огонь.

Рядом с некоторыми кладбищами (№ 16, Уштам, Кызыл-узень, № 20) зафиксированы мечети¹³ — участки земли с оградами из камней (табл. XIX, 23). Ограды невысокие — 20—60 см в высоту. В юго-западных их частях установлены михрабы. Эти мечети, вероятно, делались на местах уже существующих кладбищ, т. е. сооружались на тех местах, «святость» которых была уже признанной. Об этом свидетельствует использование в двух случаях для «стенок» мечетей кусков плит из строений.

Аналогичная мечеть есть и на кладбище у колодца Сюйли (табл. XIII, 11) на Балханах. Опрошенные там информаторы-казахи о назначении этого сооружения не знали. Зато на одном из колодцев Чильмамедкумов еще в 1959 г. была действующая мечеть, где «стены» сделаны из невысокого кустарника.

Изучение казахских погребений не входит в задачу данной работы. Их надгробные сооружения в значительной степени изучены в работе М. М. Мендикулова¹⁴. Здесь следует лишь отметить, что значительная часть надгробных сооружений казахских могил во многом напоминает средневековые туркменские надгробия. Больше того, принцип кладки стен у казахских мазаров во многом повторяет кладку средневековых мавзолеев, а иногда и их форму. Но интересно то, что живущие сейчас на Мангышлаке казахи-адаевцы, показывая свои

¹² М. М. Мендикулов. Ук. соч.

¹³ Впервые такую мечеть описал и опубликовал старший научный сотрудник ИИАЭ АН ТуркмССР А. Джикнев; См. А. Джикнев. Материалы по этнографии мангышлакских туркмен. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

¹⁴ М. М. Мендикулов. Ук. соч.

погребения, отрицают свою причастность к средневековым мавзолеям, говоря, что к приходу их на полуостров «эти дома уже были»¹⁵.

На вопрос, почему же современные казахские надгробия так похожи на более ранние, которые не связаны с казахами, местные жители отвечали, что они делают их по образцу более ранних. Эти более ранние надгробия-пирамидки М. М. Мендикулов называет туркменскими памятниками XV в.¹⁶ Можно оспаривать датировку (она представляется верной), в пользу которой М. М. Мендикулов не приводит никаких доводов, но нельзя оспаривать неказахскую принадлежность этих ранних погребений. Несомненно, этнографический материал по данному вопросу М. М. Мендикулову был известен лучше и полнее, нежели другим исследователям, посетившим Мангышлак.

Типы средневековых погребений Западной Туркмении и Мангышлака

Надгробные сооружения. По характеру обработки камня все средневековые надгробия делятся на две большие группы. Одна группа — надгробия из необработанного камня — группа «А» (табл. XXIV, 13—20) и другая — надгробия из обработанного камня — группа «Б» (табл. XXV, 3—34). Между ними выделяется особая «промежуточная группа». Это не означает, что в группе «Б» нет погребений, над которыми не устанавливались бы надмогильные памятники из необработанного камня. Они есть, но их конструкция не отличается от подавляющего большинства аналогичных надгробий, сделанных из тщательно обработанных плит.

Группа «А».

I тип — две необработанные стелы, между которыми положены камни различной величины (табл. XXIV, 13). Погребения с этими надмогильными памятниками распространены от Мангышлака на севере до границы СССР с Ираном на юге, от восточных берегов Каспия на западе до Ашхабада на востоке.

На стелах часто выбиты тамги и очень редко встречаются надписи. Размеры стел, как размеры каменных выкладок между ними, сильно варьируют. Для восточного берега Кара-Богаз-Гола характерно заключение могил с такими надгробиями в ограды из подработанных плит.

II тип — земляной холм, выложенный по всей площади камнями и окруженный круглой или овальной оградой из камней (табл. XXIV, 14—16). Выделяется несколько видов оградок:

1. Ограды, сложенные из небольших плоских камней, положенных один на другой (табл. XXIV, 14). Распространены они по большей части на Мангышлаке и немного на Балханах.
2. Ограды, сложенные из больших валунов. Такие ограды наиболее характерны для Балхан (табл. XXIV, 15).
3. Ограды из вертикально поставленных кусков плитняка (табл. XXIV, 16). В отдельных случаях камни по торцовым сторонам оградок несколько выше остальных. Больше всего захоронений с такими оградами сосредоточено в районе Балхан.

III тип — надгробия в виде высоких каменных оград (табл. XXIV, 17—19). Здесь их можно разделить на два вида:

1. Ограды круглые в плане.
2. Ограды прямоугольные в плане.

¹⁵ Полевые записи ТАЭЭ за 1962 г.

¹⁶ М. М. Мендикулов. Ук. соч., стр. 12, рис. 5.

12. Разрушенное культовое здание на кладбище северного Мангышлака. 13. 15. Надгробия — пирамидки на кладбищах северного Мангышлака. 14. «Степная» мечеть (центральный Мангышлак)

И тот и другой вид надгробий распространен на южном и юго-восточном берегах Кара-Богаз-Гола. Иногда несколько надгробий-оград примыкают друг к другу, создавая своеобразные колонии (табл. XXIV, 19).

IV тип (табл. XXIV, 20) — высокие оградки конусообразной формы, перекрытые большими плитами. В изголовье, по большей части, установлены грубо обработанные стелы. На стелах часто выбиты тамги. Большинство погребений с такими надгробиями расположено в южных районах Мангышлака и на восточном берегу Кара-Богаз-Гола.

V тип — надгробия из необработанного камня в виде прямоугольной или овальной в плане высокой каменной выкладки. По торцовым сторонам в ряде случаев установлены необработанные стелы (табл. XX, 1—2).

«Промежуточная» группа.

Особую промежуточную группу составляют надгробия (табл. XXV, 1—3) в виде прямоугольных выкладок. Их трудно отнести к какой-либо большой группе потому, что на одном кладбище (например, в Кодже) такие выкладки могут быть сложены одновременно и из обожженного кирпича и из дикого камня. Перед той или иной выкладкой может быть поставлен тщательно обработанный большой каменный ферт. Выделяются следующие типы надгробных сооружений этой группы:

I тип — прямоугольные, довольно высокие выкладки из обожженного кирпича. В отдельных случаях в торцовой западной или северо-западной стороне поставлен ферт (табл. XXV, 1). Распространены на кладбищах Ахальского оазиса и на Юго-Западе.

II тип — такие же выкладки, но сложенные из валунов. Перед ними часто установлены ферты. Известны пока на могильниках западной части Ахала.

III тип — прямоугольные выкладки из дикого камня, скрепленно-го ганчевым раствором. Погребения с такими надгробиями известны в подгорной полосе Конет-Дага и в горных ущельях к югу от Безмена (Чули, Кяризек).

Группа «Б».

Вторая большая группа погребений обозначена надгробиями из хорошо обработанного камня или жженого кирпича (табл. XXV, 4—35). В ней выделяются три типа надгробных памятников. Каждый тип из этих сооружений имеет много видов, порой сильно отличающихся по форме.

I тип — надгробия-пирамидки. Как уже отмечалось, за основу классификации принята форма наверший.

1. Пирамидки с овальными навершиями (табл. XXV, 4—8). Это наиболее распространенный вид пирамидок. Варианты, которые имеют эти памятники, помимо формы навершия различаются по способу установки над могилой по величине и форме выкладок. Эти варианты следующие:

а) Ферты-пирамидки (табл. XXV, 4), т. е. надгробия, сочетающие в себе черты как пирамидок, так и фертов. Установлены они на невысоких каменных выкладках. Ареал их — западная часть Ахальского оазиса и район к западу от Чильмамедкумов;

б) пирамидки с овальным навершием, установленные на высоких каменных ящиках (табл. XXV, 5). Расположены погребения с такими надгробиями на южном и восточном берегах Кара-Богаз-Гола, в центральных и северных районах Мангышлака. В этом варианте

пирамидок выделяются надгробия-пирамидки, внешне мало отличающиеся от фертов (табл. XXI, 1);

в) пирамидки с овальными навершиями, установленные на высоких массивных каменных выкладках (табл. XXV, 6). Захоронения с этими памятниками зафиксированы на южном берегу Кара-Богаз-Гола и на западных окраинах Чильмамедкумов;

г) пирамидки с овальными навершиями, установленные на каменных однорядных выкладках или в оградах из небольших кусков плитняка, заполненных землей. Иногда в одной ограде установлено до пяти пирамидок, т. е. помещено несколько погребений. Они известны во всех обследованных районах Западной Туркмении за исключением Копет-Дага и Кюрен-Дага (табл. XXV, 8);

д) пирамидки с плоскоовальным навершием (табл. XXV, 9). Способ их установки над могилой самый различный — на ящиках, в оградах, на каменных плитах и просто на земле. Эти памятники известны на Мангышлаке, на Балханах и в Ахальском оазисе.

Предлагаемая классификация отнюдь не означает полного тождества надгробий внутри каждого варианта. Практически вариантов столько же, сколько надгробий вообще. Это относится не только к рассмотренному виду, но и ко всем последующим. Надгробия, включенные в один вариант, различаются размерами, местом устройства светильников, формой основания. Часты случаи разной установки над могилами аналогичных по форме пирамидок.

Для включения надгробия в тот или иной вид или вариант основным критерием, как отмечалось, является форма навершия и другие наиболее характерные признаки. К этим признакам в данном случае следует отнести наличие надписей арабской графикой (табл. XX, 9—10) и характер изображений, а именно остроконечных сабель, холодного оружия и др. Хотя тамги и являются весьма важным критерием, в рассматриваемом конкретном случае их форма за основу классификации принята быть не может¹⁷.

2. Пирамидки с навершием в виде двускатной крыши и с развитым основанием (табл. XXV, 10—14):

а) Пирамидки с высокими массивными навершиями и многоступенчатыми основаниями. На них довольно часто сделаны светильники, очень мало каких-либо изображений и очень редко встречаются надписи (табл. XXV, 10). Распространены пирамидки этого варианта на Мангышлаке и Балханах.

б) Пирамидки с таким же массивным навершием, но на однорядном основании. Для этих надгробий характерны черты предыдущего варианта и довольно большое число зафиксированных тамг. В качестве разновидности этого варианта следует отметить пирамидки с ромбовидным навершием в сечении (табл. XXV, 12). На них значительно чаще встречаются надписи и в меньшей мере — светильники. Пирамидки с обеими разновидностями наверший зарегистрированы во всех районах Западной Туркмении, исключая Копет-Даг и Кюрен-Даг¹⁸.

в) Многоступенчатые пирамидки с невысоким навершием (табл. XXV, 13). Светильники на них, как и надписи, довольно редки. Установлены надгробия прямо на земле или на однорядных выкладках из

¹⁷ См. раздел о тамгах.

¹⁸ По сообщениям отдельных информаторов (например, М. Атаева из аула Шарлоук) такие надгробия встречаются на старых кладбищах Кюрен-Дага. Однако эти сведения проверить пока не удалось, и при составлении карты распространения типов надгробий они не учитывались.

каменных плит. Могил с такими памятниками очень много в западной части Ахальского оазиса и на южном берегу Кара-Богаз-Гола.

г) Пирамидки, заключенные в прямоугольные ограды из небольших кусков плитняка. Этот вариант надгробий известен пока только на северных склонах Большого Балхана (табл. XXV, 14).

3. Пирамидки с плоским навершием (табл. XXV, 15—16). Выделяются два варианта:

а) пирамидки с довольно массивным навершием на одноступенчатом основании (табл. XXV, 15);

б) пирамидки многоступенчатые с небольшими навершиями (табл. XXV, 16).

Надписи на обоих вариантах очень редки, но довольно много тамг (табл. XV, 2).

4. Пирамидки с довольно массивным навершием и одноступенчатым основанием. Основание одновременно служит и «выкладкой». Эти надгробия сходны с третьим и первым видами этого же типа (табл. XXV, 17, 18). Отличительной особенностью этих надгробий является отсутствие надписей. Надгробия этого вида немногочисленны: зарегистрировано немногим более ста экземпляров. Тамги выбиты у них на основании, а не навершии. Распространены они на Балханах и на Мангышлаке, в районе поселка Кызыл-узенья.

5. Пирамидки в виде прямоугольных брусков (табл. XXV, 19—23). В этих надгробиях разделения на навершие и основание нет. Пирамидки установлены на выкладках из одного ряда плит. Выделяется несколько вариантов:

а) Пирамидки в виде простых каменных брусков (табл. XXV, 19). Надписей на них нет. Тамги очень редки.

б) Пирамидки, по верхним плоскостям которых сделаны по всей длине небольшие возвышения — как бы «неразвитые» навершия.

в) Пирамидки такие же, как варианта «б» (табл. XXV, 20), только в западной части верхней плоскости наряду с уступом сделан квадратный в плане светильник. Надписей на них нет, тамги встречаются редко.

Все три варианта зафиксированы пока только в северо-западных районах полуострова Мангышлак.

г) Пирамидки, несколько меньше предыдущих вариантов по размерам (табл. XXV, 21, 22). На верхней плоскости этих памятников сделаны небольшие «навершия». На концах «наверший» помещены квадратные светильники. В качестве разновидности этого варианта следует выделить надгробия с прямоугольными нишами по длинным сторонам пирамидок (табл. XXV, 23). Количество ниш колеблется от трех до шести на одном надгробии¹⁹. Надписей на надгробиях нет. В большинстве случаев на торцовых сторонах пирамидок (преимущественно обращенных к западу или северо-западу) сделаны рельефные фигуры, которые могут быть изображениями тамг (табл. XXV, 23; XVIII, 3). Эти надгробия зафиксированы в Ахале (Кодж — 1 пирамидка), на Балханах (Гезли-ата и Кошоба) и отдельные экземпляры на восточном берегу Кара-Богаз-Гола.

6. Пирамидки, условно названные «рогатыми» (табл. XXV, 24—29).

В подавляющем большинстве случаев они не имеют деления на навершие и основание. Варианты следующие:

¹⁹ Аналогичные ниши зафиксированы и в навершиях отдельных пирамидок, включенных в 1-й и 2-й виды.

а) Пирамидки «однорогие» (табл. XXV, 24). На верхней плоскости сделан уступ и у подножия «рога» квадратный светильник. Надписей на надгробиях нет. Тамги очень редки, и по большей части это «казаяк». Сейчас «однорогие» пирамидки известны только на Мангышлаке.

б) «Двурогие» пирамидки. Выделяются следующие разновидности:

пирамидки, отличающиеся от предыдущего варианта только наличием второго «рога» (табл. XXV, 25);

«двурогие» пирамидки, у которых довольно четко выделяются навершие и основание (табл. XXV, 26). Надписей на них нет. На известных надгробиях преобладает тамга «казаяк». Таких надмогильных памятников очень немного — всего 15 экземпляров. Распространены они на южном берегу Кара-Богаз-Гола (2 надгробия) и на северо-западном Мангышлаке (13 надгробий) по 1—2 надгробиям на кладбище.

в) «Двурогие» пирамидки со слабо выраженными «рогами» с развитым навершием и четко выраженным основанием (табл. XXV, 27). В отличие от предшествующих вариантов, на них сделаны рельефные изображения сабель, изображения всадников, сцен охоты и т. п. В «рогах» сделаны светильники. На большинстве пирамидок выбиты тамги «крест». Способ установки также иной — на высоких выкладках. Основной район распространения — Балханы.

г) Пирамидки, аналогичные предыдущим, но между «рогами» у них неровная плоскость, а «двускатная крыша» (табл. XXV, 28). Тамги на них довольно разнообразны. Установлены в прямоугольных оградах. Зафиксированы в настоящее время только на Балханах.

д) «Двурогие» пирамидки (табл. XXV, 29), близкие по форме к варианту «б», но имеющие другую форму «рогов», сходных с навершиями фертообразных стел, которые характерны для следующего типа надмогильных сооружений («плит с двумя фертами»). Эти пирамидки известны в настоящее время только на Мангышлаке.

II тип надгробий в виде плит с двумя фертами. По количеству видов этот тип значительно уступает предыдущему.

1. Невысокие плиты со сложным рельефным изображением (табл. XXV, 30). Навершия стел фертообразные. Вокруг плиты и стел сделана выкладка из хорошо обработанных камней. Надписей нет; тамги на этом виде надгробий пока неизвестны. На большинстве плит сделаны светильники.

2. Ступенчатые плиты различной высоты и размеров. Для них наряду со стелами, имеющими фертообразные навершия, характерны стелы с навершиями в виде ромба или круга (табл. XXV, 31, 32). На одной плите зафиксирована надпись. Тамги есть на большинстве известных плит. Преимущественно они выбиты на боковых сторонах плит и очень редко на стелах. На подавляющем большинстве плит имеются светильники.

Погребения с «плитами» известны в Ахале и даже в Атеке, очень немного таких захоронений имеется в Юго-Западной Туркмении. Основная масса могил, обозначенных «плитами», расположена на Балханах и в отдельных местах Мангышлака. Здесь следует еще раз отметить, что в очень многих случаях нельзя провести четкой границы между плитами и пирамидками. Критерием обычно служит наличие у первых обработанных стел.

III тип. Надгробия, условно называемые «ящик с фертами» (табл. XXV, 33, 34). Можно выделить три вида «ящиков».

1. Каменные ящики с фертообразными стелами (табл. XXV, 33). Плиты, составляющие ящик, тщательно обработаны, и ящики имеют крышки с рельефными узорами. Этот вид надгробных сооружений известен только на Балханах. Наиболее яркими образцами служат надгробия Удека.

2. Каменные ящики такие же, как и предыдущие, только без крышек (табл. XXV, 34; XVI, 3). Иногда крышки заменены слоем белорозовой ракушки. Основная масса погребений с такими надгробиями сосредоточена на Балханах. На Мангышлаке имеется особый вариант этого вида надгробий, который отличается худшей обработкой камня и меньшими размерами стел.

3. Каменные ящики, сложенные из слегка обработанных кусков плитняка. Стелы заменены более высокими кусками плоских камней (табл. XXV, 35). Такие надгробия есть на Балханах (в местах, связанных с текинцами) и в Копет-Даге.

IV тип. Надгробия, называемые «каменные столбы» (табл. VII, 7, 8, 14; VIII, 1, 2). О них уже говорилось в разделе о погребениях Юго-Запада и Копет-Дага. Аналогичный каменный столб был найден на Мангышлаке. В настоящее время можно выделить два вида этих сооружений.

1. Обработанные каменные столбы различной величины. На них сделаны надписи арабской графикой, рисунки животных и оружия (табл. VII, 7, 8, 14; VIII). На многих выбиты тамги. Этот вид имеет два варианта:

а) столбы с развитым навершием (табл. VII, 7);

б) столбы без навершия (табл. V, 7; VIII, 1, 2).

Распространены эти варианты на юго-западе, в долине рек Сумбара и Чандыря.

2. Каменные, слегка обработанные столбы. Они меньше предыдущих по размерам и на них нет надписей и рисунков. Иногда на могиле поставлены два столба — по торцовым сторонам ямы (табл. VII, 8). Больше всего погребений с такими столбами зафиксировано на восточном берегу Кара-Богаз-Гола, в Копет-Даге и довольно часто они встречаются на северных склонах Большого Балхана.

При рассмотрении надгробных сооружений разных районов упоминались светильники, выбитые в плитах, в навершиях и на основаниях пирамидок и в верхних частях фертов. Отмечалось и наличие отдельных светильников-жертвенников у могил, чаще у «овляд», т. е. «святой» могилы кладбища.

В настоящее время назначение светильников на надгробиях западными туркменами забыто. Объясняется, что они сделаны для того, чтобы птицы могли попить воды, совсем недавнего происхождения. Мы писали уже, что на Мангышлаке туркмены и казахи сохранили прямое назначение светильников. Причем, зажигается огонь в светильниках, сделанных не только на надгробиях, но и в больших «чараках», стоящих около культовых сооружений²⁰.

²⁰ На Мангышлаке культовые сооружения, около которых сохранились светильники, можно разделить на две группы. К первой относятся сильно разрушенные здания. Их назначение и планировку без специальных работ установить нельзя. Сложены они из равного камня на глиняном растворе и, очевидно, были облицованы хорошо обработанными плитами известняка. Как правило, рядом с ними расположены «степные» мечети, о которых упоминалось выше. Другую группу составляют мавзолеи. Планировка их различна, как, вероятно, различен и возраст. Имеют они и конструктивные особенности.

Размеры отдельно стоящих светильников неодинаковы. Можно выделить две группы — большие каменные тумбы (табл. XX, 12—14) высотой до 100 см с чашей со средними размерами 20×20×7 см и светильники, стоящие около «святых» могил. По размерам они значительно меньше (табл. XX, 15, 16, 19, 23—24) и сделаны менее тщательно. Небольшие светильники встречаются и на рядовых могилах, особенно часто на Мангышлаке.

Маленькие светильники часто встречаются у «святых» могил на Балханах (например, на кладбище Караэлем-ата). Но здесь они выполняют роль жертвенника — в них кладут сахар, конфеты, хлеб и т. п. Огни в этих светильниках-жертвенниках не зажигают.

В отличие от Балхан, в Копет-Даге на одном из кладбищ Сайванской долины (справа от дороги Баши-Сайван при спуске с перевала в долину) на «святой» могиле стоит небольшой глиняный чарак со следами копоти.

Светильники помогают понять генезис некоторых форм надгробий. В первую очередь, это относится к некоторым пирамидкам (табл. XX, 17, 18, 21). Это небольшие, высотой от 30 до 60 см надгробья, имеющие форму трехгранных пирамид или столбиков, овальных в сечении. На вершинах пирамидок и столбиков сделаны углубления. При сопоставлении их с материалом Мангышлака видно, что они представляют собой в значительной мере видоизмененные (упрощенные) светильники.

Представляется, что и современные иомутские ферты в значительной степени обязаны своим происхождением светильникам. Помимо линии развития от пирамидок к фертам можно проследить и линию развития от светильников к фертам. Это в значительной мере объясняет небольшое количество фертов пирамидок на кладбищах Северо-Западной Туркмении.

Большую помощь в выяснении этого вопроса оказывает крымский материал²¹. Изображенные на приводимой О. Акчокраклы таблице, надгробия одновременно сочетают в себе элементы фертов и чариков (табл. XX, 25). На каждом таком надгробии выбита тамга.

Обращает на себя внимание и то, что ферты сохранились до сих пор только у западных иомутов и у соседней с ними небольшой группы текинцев. Вероятно, это объясняется тем, что иомуты последними из западных туркмен ушли с Мангышлака, где светильники сохранились дольше, и иомуты принесли их с собой в форме ферта, забыв их настоящее назначение. Возможно и другое. Иомуты или группы, на базе которых они сформировались, в большей мере принимали участие в завоевании Крыма, а для этих групп была характерна установка светильника на могиле. Решить проблему можно будет только после детального изучения крымского материала и материала средневекового населения низовьев Волги, которое Дженкинсон²² называл «крымцами».

Могильные ямы. В средневековых погребальных сооружениях можно выделить следующие типы могильных ям:

I тип. Могильная яма с боковым подбоем (табл. XX, 26). Реже всего такая конструкция встречается под надгробиями «ящиками» (III тип группы «Б»).

²¹ О. Акчокраклы. Татарские тамги в Крыму. Симферополь, 1927, стр. 6.

²² А. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию в 1550—1560 гг. В кн.: «Английские путешественники в Московском государстве XVI в.» М., 1937, стр. 170.

Распространение типов надгробий и склепов

Группы	«Д»				«Промежу- точная»				«Б»												Склепы											
	I		II		III		IV		V		I	II	III	IV		V		VI		VII		VIII		IX		X		XI		XII		
Типы	1 2		3		4		5		6		а	б	в	г	д	а	б	в	г	д	а	б	в	г	а	б	а	б	а	б		
Варианты	+		+		+		+		+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Балханы	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Мангыштак	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ахал	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Юго-Запад	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Копет-Дар	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

II тип. Могильная яма с погребальной щелью (табл. XX, 26-Б). Этот тип имеет 3 вида:

1. Земляная погребальная щель перекрыта каменными плитами (табл. XX, 26, Б). Количество рядов закладки и поро́да камня определяется местными условиями;

2. Погребальная щель выложена каменными плитами или сложена из камня (табл. XX, 26, Б) и перекрыта каменными плитами.

3. Погребальная щель перекрыта деревом;

III тип. Могильная яма с земляными плечиками, расположенными в самом верху ямы (табл. XX, 26, В). Такая конструкция чаще всего встречается в погребениях, обозначенных пирамидками.

IV тип. Простая прямоугольная яма без каких-либо добавлений или устройств (табл. XX, 26, Г). В отличие от предыдущих типов она не перекрывается. У рядовых погребений такой тип ямы встречается очень редко. Он, очевидно, является характерным признаком погребений «гоном башни».

В нашей классификационной схеме даются лишь основные типы могильных ям. Помимо них сейчас известны и другие конструкции могил (табл. XIV, 2(6), 6(7)). Принципиально они могут быть отнесены к одному из названных четырех типов. Однако выделение их в отдельные виды, а это необходимо ввиду существенных дополнений в конструкциях, представляется пока преждевременным. «Нестандартных» могильных ям зарегистрировано хотя и много, но каждая из них претендует на самостоятельный вид.

Нет однозначного соответствия между типом могильной ямы и типами надгробий. Мы можем констатировать лишь преобладание какого-нибудь типа конструкции ямы при каком-либо типе надгробий.

Имеется два вида положения костяков в могильных ямах. Костяки лежат или на правом боку или на спине. Положение на правом боку характерно для могильных ям с боковым подбоем. Большинство костяков в могилах с погребальной щелью лежит на спине. Довольно часто череп скелета, лежащего на спине, повернут направо.

Ориентация костяков осуществлялась головой на северо-запад, север или запад в зависимости от ориентации могильной ямы, которая очень непостоянна даже на одном кладбище. Пока не известны случаи положения костяков головой на восток или на юг.

Совершенно особое место занимают погребения в склепах. Сейчас известны три вида склепов.

1. Большие мазары, под которыми находятся склепы (табл. V, 14).

2. Насыпной курган над склепом (табл. V, 15).

3. Каменная или кирпичная выкладка по всей площади склепа или по его периметру (табл. V, 4).

Форма надземного сооружения определяет и конструкцию склепа. Под мазарами и курганами расположены купольные крестообразные в плане помещения, сложенные из жженого кирпича или подработанного мягкого камня. Размер кирпичей, как правило, $25 \times 25 \times 4-5$ см. В каждом луче креста расположено по несколько погребений. Костяки лежат в деревянных гробах, ориентированных по линии СЗ—ЮВ.

Склепы под выкладками рассматривались выше. Они содержат два типа труположения — в деревянном гробу и без гроба. Погребения в склепах изучены пока только в Ахале, но известны они по всей Западной Туркмении и на Мангышлаке. Следует отметить, что имеющийся материал позволяет выделить склепы Балхан и Мангышлака в особую группу, что уже отмечалось. Склепы Мангышлака обозначены пирамидками.

Погребения «гоном баши» на средневековых могильниках Западной Туркмении

Прежде чем перейти к рассмотрению этнической и племенной принадлежности погребений, их абсолютной и относительной датировке, представляется необходимым остановиться на захоронениях и формах надгробных сооружений «гоном баши» — основателей кладбищ.

В настоящее время могилы «гоном баши» зафиксированы не на всех обследованных кладбищах. Их обычно нет на кладбищах, где преобладают захоронения в склепах. Они, как правило, отсутствуют также на могильниках, где погребения отмечены только каменными ящиками с фёртообразными стелами, таких, как Акмолла I и II (табл. XX, 4), и на кладбищах, где эти погребения преобладают, как, например, на I и II кладбищах Удека (Балханского) и кладбища Кукурта (табл. XIII, 15, 16). Для всех этих могильников характерна одна особенность: погребения с надгробиями типа «каменный ящик с фёртами» заключены по несколько штук в ограды — мазары (табл. XX, 4). Погребений «гоном баши» нет и на большинстве могильников Мангышлака.

На обследованных могильниках, где есть могилы «гоном баши», они, как правило, расположены в центре кладбища или на самом «удобном» месте. Это обычно наиболее высокие места. Но встречаются могилы «гоном баши», расположенные не в центре. Размещение на кладбище «гоном баши» зависит, очевидно, от времени его захоронения на могильнике.

Если кладбище действительно формировалось вокруг какого-то «святого», как например, Гезли-ата, то могила «гоном баши» находится в центре. Если же почитаемый «святой» был погребен на уже существовавшем кладбище, то могила его оказывалась в стороне от

центра. При этом, как показывает имеющийся материал, для возведения надгробия используются камни из более ранних надмогильных сооружений, что позволяет определить относительное время появления могилы «гоном башни» на кладбище. Это хорошо видно на примере кладбища Кошобы, где «гоном башни» погребен на краю могильника и для его надгробия использованы расколотые пирамидки.

На некоторых кладбищах (например, в Кяризеке) могилы «гоном башни», хотя и размещены в центре могильников, не могут считаться погребениями их основателей. Некогда они размещались на краю старых, до них образовавшихся кладбищ, и впоследствии за счет роста нового могильника в одну сторону заняли центральное положение.

Примечательна и другая особенность. Могилы «гоном башни» есть на всех без исключения кладбищах, расположенных около водных источников — ключей (чешме) или кяризов. Такие источники по большей части считаются целебными. Некоторые из них действительно обладают целебными свойствами, как, например, широко известный в Ахале курорт Арчман, около которого находится почитаемая могила Арчман-ата, и очень старый, не известный современному населению, могильник.

Почти все известные могилы «гоном башни» до сегодняшнего дня почитаются частью местного населения. Это, как правило, люди старшего поколения. Однако «святые» могилы посещаются и более молодыми — в основном женщинами.

Надгробные сооружения «гоном башни» в Западной Туркмении встречаются двух видов.

Большая часть погребений обозначена беспорядочными каменными кладками (табл. XXIII, 2, 6, 7; VI) различных размеров. Ориентированы надгробия по оси СЗ—ЮВ. Часто выкладки огорожены невысокими (до 120 см) стенами. Для сооружения стен в ряде мест использованы остатки надгробий расположенных рядом погребений.

Обязательной принадлежностью надгробия этого вида является деревянный столб или шест (табл. XXIII, 2, 3, 6, 7; VI), к которому верующие привязывают кусочки материи, желая получить от святого какую-нибудь помощь.

Другой вид надгробий «гоном башни» — прямоугольная, со слегка сглаженными краями выкладка из камня (табл. XXIII, 8, 9; VI, 3). Часто из камня делаются только стенки надгробий, а внутренность заполнена землей. Размеры выкладки колеблются между максимальными: 8×3 м и 1,50 м в высоту и минимальными 4×1,5 м и 70—80 см в высоту. Преобладают выкладки больших размеров. Иногда выкладки заключаются в ограду, перед немногими из них в землю врыты столбы. Ориентировка надгробий колеблется от линии З—В до линии СЗ—ЮВ.

Обязательной принадлежностью надгробий обоих видов являются рога архаров. Чем больше количество рогов, тем больше «святость» могилы. Помимо этого атрибута в изголовьях могил много битой посуды, а в степной части Западной Туркмении — черепа верблюдов и светильников-жертвенников.

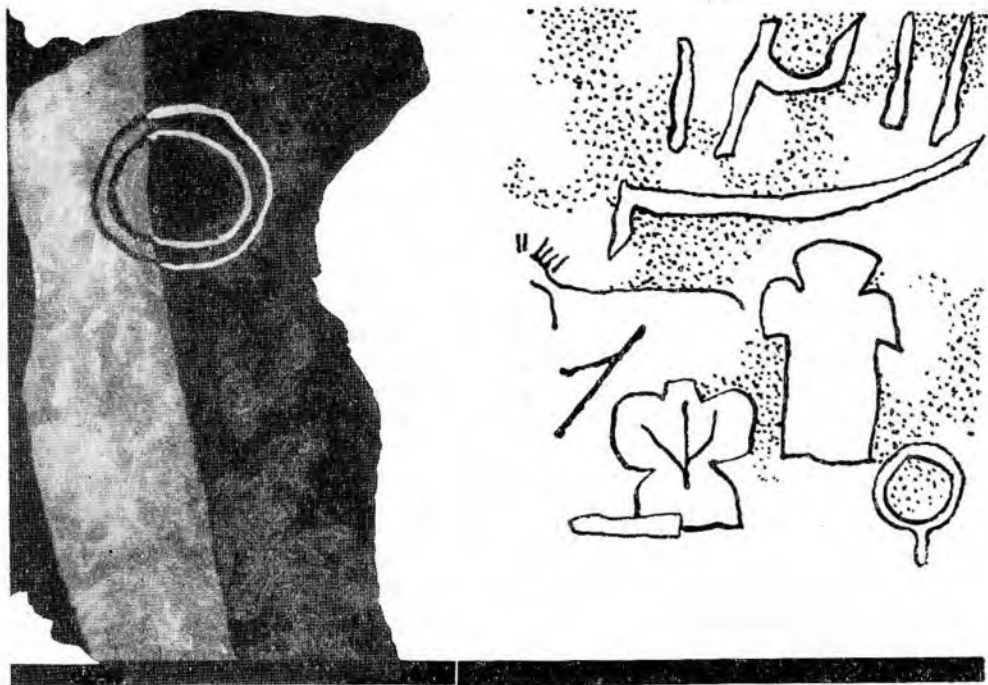
Могильные ямы «гоном башни» изучены были пока только в двух местах; на кладбище Бедели-ата (табл. VIII, 4) и Эрсари-баба (табл. XX, 26, Г). В обоих случаях их конструкция проста. Костяки лежали в простой яме на спине, головой на СЗ, глазницы черепов были обращены вверх.

Примечательно, что могила Эрсари-баба находилась под юго-восточной частью выкладки, а не у палки, закрепленной в изголовье. При разборе передней части выкладки под камнями были найдены черепки посуды XVII—XIX вв. Очевидно, первоначально надгробие было меньше, о чем свидетельствуют небольшие каменные стелы, установленные по торцам могильной ямы. Надгробие увеличилось за счет камней, положенных на могилу паломниками. Этот обычай и поныне сохранился у туркмен. Богомольцы, идущие к мавзолею Паррау-биби, соорудили на подходе к мавзолею (в сам мавзолей камни не кладут) большой каменный курган. Число камней показывает в данном случае минимальное количество людей, посетивших мавзолей.

Приведенный перечень типов и видов погребений Северо-Западной Туркмении и некоторых соседних районов и таблица этих типов показывают, что между отдельными типами надгробий нельзя провести четкой грани. Исключения составляют в какой-то мере склепные захоронения. Но и они, судя по могильникам Мангышлака, не выпадают из предлагаемой схемы.

Каково же расположение всех выделенных типов на могильниках рассматриваемых районов? Существуют ли какая-нибудь система и закономерность в их размещении на могильниках? Для выяснения этого остановимся на рассмотрении ряда могильников Западной Туркмении и Мангышлака.

Глава III

МОГИЛЬНИКИ ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

Могильники западной части Ахала

Наиболее значительные по размерам кладбища (исключая новые кладбища современного населения), о которых удалось собрать достоверные этнографические сведения или о местах расположения которых есть известия в письменных источниках, размещены около городища Шахр-Ислам, в Чулийском ущелье у истоков ручья Гез-баи, около аула Парау и Кодж.

Кладбище у городища Шахр-Ислам. Это пока единственный известный могильник, расположенный в зоне песков. Материалы, относящиеся к самому городищу, достаточно полно приведены в опубликованных работах¹.

В данном случае предметом описания является могильник, размещенный к югу и юго-востоку от городища. На средневековой части кладбища² расположены три вида погребений — подземные склепы, сложенные из обожженного кирпича $24 \times 24 \times 5$ см; погребения, обозначенные прямоугольной выкладкой из такого же кирпича, и погребения, отмеченные пирамидками.

¹ Б. А. Литвицкий и В. Г. Машкова. Изучение Така-Языра, Дуруна. Тр. ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949.

² О современных погребениях Шахр-Ислама см. выше.

Склепы составляют обособленную группу и размещены между городищем и форпостом. На поверхности они отмечены кучами битого кирпича или небольшими всхолмлениями.

К востоку от городища вокруг развалившегося мазара находятся погребения с надгробиями в виде прямоугольных выкладок. «Главной» могилой этой группы погребений, очевидно, был упомянутый мазар.

Погребения, над которыми были установлены пирамидки, в настоящее время на Шахр-Исламе неизвестны. Надгробия сдвинуты с мест первоначальной установки. Одно надгробие перенесено на стену городища, другое было установлено на погребении начала XX в. (оно вскрыто отрядом ТАЭЭ в 1959 г.) и одна пирамидка лежит в стороне от кладбища.

Вокруг средневековых погребений расположены могилы карадашлинцев XVIII—XX вв. Опрошенные информаторы, живущие на соседних с Шарх-Исламом кочевьях, относят все могилы Шахр-Ислама к карадашлинцам. При этом они утверждают, что, насколько им известно, кроме карадашлы на Шахр-Исламе никто не хоронит и по словам их отцов и дедов никогда не хоронили³. Здесь следует отметить, что некоторые информаторы, причисляя себя к текинцам, одновременно говорят, что «мы вообще-то, языханы»⁴.

Кладбище у истоков ручья Гез-баш. Погребения на кладбище, расположенные у источников ручья Гез-баш в Чулийском ущелье, размещены по склонам горных складок, в долине и некоторые погребения расположены на гребне складки. Могила «гоном баши» (табл. VI, 9—10) расположена у подножия складки. Ее надгробие — прямоугольная выкладка шириной 2 м, длиной 6 м, высотой 1,20 м. Камни выкладки скреплены глиняными растворами. Могила огорожена полуразвалившейся стеной. Остальные погребения кладбища обозначены такими же выкладками только несколько меньших размеров.

В большинстве случаев камни надгробий скреплены ганчем. Других погребений на кладбище нет. Местные жители — курды приписывают могилам тысячелетнюю давность и отрицают наличие на кладбище курдских могил. Туркмены, живущие в подгорной полосе, также не считают этот могильник туркменским.

Кладбище Агар-убак. Одно из наиболее значительных кладбищ подгорной полосы, как по размеру, так и по многообразию сооружений. Оно расположено около аула Кодж. К западу от аула находится несколько больших земляных курганов, на северо-западной окраине аула расположено депе — остатки поселения, датируемого подъемной керамикой XIII—XIV вв. Депе имеет два названия. Одни информаторы называют его именем аула, другие называют «депе Такюнусхан».

Наиболее ранними жителями в этом месте, по сведениям информаторов, были агары. Время их поселения в Коджи они относят к XII в., т. е. говорят, что агары жили всего 800 лет тому назад⁵. Их предводитель и «святой человек» Агар-убык (Агар-убак) похоронен в большом мазере на кладбище⁶.

Первые письменные известия о Кодже относятся к XVII в. В 1653 г. около этого аула Абу-л-Гази разграбил кочевье туркмен-емрели⁷. В это же время (т. е. в XVII в.) в районе Коджа упомина-

³ Подлевые записи ТАЭЭ за 1960 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод Саблукова. ИОАИЭ, т. XXI, 1906, стр. 291—292.

ются еще сарыки и али-эли⁸. К этому периоду, по сведениям информаторов, относится расселение в этом месте и туркмен-эрсари. Местное население объединяет эрсари с имрели и возводит их к древним язырам⁹.

По преданию в этом месте жили два брата — Кодж и Кодж Карата. Они были эрсари. Их именем и назван аул¹⁰. У туркмен-эрсари, живущих сейчас в Чарджоуской области, есть тире каре, в которое входит мелкое подразделение кодж¹¹. Вероятно, именно эта группа эрсариинцев и дала название аулу. Еще в начале XIX в. аул упоминается под названием Коч-ата¹². В наши дни вторая часть названия почти не встречается и о ней помнят только немногие старики.

После эрсари в самом ауле и его окрестностях жили курды, которых, по словам информаторов-карадашлинцев (наиболее древняя из современных групп Коджа), их предки вместе с текинцами вытеснили отсюда лет 250 тому назад. Эта дата не вызывает сомнения, так как с начала XVIII в. началось массовое переселение туркмен, в том числе и текинцев, в подгорную полосу¹³.

Кладбище расположено к западу от аула и к югу от старого шоссе Ашхабад-Кызыл-арват. Сейчас кладбище занимает большую площадь. С востока на запад оно протянулось на 700—800 м и с севера на юг на 200—250 м. По рассказу 76-летнего Ашира Кула¹⁴, до строительства железной дороги (это он знает по рассказам отца) и шоссе оно занимало еще большую площадь. Вся северная (большая) часть могильника была разрушена при строительных работах. Это подтверждают немногочисленные сохранившиеся выкладки из дикого камня, расположенные севернее шоссе. О том, что кладбище было больше, свидетельствует и расположение сохранившихся мазаров из жженого кирпича. Они как-то неестественно расположены на краю существующего кладбища, вплотную примыкая к шоссе. Если же рассматривать могильники с учетом разрушенной части, то наиболее старые мазары оказываются расположенными почти в центре, что обычно для большинства подобных кладбищ.

Современные жители называют кладбище Агар-убак по имени «гоном баша». Его могила находится в центре существующего кладбища к югу от развалин мазаров (табл. IV, 4). Могила Агар-убака пользуется большим почитанием не только у жителей Коджа. К ней на поклонение приезжают люди из соседних аулов.

Сейчас кладбище «растет» в западном направлении, так как с юга оно ограничено горами, с севера — шоссе и дорогой, а с востока — аулами. В западной части кладбища хоронят своих покойников текинцы, ата, карадашлы и иомуты.

Кроме современных погребений на кладбище есть могилы с фертми XVIII в., различные виды пирамидок, погребения типа «двух стел», погребения с надгробиями типа «плита с фертми», кирпичные и каменные выкладки с фертми. Кроме этого, в восточной, самой старой части кладбища, много погребений, обозначенных прямоуголь-

⁸ Ю. Э. Брегель. Этническая карта Южной Туркмении и Хорасана в XVII—XVIII вв. КСИЭ, т. XXXI, 1959, стр. 14 (вкладка).

⁹ Полевые записи ТАЭЭ за 1960 г. (№ 15 и 16).

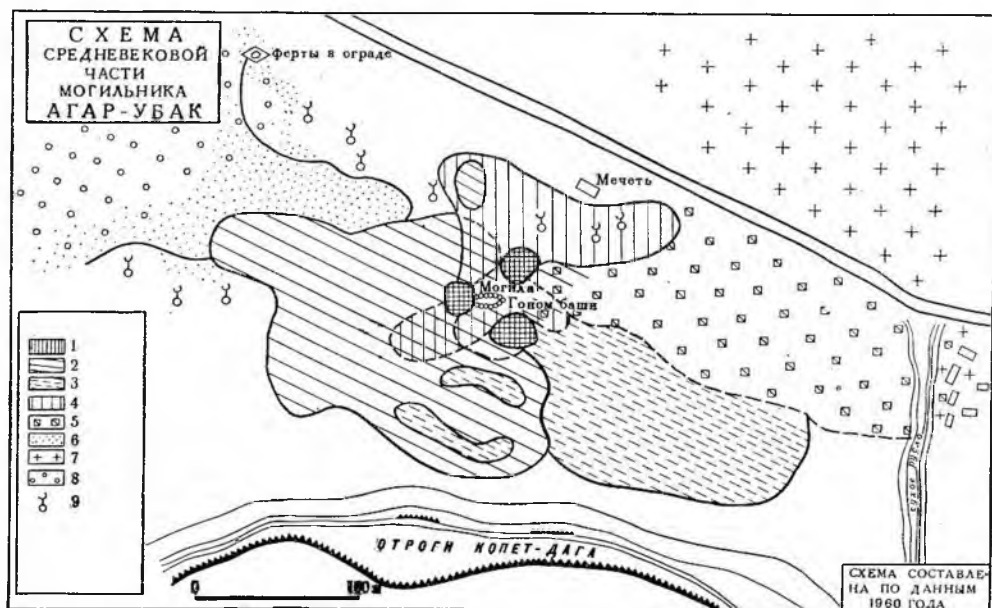
¹⁰ Там же.

¹¹ Я. Р. Винников. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области и его расселение. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI, стр. 46.

¹² История Туркменской ССР, т. I, кн. 2. Ашхабад, 1957.

¹³ История Туркменской ССР, т. I, кн. 1, стр. 410 и дальше.

¹⁴ Полевые записи ТАЭЭ за 1930 г. (№ 6).

Условные обозначения: 1 — погребения «Плитами»; 2 — «Пирамидки»; 3 — «Две стелы»; 4 — «Выкладки с фертом»; 5 — «Прямоугольные ограды»; 6 — Ферты (старые); 7 — Часть могильника, неизвестная населению; 8 — Новая часть могильника; 9 — Мазары

ными выкладками из больших валунов, уложенных по периметру могилы. Они напоминают выкладки, обозначающие кирпичные склепы на кладбище около городища Парау.

Плоскостная «стратиграфия» могильника Агар-убак, выявленная по типам намогильных сооружений, достаточно четка и весьма показательна. Если исследовать могильник с запада, т. е. от новой части, к востоку, то получается следующая картина (см. схему на стр. 69).

Современные надгробия (табл. III, 21—22) сменяются фертами XVIII в., на которые как бы «наплывают» ферты-пирамидки (табл. V, 5), переходящие в пирамидки разных групп и в надгробья типа «две стелы» (табл. III, 23; V, 1—3, 6—12). Далее отмечается небольшое включение «плит с фертами» (табл. V, 13) и за ними располагается основной массив погребений, обозначенных выкладками с фертами (табл. XXV, 1—2). За этими погребениями начинаются выкладки, которые, возможно, являются обозначениями склепов.

Кладбище у городища Парау. Значительно хуже, чем в Кодже, сохранилось средневековое кладбище около аула Парау. После завоевания Южного Туркменистана арабами на месте этого аула был построен рабат¹⁵. В IX в. Парау служил опорным пунктом тахиридов в их борьбе против скотоводов Балхан и Устюрта. В это же время Парау упоминается наряду с такими городами, как Мерв, Серахс и Ниса. Начиная с XI в. Парау называется как одно из мест обитания сельджуков¹⁶, которые после сражения с Махмудом Газневи в 1027 г. ушли на Балханы. Немного спустя, в 1035 и 1039 гг., сельджуки опять

¹⁵ История Туркменской ССР, т. I, кн. I, стр. 175.

¹⁶ МИТТ, т. I, стр. 230.

появляются в Парау¹⁷. Под 1116 г. в Парау упоминаются языры¹⁸. В послемонгольское время Парау отмечается как центр производства керамической посуды и место, где возделывались поля¹⁹. Дальнейшая история поселения почти не освещена письменными источниками. В настоящее время неизвестно время и причины запустения города Парау. Уже в XV в. Парау упоминается как селение области Языр²⁰. В более позднее время источники не упоминают в этих местах никаких других туркменских групп.

Сейчас в ауле живут туркмены-иомуты, которые, по словам информаторов, пришли сюда лет 100 тому назад, и туркмены-атинцы. Атинцы поселились в ауле в 30-х годах нашего столетия. Они пришли в эти места с гор²¹. Кто жил в ауле до иомутов, местные жители не знают.

В наши дни аул знаменит мазаром Парау-биби²², расположенным южнее аула на склоне гор. Он является самой почитаемой женской святыней западной части подгорной полосы. Многочисленные поломники посещают ее не только по праздникам, но и в будни.

По преданию, в мавзоле похоронена девушка Парау. Она, по одному варианту легенды, спасала туркмен от иранцев, уведя их внутрь горы. Другой вариант легенды, записанной здесь же в ауле Парау, говорит о том, что Парау убежала от калмыков и попросила гору спрятать ее. На том месте, где Парау вошла в гору, поставлен мазар. Несомненно, последний вариант легенды более поздний, поскольку Парау связывается с нашествием калмыков в XVII в., в то время как Г. А. Пугаченкова датирует мазар XI в.²³ Первый вариант легенды, по этническим персонажам, представляется более реальным. Весьма вероятно, что мазар связан с событиями 1027 г., с борьбой Махмуда Газневи с сельджуками²⁴.

Средневековое кладбище расположено между мазаром Парау-биби и современным аулом. На его территории до наших дней сохранилось два мазара — Парау-ата (его именем называется кладбище) и другой, похожий на него, но не имеющий названия. Мазар Парау-ата датируется XI—XII вв., другой мазар — XVIII—XIX вв.²⁵ Помимо этих двух на кладбище заметны остатки еще 10 мазаров, планировка которых близка Парау-ата.

На Парау-ата сохранность надмогильных сооружений значительно хуже, чем на могильнике Агар-убака. Многие надгробия сдвинуты со своих мест и расколоты. Особенно сильно пострадали ферты и пирамидки. Сейчас неясно, к каким могилам они относились. Абсолютное большинство погребений обозначено на кладбище прямоугольными выкладками из валунов (табл. XXV, 3) и выкладками из булыжника в один ряд, под которыми помещены склепы.

¹⁷ МИТТ, т. I, стр. 389.

¹⁸ Там же, стр. 349.

¹⁹ История Туркменской ССР, т. I, кн. 1, стр. 309.

²⁰ МИТТ, т. I, стр. 529.

²¹ Полевые записи ТАЭЭ за 1960 г. (№ 5).

²² Об архитектуре мазара см. Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, 1958, т. VI, стр. 301.

²³ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 301.

²⁴ МИТТ, т. I, стр. 230.

²⁵ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958.

Склепы размещены между мазарами, к востоку от городища, а погребения с большими выкладками — по краям кладбища. Отдельные могилы расположены на южной окраине городища.

Обращает на себя внимание сходство погребений кладбища Парау-ата с кладбищем Шахр-Ислама. И на Шахр-Исламе и в Парау преобладают погребения под выкладками и склепы. Как на Шахр-Исламе, так и в Парау очень мало погребений с пирамидками. К этому следует отнестись особенно внимательно, если учесть что Шахр-Ислам и Парау упоминаются письменными источниками как места языров.

Могильники Балхан

Кладбище Омар-ата. Одно из наиболее почитаемых кладбищ в этом районе — кладбище Омар-ата, расположенное в непосредственной близости от Кяриза I, слева от дороги Джебел-Кяриз. Здесь хоронят своих покойников туркмены северо-балханской предгорной степи.

По рассказам местных жителей кладбище называют именем одного святого человека из «рода ата», могила которого почитается до настоящего времени и расположена в южной части кладбища. Атинцы, живущие в Дарган-ата, хорошо помнят и знают этот могильник. Они рассказывают, что один из сыновей Гёзли-ата²⁶ — Омар похоронен на Балханах на левой стороне от гор²⁷.

До настоящего времени кладбище Омар-ата почитается туркменами-текинцами, живущими в Ахале. В 1961—1962 гг. на кладбище приезжало несколько групп текинцев помолиться на могилах предков. Этот факт позволяет в какой-то мере проследить историю текинцев, или, во всяком случае, одного из подразделений теке. Дело в том, что в 8 км к западу от Кяриза расположен колодец — Огланлы, и вся местность вокруг него, включая и Кяриз, называется Огланлы. Это название впервые в письменных источниках встречается у Абу-л-Гази²⁸.

По преданию, пророк Иафис дал своему сыну Турку прозвище Иафис-Огланлы и сделал главным над всей своей фамилией²⁹. Дальше в родословной имя Оглан упоминается несколько раз и последним это имя носил Туйходжи-оглан — правитель Мангышлака (в 50—60 гг. XIV в.) и отец хана Тахтамышша³⁰. Несколько южнее Балхан в XV в. Мирхонд упоминает людей Тохтамышша³¹. Очевидно, речь идет о предках современных текинцев тире «тохтамышей».

Северную часть кладбища занимают современные иомутские могилы, обозначенные фертами, холмиками с палками и оградками.

Для более ранней части кладбища характерно то, что сохранившиеся надгробные камни не имеют следов обработки. Все надгробия выложены из дикого камня и кусков плитняка.

С юга к современным погребениям примыкают могилы, обозначенные двумя стелами (табл. XXIV, 13). Центральная могила этой

²⁶ По преданию, родоначальник — туркмен-ата. Полевые записи ТАЭЭ за 1956—1962 гг.

²⁷ Полевые записи ТАЭЭ за 1961 г.

²⁸ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод Саблукова. ИОАИЭ, т. XXI, 1906.

²⁹ Там же, стр. 14.

³⁰ В. Г. Тизенгаузен. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1940, стр. 211.

³¹ МИТТ, т. I, стр. 538.

части кладбища имеет надгробие в виде прямоугольной ступенчатой пирамиды, сложенной из семи рядов плитняка. Пирамида завершается двумя большими прямоугольными глыбами (табл. XIX, 8). Ориентация надгробий в этой части кладбища осуществляется по осям ЗСЗ—ВЮВ или СЗ—ЮВ.

Самые старые могилы занимают южную часть кладбища. Надмогильные сооружения здесь совсем разрушены и в значительной степени ушли в землю. Всего в этой части удалось определить три типа надгробных сооружений:

Первый. Небольшие (до 180 см в длину) каменные выкладки, у которых по торцовым сторонам поставлены невысокие каменные стелы. Все это огорожено круглой в плане оградкой из такого же, как выкладки, дикого камня (табл. XXIV, 15). Ориентация надгробий — по линии ЗСЗ—ВЮВ. Но это, очевидно, не самые старые могилы.

Наиболее высокую часть кладбища занимают могилы, расположенные в прямоугольных оградах из дикого камня. В каждой оградке (а их всего 4) размещено по несколько могил, которые расположены параллельно друг другу. Каждая могила в оградке отмечена надгробием в виде «каменного ящика», сложенного из кусков плитняка. По внешнему виду они идентичны надгробным сооружениям Копет-Дага и кладбища Аджамал. Ориентация надгробий — по линии ССЗ—ЮЮВ. Они напоминают небольшие каменные курганы. Погребения с такими сооружениями окружают почитаемую в настоящее время могилу, в которой, по преданию, похоронен Омар-ата.

Надгробие у этой могилы представляет беспорядочное нагромождение крупных камней до полуметра высотой, занимающее площадь 450×600 см. Нагромождение камней вытянуто по оси ССЗ—ЮЮВ. В северном конце поставлен двухметровый деревянный столб с множеством привязанных к нему тряпок. При внимательном рассмотрении заметно, что камни сохраняют еще какой-то определенный порядок, располагаясь концентрическими рядами. Сооружений такого типа довольно много встречается в северо-балханской стене. В большинстве случаев местному населению они неизвестны.

Кладбище у колодцев Огланлы. Аналогичное Омар-ата, по типам надгробных сооружений, кладбище расположено у колодцев Огланлы (8 км к западу от Кяриза I). Местное население называет его Кауджик-овлия. Надгробие главной могилы кладбища — овальная куча камней (300×100 см), вытянутая с северо-запада на юго-восток (табл. XI, 1). В северо-западном конце выкладки врыт столб, к которому привязаны кусочки материи. Выкладка заключена в овальную в плане ограду (700×400 см) из дикого камня. С северо-запада сделан вход, который закрывается большим камнем.

По преданию, в этой могиле похоронен туркмен-ших. Информаторы по-разному называют его имя, но большинство называет его Кауджик. Могила пользуется особым почитанием, к ней часто ходят молиться местные жители туркмены-иомуты.

На кладбище по надгробным сооружениям выделяются три группы захоронений, которые занимают обособленные участки.

Вокруг главной могилы разместились погребения с надгробиями в виде двух стел (табл. XI, 1). Ориентация надгробий — по линии СЗ—ЮВ.

В восток от этих могил расположены погребения, отмеченные на поверхности оградками из кусков плитняка (табл. XI, 3). Ориентированы оградки по линии СЗ—ЮВ. Этническую принадлежность погребения местные жители не знают.

Третью и последнюю из сохранившихся группу составляют погребения туркмен-иомутов. (табл. XI, 4).

Кладбище Караэлем-ата. К востоку от Омар-ата, у северных склонов Большого Балхана, расположено кладбище Караэлем-ата. Сейчас в Караэleme живут туркмены-ходжа. Сюда они пришли «давно». Старики рассказывают, что их деды уже жили на этих местах³². До ходжинцев в Караэleme жили ата, которые после войны с текинцами ушли с Балхан³³.

Атинцы, живущие в Дарган-ата, называют это место Караймык-ата, отмечая, что Караймык-ата — то ли сын, то ли внук Гёзли-ата³⁴.

Могильник разместили в 100 м южнее аула того же названия. По кладбищу прорыт кяриз, который снабжает местных жителей водой. Четко прослеживается деление кладбища на две части: новую и старую.

На новой части кладбища хоронят иомуты и ходжа (табл. XIII, 10). Их погребения уже были рассмотрены выше. Могилы ходжинцев расположены отдельно от иомутских и образуют как бы небольшое обособленное кладбище.

Наиболее многочисленные погребения старой части могильника обозначены надгробными сооружениями в виде выкладок из больших валунов (табл. XIX, 2). Ориентация надгробий — по линии СЗ — ЮВ. Эти погребения расположены на отдельном участке, границы которого четко прослеживаются.

Вторую группу составляют погребения, обозначенные прямоугольными в плане выкладками из дикого камня (чаще валунов) (табл. XIV, 10). От надгробий предыдущей группы эти погребения отличаются несколько меньшими размерами и большей высотой. Так же, как и первая группа погребений, эта группа расположена обособленно.

В центре старой части кладбища расположен мазар, который почитается населением северо-балханской степи. Мазар представляет собой прямоугольный участок 30×20 м, огороженный стеной из дикого камня. Высота стены от 80 до 120 см. При устройстве стены мазара использовались надгробия-пирамидки. По территории мазара прорыт кяриз. Один из колодцев перекрывает юго-восточную часть главной могилы. Кяриз расчищен туркменами-ходжа. В мазаре несколько погребений. Надгробное сооружение главного погребения сохранилось частично. Раньше оно выглядело, очевидно, так же, как и почитаемые мазары на других кладбищах — вытянутая с СЗ на ЮВ беспорядочная куча камней. В северо-западном конце выкладки врыт столб, к которому привязаны кусочки тканей. У столба, внизу, положен жертвенник-камень с квадратным углублением (табл. XIII, 3), в которое богомольцы кладут кусочки хлеба, конфеты, сахар и т. п. Ориентация выкладки осуществлена по линии СЗ — ЮВ.

Наиболее многочисленные из сохранившихся на своих местах в мазаре надгробий — ферты (табл. XIX, 7). Жители аула Караэлем-ата считают погребения с фертами атинскими. Ориентация погребений с фертами осуществлена по линии СЗ — ЮВ.

Кроме погребений с фертами в мазаре есть погребения с надгробиями-выкладками (табл. XIX, 13), на которых установлены необрабо-

³² Полевые записи ТАЭЭ за 1960 г. (№ 4).

³³ Там же.

³⁴ Полевые записи ТАЭЭ за 1962 г. (№ 20).

таные каменные стелы. Внутри мазара довольно много пирамидок, но они разбросаны в беспорядке и в двух случаях (как и в Кодже) служат подпорками для фертов. Очевидно, эти надгробия (пирамидки) были перенесены в мазар со своих мест. При частичной расчистке мазара из-под земли были извлечены три пирамидки. На одной из них сделаны рисунки и надпись (табл. XII, 14). По аналогии с другими кладбищами первоначальным местом пирамидок могла быть часть прямоугольных высоких выкладок.

Несомненно представляет интерес факт прохождения кяриза по кладбищу. В настоящее время не совсем ясна история его постройки. Удалось установить, что современные жители только расчистили его. Одни информаторы говорят, что он построен туркменами-ходжа давно, но другим сведениям строители кяриза неизвестны. Так или иначе, люди, строившие кяриз, не имели никакого отношения к центральному мазару и, следовательно, к тем погребениям, которые расположены в нем. Если предположить, что кяриз строили туркмены-ходжа, то сомнительна атинская принадлежность погребений с фертами в мазаре, поскольку ходжа, сменив в этих местах атинцев, вряд ли стал бы разрушать святыню. Могилы атинцев, как и других «овляд», пользуются особым почитанием.

Возможна и другая версия, что кяриз был построен атинцами по существующему кладбищу, «хозяев» которого атинцы не знали. Возможно и то, что могила центрального мазара была по каким-то причинам сооружена около колодца кязира. Но это мало вероятно. В таком случае следует признать, что до атинцев здесь жили другие группы, которые оставили центральный мазар. Но и это население не было самым первым из тех, которые оставило могилы.

При строительстве ограды мазара были использованы пирамидки, которые уже были на кладбище.

Кладбище Дана-ата. На северном склоне хребта Секиз-дага (восточные отроги Большого Балхана), в 8 км к югу от Аджикуи у источников Дана-ата находится один из самых больших средневековых могильников предгорий.

Основная часть (западная) кладбища расположена на гребне складки в 150 м на юго-запад от родников и занимает площадь, протянувшуюся с севера на юг на 300 м и с востока на запад на 100—150 м. Другая — меньшая (восточная) часть расположена в 100 м к югу от родников. Первая отделена от второй неглубокой седловиной. Рядом с родниками растет большой «священный» карагач. К его веткам привязаны куски материи, сухие его сучья не используются на топливо.

На западной части кладбища расположено 5 мазаров — квадратных в плане (400×400 см) сооружений, которые вытянулись цепочкой по гребню складки. Самый большой — мазар № 2 (табл. XIII, 2, 14). Остальные мазары сильно разрушены и в настоящее время представляют кучи камней.

Подсчитать, хотя бы приблизительно, общее количество могил на кладбище невозможно из-за плохой сохранности надгробных сооружений и из-за очень большой плотности погребений. Подчас погребения перекрывают друг друга, особенно около мазаров. Во всяком случае, их намного больше, нежели на кладбищах Омар-ата и Караэлем-ата. Кладбище действующее. На нем сейчас хоронят своих покойников туркмены-иомуты. Новых могил довольно много. Абсолютное большинство погребений новой части кладбища отмечено земляными холмиками, обложенными кусками плитняка.

В центре новой части кладбища размещены погребения (табл. VI, 10), надгробия которых почти ничем не отличаются от надгробия главной могилы кладбища у Кяризека (Ахал). Разница заключается только в размерах. В Дана-ата и выкладки и стелы значительно больших размеров. Надгробия всех приведенных групп погребений новой части кладбища ориентированы по линии ЗСЗ — ВЮВ. На новой, как и на старой части кладбища много погребений, отмеченных двумя необработанными стелами (табл. XIV, 11).

Наиболее высокое место старой (западной) части кладбища занимают погребения, обозначенные каменными плитами с фертообразными стелами (табл. XVIII, 4). Как и на других могильниках, формы плит и наверший стел нескольких видов. Причем, тамги на надгробиях, насколько можно судить по имеющимся материалам, как правило, разные.

На одной из плит сделана пространная надпись, датирующая погребения XV в. По мнению Ю. Э. Брегеля, надпись сделана вторично, поверх более ранней. Возможно, что здесь мы имеем дело со вторичным использованием надгробной плиты.

Всю центральную часть кладбища к северу и частично к югу от мазара № 2 занимают погребения с надгробиями-пирамидками. Они «оказываются» погребения предыдущей группы. В Дана-ата пирамидки встречаются нескольких видов. Но здесь не удалось проследить границы распространения отдельных групп пирамидок и взаимное чередование этих групп.

К северу от мазара № 2 размещены погребения, судя по сохранности, со сравнительно новыми пирамидками (табл. XII, 22). По торцовым сторонам надгробий некогда стояли каменные стелы. Сейчас от них остались только те части, которые были врыты в землю. Ориентация надгробий осуществлена по линии З — В. Несколько ближе к мазару № 2 расположены погребения с пирамидками, на которых сделаны рельефные изображения сабель (табл. XII, 17).

Севернее мазара размещены погребения с различными пирамидками. Довольно часто на могильнике встречаются погребения, на которых вместо пирамидок положены куски плитняка или булыжники (табл. XIX, 4). Основная масса погребений с пирамидками сгруппирована вокруг мазара № 3.

К западу от мазара № 2 расположены погребения, обозначенные надгробиями в виде массивных каменных выкладок из больших камней, скрепленных глиняным раствором. На выкладках закреплены довольно высокие каменные стелы.

Погребения последней группы старой части кладбища отмечены двумя большими каменными стелами (до 130 см высотой). Между стелами положены куски плитняка. Эти погребения располагались по всему кладбищу. В наиболее характерных экземплярах они размещены к северу от мазара № 2 вокруг мазара № 1.

Создается впечатление, что погребения с «двумя стелами» перекрывают все предыдущие могилы старой (западной) части кладбища и принадлежат населению, предшествующему туркменам-номутам. Никаких надписей и изображений на надгробиях нет. Ориентация надгробий — по линии ЗСЗ—ВЮВ.

Надгробия восточной части могильника очень однотипны. Это аккуратно сложенные выкладки из больших камней с двумя каменными стелами по торцовым сторонам (табл. XX, 1—2). Ориентация надгробий — по линии ЗСЗ — ВЮВ. «Главная» могила этой части кладбища расположена к югу-западу от основной массы погребений.

Ее надгробие почти ничем не отличается от надгробий главной могилы Гез-баша. Камни скреплены глиняным раствором, слегка подработаны. В западной части выкладки лежит камень с овальным углублением — аналогичный светильнику в Караэлем-ата. Выкладка окружена оградой из кусков плитняка. В настоящее время высота ограды колеблется от 0 до 90 см. Раньше она была несколько больше. Ориентация надгробия — по линии ЗСЗ — ВЮВ.

К сожалению, мы не располагаем никакими этнографическими материалами по кладбищу Дана-ата. Продолжение же раскопок на старой части могильника, начатых в 1959 г., было невозможно ввиду очень отрицательной реакции населения. Более того, даже посещение могильника посторонними людьми (нетуркменами) воспринималось местными жителями очень болезненно и настороженно.

Но даже по имеющемуся материалу видно, что могильник отразил по крайней мере три каких-то этапа. Первый этап связан с западной, старой частью, второй — с восточной и, наконец, третий — с современной частью могильника. Достоверно известна этническая принадлежность только одной из них — последней. Погребения на ней принадлежат туркменам-иомутам.

Судя по расположению на территории могильника погребений с различными надгробными сооружениями, можно предположить, что первыми из известных погребений на кладбищах были могилы с «двумя фертами и каменной плитой». Судя по надписи, они уже были в XV в.

Несколько необычна новая часть кладбища. В отличие от большинства других иомутских кладбищ, в Дана-ата мало фертов (всего два). В то же время много погребений с большой стелой. Хотя порядок расположения групп погребений с различными надгробиями выражен не так четко, как на других могильниках, он повторяет общую тенденцию.

Кладбище Сенграаджи. Последний, известный в настоящее время могильник, расположенный в непосредственной близости от Балханских гор, был обнаружен в окрестностях колодца Сенграаджи. В центре кладбища находится мазар. Его невысокая (20—30 см) круглая в плане ограда сложена из крупных валунов. Диаметр ограды 360 см. Внутри ограды мазара находилась могила. Невысокий могильный холмик сплошь выложен большими булыжниками, образующими овал. Надгробие было ориентировано по линии СЗ—ЮВ.

В 1957 г. это погребение было раскопано. Конструкция могильной ямы не отличалась от современной туркменской: она была с боковым подбоем, перекрытым кусками плитняка. Костяк лежал на правом боку, головой на СЗ, глазницы обращены на ЮЗ. Череп раздавлен обвалившимся куском закладки. В погребении около левой кисти была найдена ракушка.

Вокруг мазара разбросано много могил, надмогильные сооружения которых ничем не отличаются от надмогильной выкладки мазара — та же форма, тот же материал, та же ориентация; отсутствуют лишь ограды из валунов. Местное население о существовании кладбища не знало.

В заключении разбора средневековых могильников, расположенных в непосредственной близости от хребта Большого Балхана, следует отметить одно обстоятельство. Все средневековые могильники размещены с северной стороны гор и ни одного не известно к югу от хребта — по нижнему течению Узоя. Это можно объяснить, очевид-

но, тем, что до прихода в эти места туркмен-иомутов территория к югу от Балханских гор — от станции Бала-Ишем до станции Джебел — была незаселенной, во всяком случае, в позднем средневековье. Это же самое относится к Нижнему Узбою — от Актама и до кочевья Чалой. На этом участке средневековых кладбищ не обнаружено.

Маловероятно, что средневековые кладбища были засыпаны песком, так как более ранние памятники — стоянки эпохи бронзы — полностью сохранились на террасе и не были засыпаны песком. Отдельные занесенные места на поздних могильниках при ветре освобождаются от песка.

Возможно, что в послемонгольское время население было столь незначительным, что не оставило после себя заметных следов. Вероятно и то, что население не базировалось на Узбое, а жило где-то в его окрестностях. Пока это только гипотезы, которые требуют специального исследования. Но так или иначе, могильников средневекового населения Узбая мы не знаем, но вполне вероятно, что одним из них может оказаться заброшенное кладбище у Сенграаджи.

В непосредственной близости от Узбая было найдено всего два кладбища.

Кладбище Чалой. Могильник у колодцев Чалой расположен на высокой левобережной террасе Узбая в 350 м северо-западнее кочевья. Центральная часть кладбища занесена песком, но погребения просматриваются довольно четко.

По расположению на местности кладбище делится на три части: восточную, южную и западную. В восточной части расположено пять круглых в плане мазаров (табл. XIX, 11). Стенки мазаров сделаны из глины с примесью травы.

Отдельно на юге расположена группа из семи мазаров, по конструкции и размерам аналогичная первой. По торцовым сторонам могил с холмиками поставлены ферты и каменные стелы; ферты с западной стороны, стелы — с восточной. Ориентация могильных холмиков в обеих группах мазаров осуществлена по оси ЗСЗ—ВЮВ. В южной части кладбища большинство могил с надгробными сооружениями в виде фертов (табл. IX, 2).

На многих могилах вместе с фертами находятся стелы, рога арха и палки-рогатульки. Стелы, как правило, необработанные продолговатые камни. На двух могилах вместо стел поставлены жернова.

Преобладают могилы 1930—1940 гг. Из надписей видно, что при выборе места для могилы руководствовались правилом — хоронить родственников рядом. Особо наглядно это видно на примере семьи Кораш. Могилы этой семьи расположены очень компактной группой. Ориентация надгробных сооружений осуществлена по линии ЗСЗ—ВЮВ.

В западной части кладбища погребения отмечены только земляными могильными холмиками.

Второе кладбище расположено у кочевья Дуюнчи. Оно небольшое — всего 12 могил. Кладбище действующее. Надгробные сооружения — могильные холмики с фертами и палками.

Кладбище Гезли-ата. Наиболее почитаемым в настоящее время кладбищем Северо-Западной Туркмении является могильник Гезли-ата, который находится в 600 м южнее кочевья того же названия. Кладбище действующее. Большинство новых могил иомутские, но есть и казахские погребения.

В центре могильника расположено два мазара. По преданию, бытующему у туркмен-иомутов, в одном мазаре (юго-западном) похоронен Гезли-ата, а во втором (северо-восточном) — его жена. Кроме того, что Гезли-ата «очень святой» человек, информаторы ничего не знают.

Туркмены-ата Дарганатинского района называют Гезли-ата родоначальником всех атинцев. По преданию, настоящее имя Гезли-ата было Эссен-ата, Гезли-ата — его прозвище. Это прозвище якобы он получил от Ходжи Ахмеда Ясави за то, что увидел, куда тот закинул свою палку³⁵. Далее легенда повествует о том, что Гезли-ата женился на дочери казаха и у них родились три сына — Нур-ата, Омар-ата и Убак-ата. Эти сыновья дали названиям трем большим подразделениям атинцев.

Самое раннее упоминание о потомках Гези-ата содержится в документах XVI в., хранящихся в архивах Куна³⁶. Абу-л-Гази один раз упоминает об Ата, сыне Тимура и праправнучке Огуза³⁷. Впервые об атищах, как народе, упоминает Н. Н. Муравьев, указывая места их расселения на колодцах Туэр, в непосредственной близости от колодцев Гезли-ата³⁸.

Мазар Гезли-ата, как и его жены — большая вытянутая с северо-запада на юго-восток куча камней, размером 10×3,5 м. В северо-западной торцовой стороне воткнуты два бревна (табл. XIII, 6). К бревнам привязано множество кусков материи. Эта куча камней огорожена прямоугольной в плане оградой из дикого камня. Местами высота ограды достигает 120—130 см. Камни ничем не скреплены. При строительстве ограды использовались надгробия — ферты. Современная ограда могилы Гезли-ата была сложена, очевидно, недавно, так как на ферте, вложенном в стену, стоит дата 1920 г.

Весьма сомнительна «святость» жены Гезли-ата. Ни в одном предании, бытующем у атинцев и других групп туркмен, жена Гезли-ата не пользуется славой — «святой». Точный ответ на этот вопрос можно будет получить только после проведения раскопок, которые на кладбище в ближайшие годы невозможны.

С юго-востока и запада кладбище ограничено сухим руслом протока. Это обстоятельство объясняет большую плотность погребений на могильнике и использование старых частей кладбища под новые могилы. С северной стороны могильника расположена так называемая мечеть и аул, которые не позволяют кладбищу расти на север. Мечеть Гезли-ата по внешнему виду почти не отличается от аналогичных сооружений Коджа, Парау и Пакир-Шиха. Она служит больше для приготовления ритуальной пищи, нежели для молитв. В 800 м западнее аула сохранились развалины какого-то здания с купольным покрытием. Материалом для здания служил жженный кирпич размером 24×24×4 см. и мелкий булыжник. Скрепляющим материалом служила глина. Местное население ничего определенного об этих развалинах не знает.

По типам надгробных сооружений кладбище Гезли-ата стоит в одном ряду с большинством могильников северо-балханской степи. Однако по разнообразию форм отдельных типов надгробных сооружений

³⁵ Полевые записи ТАЭЭ за 1962 г. (№ 24).

³⁶ Об этом любезно сообщил Ю. Э. Брегель.

³⁷ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. ИОАЭ. т. XXI. вып. 5—6, 1906; т. XXII, вып. 6, 1914, стр. 70.

³⁸ Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., М., 1822, стр. 69.

оно занимает исключительное положение. Кроме того, расположение погребений с разными надгробными памятниками относительно друг друга на данном могильнике прослеживается очень хорошо (табл. XIII, 13).

Могильник четко делится на две части — новую (южную), принадлежащую туркменам-иомутам, и старую (северную), которую оставило доиомутское население. Новой части кладбища, судя по рассказам старожилов, насчитывается около 200 лет, т. е. столько, сколько лет здесь живут иомуты³⁹.

Внешне новая часть могильника ничем не отличается от других современных иомутских кладбищ. Первую группу составляют погребения с каменными фертами (табл. X, 2). Примечательно, что почти каждой форме фертов соответствует та или иная тамга (табл. X). Погребения с одинаковыми фертами и одинаковыми тамгами создают на кладбище отдельные группы, правда, не всегда четко ограниченные. В эту же группу включены и погребения с надгробиями (табл. X, 2), отличающимися по форме от фертов, что обусловлено той же племенной принадлежностью, что и ферты; это надгробия туркмен-иомутов. Ориентация плоских сторон фертов осуществлена по линии СЗ—ЮВ.

Несколько особняком от погребений с фертами расположены могилы, отмеченные слегка подработанными каменными стелами (табл. XIII, 4). На столах выбиты тамги и на одной сделан светильник. В большинстве случаев тамга повторяется. На некоторых стелах сделаны надписи. Эти погребения принадлежат также иомутам. Большинство могил на кладбище отмечено могильными холмиками с палками по торцовым сторонам. Иногда могильные холмики выложены по всей площади кусками плитняка. Ориентация новых погребений на могильнике, судя по надгробным сооружениям, не выходит из общих рамок.

Центральную часть могильника, где расположены почитаемые мазары, занимают погребения, обозначенные каменными плитами с двумя фертами (табл. XXV, 31). Сохранность этих надгробий очень плохая. В первоначальном виде не сохранилось ни одного надгробия этого типа. Надгробия этой группы не всегда обработаны. На могильнике зафиксировано три погребения, где вместо стел поставлены необработанные камни, между которыми положены по большому куску слегка подработанный известняк.

С севера, северо-запада и востока вышеприведенные погребения окружают могилы с надгробиями в виде самых разнообразных пирамидок (табл. XII). По количеству они занимают первое место на могильнике. По формам пирамидок кладбище Гезли-ата одно из самых разнообразных во всех обследованных районах. При этом следует учитывать, что очень много пирамидок сильно разрушены и восстановить их форму невозможно.

Ближе всего к центральным мазарам расположены погребения, обозначенные пирамидами с прямоугольными нишами и ключевидными выступами на верхних плоскостях (табл. XXV, 23). Материалом для большинства из них служит ракушечник и только некоторые сделаны из известняка. Ориентация памятников осуществлена по линии СЗ—ЮВ.

³⁹ Полевые записи ТАЭЭ за 1957—1959 гг.; А. Оразов. Прибалханские туркмены в конце XIX — начале XX в. (рукопись кандидатской диссертации). М., 1961; его же. Расселение и этнический состав прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в. «Вест. Моск. ун-та», серия историческая, 1961, № 6.

Следующую более отдаленную от центра мазара группу составляют погребения, отмеченные «рогатыми пирамидками» (табл. XXV, 28). Они расположены вперемежку с захоронениями, над которыми установлены пирамидки с плоскими навершиями (табл. XXV, 16). Незначительная часть пирамидок с плоским навершием имеет светильники.

Наиболее многочисленны на могильнике Гезли-ата погребения с пирамидками типа «двускатная крыша» (табл. XIX, 1). Сохранность их неодинакова. Большинство сделаны из мягкого камня и разрушены. Некоторые памятники, высеченные из ракушечника, сохранились очень хорошо. Также хорошо сохранились необработанные каменные стелы по торцам надгробий.

На кладбище много погребений, обозначенных пирамидками с свальными навершиями (табл. XII, 10). Примечательно, что, как и на других могильниках, на Гезли-ата эти пирамидки установлены на высоких каменных выкладках. Из «нестандартных» пирамидок привлекают внимание конусообразные надгробия небльших размеров (табл. XX, 18). На Гезли-ата зафиксировано только одно погребение с пирамидкой, в основании которой сделаны стрельчатые ниши. Рассматриваемая группа погребений с надгробиями-пирамидками всех форм, судя по надгробиям, строго выдерживает ориентацию по оси ЗСЗ—ВЮВ. Это тем более примечательно, что на кладбище Гезли-ата пирамидки более разнообразны, чем на других могильниках.

На могильнике много погребений, обозначенных массивными выкладками из подработанных камней. На выкладках укреплены большие плоские камни (табл. XIX, 13). В Гезли-ата эти погребения среди могил с пирамидками. Ориентированы эти надгробные сооружения по линии СЗ—ЮВ.

Между погребений с пирамидками много могил, отмеченных высокими выкладками из дикого камня (табл. XIII, 9; XIV, 9). Ориентированы выкладки длинной осью по линии ЗСЗ—ВЮВ. Не исключена возможность, что надгробия в виде камней на высоких выкладках являются одним из примитивных вариантов пирамидок.

В стороне от главных мазаров разместились погребения с надгробиями типа «ящичков». Обращает на себя внимание фигурная «крышка» одного из ящичков (табл. XIV, 3). Фертообразные стелы при них по форме мало отличаются от стел тех погребений, которые занимают центральную часть могильника.

Без расчистки прослеживаются четыре погребения с такими надгробиями. Они заключены в прямоугольную ограду, сложенную из больших камней. Вход в ограду находится с северо-западной стороны и отмечен двумя прямоугольными высокими камнями.

В 25—30 м к западу от этого мазара есть несколько погребений, которые можно по форме их стел отнести к этой же группе (табл. XIV, 2), но из-под песка видны только стелы. Что находится ниже — «ящик» или «плита», можно будет сказать только после зачистки. Никаким особым почитанием этот мазар у местного населения не пользуется.

В итоге разбора кладбища Гезли-ата видно, что, несмотря на принадлежность позднего населения колодцев к одной группе туркменомутов и на одновременность погребений, надгробные сооружения новой части различаются между собой. Внутри группы фертов выделяются подгруппы по форме памятников, которые соответствуют племенным подразделениям. Могилы каждого из этих подразделений расположены отдельными группами. Кроме погребений, отмеченных фертами, иомутам принадлежат могилы, обозначенные овальными и круг-

лыми в плане оградками и земляными холмиками с палками-рогатульками.

На старой части кладбища погребения отмечены теми же типами надгробий, что на большинстве других могильников Балхан.

Могильник у аула Кошоба.

В 30 км к юго-западу от Гезли-ата у аула Кошоба находится один из наиболее крупных туркменских средневековых могильников.

Сейчас в ауле живут казахи, которые здесь поселились лет 50--60 тому назад. Все опрошенные информаторы-казахи (туркмен в ауле нет) единодушно утверждают, что кладбище существовало до их прихода и принадлежит туркменам.

Кладбище расположено на высоком обрывистом берегу высохшего озера, в котором еще в начале XIX в. была вода⁴⁰. Восточная часть могильника размещена несколько выше западной. Общее число могил определить трудно, так как много надмогильных сооружений разрушено. Но во всяком случае оно намного переваливает за тысячу. Только на западной половине («нижнее кладбище») сейчас насчитывается около 500 погребений. Письменные источники об этом месте, в его современном названии, ничего не сообщают.

Пожалуй, единственное упоминание об этом месте есть у Муравьева, когда он описывает начальный этап своего путешествия. «Близ привала нашего отделялась налево вдоль озера дорога, ведущая на Мангышлак, при соединении сих дорог (на Хиву и на Мангышлак. — С. П.) находится большое кладбище, надгробные камни такого жерода как и в Сюйли. По словам жителей, памятники сии поставлены в честь Иомутов, убиенных на сим месте во время нападений киргиз Койсаков или, как они говорят, «кыргыз Казахов»⁴¹. В окрестностях Сюйли есть только один могильник с аналогичными надгробиями — Кошоба; кроме этого от Кошобы до перевала через горы Эрсари-баба, как отмечает Н. Н. Муравьев⁴², как раз 30 верст и, наконец, кладбище Кошоба расположено на берегу высохшего озера.

Надгробия, которые называли Н. Н. Муравьеву иомутскими, были ферты. На кошобинском кладбище они размещены в северо-восточном углу. По форме они не отличаются от других иомутских надгробий. Места погребений огорожены большими валунами (табл. IX, 1) и сзади некоторых фертов сделаны выкладки из дикого камня.

На большинстве фертов выбиты тамги и сделаны надписи. Сохранность надписей очень плохая.

В 1960 г. было исследовано 4 погребальных сооружения в двух сградах. Ни под одним камнем не было обнаружено ни могильной ямы, ни погребения. Надмогильные сооружения были ориентированы по линии СЗ—ЮВ.

С северо-запада к «погребениям» с фертами примыкают новые казахские могилы, которые устраиваются прямо на средневековом кладбище. Для строительства своих надгробий казахи берут камень с туркменских могил. Современных туркменских могил на кладбище в Кошобе нет.

Могильник Кошоба отличается от большинства туркменских средневековых кладбищ расположением «главных» мазаров. Если в абсолютном большинстве случаев почитаемые ныне «главные» мазары расположены в центре кладбища, то в Кошобе они помещаются на западном краю нижнего (западного) кладбища. Надгробие почитаемой

⁴⁰ Н. Н. Муравьев. Ук. соч., ч. 1, стр. 67.

⁴¹ Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. I. М., 1822, стр. 67.

⁴² Там же.

могилы (мазар № 1) (табл. XIII, 7) представляет собой длинную кучу, состоящую из камней, обожженного кирпича (размеры его $21 \times 21 \times 5$ см) и остатков сильно разрушенных пирамидок и фертообразных стел. Длина выкладки — 11 м, ширина — 2 м, высота — 30—40 см. Ориентация надгробия — по линии СЗ—ЮВ. В северо-западной части выкладки между камнями укреплен деревянный столб, к которому привязаны кусочки материи.

Другой мазар (№ 2), или, как его называют казахи, «медрессе», находится на восточном краю нижнего кладбища (табл. XIV, 7). В отличие от первого этот мазар местным населением не почитается. Сложен он из жженого кирпича (размеры его $21 \times 21 \times 5$ см), скрепленного глиняным раствором. Верхняя часть строения разрушена. Наружная штукатурка сохранилась только внизу стен. Изнутри стенки мазара оштукатурены. Существующая штукатурка вторичная. Под ней ганчевая, более ровная и лучшего качества. На внутренней стороне стен процарапано много рисунков животных (табл. XIV, 8) и вырублены тамги (табл. XIV, 8). На обвалившемся перекрытии поставлена многоступенчатая пирамидка.

В юго-западной части кладбища прослеживаются остатки еще двух мазаров (№ 3 и 4), представляющих собой прямоугольные в плане участки земли, огороженные невысокими стенами из хорошо обработанных камней. В мазаре № 3 прослеживаются 9 погребений. На 4-х могилах сохранились остатки пирамид; 3 погребения отмечены двумя стелами. Первоначальный вид надгробий остальных двух погребений определить не удастся, так как они полностью разрушены и на их месте остались лишь кучи битого камня. Так же выглядит и мазар № 4. Он отличается от мазара № 3 только тем, что там прослеживаются остатки сильно разрушенных надгробий 7 погребений. Форму надгробий определить нельзя.

Центр западной части кладбища занимают погребения, отмеченные надгробиями типа «каменная плита» (табл. XVIII, 6). В Кошобе плиты лежат на каменных выкладках. По способу установки «плиты» Кошобы ближе к надгробиям типа «пирамидок».

Стелы около плит сохранились только на одной могиле. В остальных случаях они разбиты и о их существовании, в лучшем случае, говорят те части, которые были врыты в землю. Почти на всех плитах сделаны светильники. На одной плите сделана надпись, но она плохо сохранилась. На тех частях плит, которые лежат на поверхности, изображений тамг нет.

Остальные «плиты» в Кошобе трудно отделить от надгробий типа «пирамидок». Их можно отнести как к «плитам», так и к «пирамидкам».

Могилы с надгробиями-пирамидками составляют несколько меньше половины всех погребений западной части кладбища. Как и на могильнике Гезли-ата часть пирамидок сделана из белого камня, часть из ракушечника. Большинство первых разрушилось под действием природных условий, другие — не без участия местных жителей, которые используют их, как отмечалось, для устройства своих захоронений. Пирамидки из ракушечника сохранились значительно лучше. Формы их также разнообразны, как и на других могильниках. В данном случае, чтобы избежать повторения, целесообразно лишь их перечислить, отмечая характерные особенности.

В центре кладбища, в непосредственной близости от плит, размещены могилы с прямоугольными пирамидками, на верхних плоскостях которых сделаны ключевидные выступы.

Очень значительную по количеству группу составляют погребения, над которыми установлены пирамидки с прямоугольными навершиями (табл. XII, 3, 19). Внутри этой группы по величине наверший и количеству ступенек выделяются три вида.

Первый — пирамидка с плоским основанием и довольно высоким навершием (табл. XII, 19); второй — многоступенчатые пирамидки с небольшим навершием на высоком основании (табл. XII, 3); третий — пирамидки со ступенчатыми основаниями и большими навершиями. На кошобинском кладбище пирамидки с плоскими навершиями редко имеют светильник. Ни тагм, ни надписей обнаружить на них не удалось.

Погребений с пирамидками, имеющими навершие в виде двускатной крыши (табл. XII, 27), на этом могильнике сравнительно немного. Они, как и предыдущие, установлены на выкладках из хорошо обработанных камней и ориентированы по линии СЗ—ЮВ. Следует отметить, что под некоторыми пирамидками выкладки по размерам значительно больше, нежели те, которые можно наблюдать на других могильниках. Это их очень сближает с пирамидками, которые имеют овальные навершия (табл. XII, 16).

Последние представлены самыми разнообразными формами, которые не повторяются. Отличительной чертой этого вида пирамидок является обилие надписей, которые в большинстве случаев сохранились фрагментарно. Много пирамидок установлено на больших выкладках из подработанных камней. Стелы, стоящие по торцовым сторонам, в отличие от выкладок, не носят на себе следов обработки. Больше всего таких надгробий размещено в восточной части кладбища.

На могильнике близ Кошобы выделяется еще одна группа пирамидок, которые очень редко встречаются в других местах (табл. XXV, 7). Погребения с такими надгробными камнями сгруппированы на самом краю кладбища, вокруг кирпичного мазара-«медрессе».

Разбираемый могильник примечателен тем, что на нем труднее, чем на каком-либо другом, провести границу между отдельными видами пирамидок. Переходные формы от одной группы к другой весьма многочисленны; например, от пирамидок к другим надгробиям, в частности к фертам (табл. XXV, 4). Эти надмогильные сооружения, кроме Кошобы, известны только в Кодже.

Конструкция могильной ямы под фертом-пирамидкой была иной. Погребальная щель отсутствовала, и ее заменил подбой в юго-западной стенке ямы. Дно подбоя было на 20 см ниже «стола». Положение костяка также отличается от предыдущих погребений. Он лежал на правом боку, головой на северо-запад. Ориентация могильной ямы была осуществлена по линии СЗ—ЮВ.

К сожалению, краниологический материал из Кошобы не был получен. Кости оказались очень плохой сохранности, что объясняется хорошим фильтрующим свойством почвы.

На восточной части кладбища, в ее северо-западном углу, есть подземный склеп, который одной своей стороной выходит к обрыву (табл. XV, 5). Стенки склепа выложены из белого мягкого камня. С северо-западной стороны склепа сделан вход, который завален снаружи. Потолок склепа сводчатый. В центре свода сделано отверстие, которое заложено сверху камнем. Местное население о назначении склепа ничего не знает. Внутри склепа находятся сваленные в кучу камни.

Очень много на кладбище погребений, отмеченных двумя необработанными стелами, поставленными по торцовым сторонам могилы

(табл. XIV, 11). Довольно часто между стелами без видимого порядка набросаны камни и жженный кирпич размером 21×21×5 см. Очевидно, к этой же группе погребений следует отнести и могилы, обозначенные овальными в плане выкладками и овальными же в плане оградками из дикого камня. По торцовым сторонам выкладок и оградок часто стоят необработанные камни-стелы (табл. XXIV, 16). Причем, на стелах часто выбита тамга-крест (табл. XIV, 8), как и на стенах кирпичного мазара. Могилы со всеми этими надгробиями разбросаны по всему кладбищу. В отдельных местах они образуют скопления, которые хорошо прослеживаются на плане западной части могильника. На восточной половине кладбища таких скоплений проследить не удастся. Там погребения со стелами расположены попеременно с могилами, отмеченными пирамидками. Ориентация надгробий — по линии СЗ—ЮВ.

На кладбище зафиксировано около 100 погребений, обозначенных круглой в плане оградой (табл. XXIV, 15). Ограды сделаны или из кусков плитняка, поставленных на ребро, или из больших валунов. Внутри оградок прослеживаются остатки могильных холмиков. По торцовым сторонам холмиков иногда поставлены необработанные стелы. Часто стелы являются составной частью ограды, тогда они несколько выше других камней (табл. XXIV, 16).

Могильные холмики ориентированы по линии СЗ—ЮВ с некоторым отклонением к линии З—В.

Наряду со сходством с другими могильниками как по типам намогильных сооружений, так и по их расположению относительно друг друга, кладбище у Кошобы имеет и существенные от них отличия.

Прежде всего, это относится к возрасту и местонахождению всех мазаров, в том числе и почитаемого. Они расположены по краю могильника, в то время как на остальных могильниках «главные» могилы располагаются в центре (кладбища Гезли-ата, Дана-ата, Омар-ата, Кодж, Пакир-ших и др.). Кроме этого, на всех вышеописанных кладбищах центральные мазары, судя по их расположению, были или древнее погребений с «плитами» и «пирамидками» или синхронными им. В Кошобе, судя по расположению и по материалу, из которого сложено надгробие почитаемого мазара (кирпич, остатки пирамидок), он не мог быть сооружен раньше «мазара-медрессы» и погребений с пирамидками.

Трудно сейчас сказать, в какой связи находятся погребения с пирамидками и «мазар-медрессы» — самое северное кирпичное здание в западной Туркмении. Можно лишь констатировать, что погребения, обозначенные пирамидками со стрельчатыми нишами (табл. XXV, 7), появились после мазара, так как они расположены вокруг него.

Погребения, отмеченные «двумя стелами», очевидно, появились на кладбище позднее мазара. Тамги, выбитые на вторичной его штукатурке, те же, что и на стелах.

К сожалению, прямых аналогий кошобинскому мазару пока не удалось найти, а, следовательно, не удалось и датировать это сооружение⁴³.

Отличительной чертой могильника Кошоба является также отсутствие погребений с надгробиями в виде каменных ящиков.

Кладбище Калак-теле. Это кладбище, на котором тоже есть могилы с надгробиями типа каменных ящиков, расположено в 1 км к юго-

⁴³ Есть очень отдаленное сходство в оформлении фасада кошобинского мазара и аналогичных памятников XVI в. Ахальского оазиса. Однако это сходство настолько спорно, что датировать кошобинский мазар по ахальским постройкам вряд ли правильно.

западу от аула Кошоба на краю того же обрыва. Местное население называет это место Калак-теле. Кладбище небольшое: немногим более десятка современных казахских могил и около 20 старых, относящихся ко времени до прихода казахов.

Ближе других погребений к краю обрыва расположено «святое место» — три погребения, два из которых заключены в прямоугольную в плане ограду, а третье расположено на краю обрыва, перед северо-западной стенкой ограды.

Погребение № 1 отмечено двумя стелами, между которыми на плоском камне положено «каменное корыто». Погребение № 2 отмечено только двумя стелами.

Надгробие могилы «святого» — вытянутая по линии СЗ—ЮВ куча камня. В северо-западном конце камнями закреплены четыре палки. Между стенкой ограды и надгробием почитаемой могилы свалены в кучу 25 верблюжьих черепов.

В непосредственной близости от «святого места» расположены погребения, надгробиями которым служат каменные ящики (табл. XXV, 34). Надгробия сильно разрушены. Погребения расположены параллельно друг другу, двумя рядами по четыре в ряд. Около одного погребения сохранилась фертообразная каменная стела. Остальные могилы обозначены каменными необработанными стелами и небольшими овальными оградками.

Кладбища, расположенные на северных окраинах Чильмамедкумов, представляют собой интерес по той причине, что этот район считается прародиной одной из крупнейших групп туркмен-текинцев. Иомуты — современное население этой области — хорошо помнят, что до них здесь жили текинцы. Некоторые информаторы рассказывают, что текинцы здесь жили вместе с иомутами. По тем же сведениям большинство ныне существующих колодцев вырыто текинцами. Места, расположенные вокруг колодцев Геок-дере и Орфа, старожилы связывают с сарыками.

Кладбища Чанлы-ой. Около аула Геок-дере (старое текинское название Чанлы-ой) расположено два кладбища — восточное и западное. Могильники разделены значительной (до 100 м в ширину) впадиной, где собираются талые и дождевые воды и где сделаны колодцы.

Западное кладбище меньших размеров. Оно заброшено. Информаторы не знают, кому принадлежат могилы. Надгробия очень однотипны. Это — прямоугольные, врытые в землю «ящики», сложенные из целых кусков плитняка (табл. XXV, 35). Ориентация части надгробий — по линии В—З. Значительное число надгробий ориентировано по линии СЗ—ЮВ. На кладбище расположено три мазара — квадратные в плане участки земли (размером 360×360 см.), огороженные невысокой (до 30 см) стеной из плитняка. Внутри оградок прослеживаются остатки надгробий. В мазаре № 3 на одной из могил лежал обожженный кирпич (21×21×4 см). Старики сообщили, что кирпич лежит на кладбище давно и кто его принес — не знают. Таких кирпичей поблизости нигде нет. Этому сообщению следует верить, так как несматра на то, что иомуты не имеют никакого отношения к кладбищу, они относятся к нему с почтением. Камень из надгробий не растаскивается и даже скот гоняют на пастбище стороной, так что вряд ли кто-нибудь из них положил посторонний предмет на могилу.

Восточное кладбище — действующее. Иомутские могилы обозначены фертами и могильными холмиками с палками или камнями по торцовым сторонам. Ориентация могильных холмиков — по оси СЗ—ЮВ. Все ферты сделаны из белого мягкого камня.

Центральную часть кладбища занимают три мазара, отличающиеся от мазаров западного кладбища только большими размерами. Вокруг мазаров прослеживаются погребения, отмеченные такими же, как и на западном кладбище, «ящичками». Здесь эти надгробия сохранились значительно хуже. Несколько в стороне размещены погребения с надгробиями «каменная плита с двумя фертами» (табл. XIV, 5, 6). Одно надгробие этой группы замечательно тем, что на фертообразной стеле сделана надпись (табл. XIV, 5). Это пока единственный случай, когда надпись помещена на ферте, а не на плите. Надпись очень плохой сохранности, как впрочем и все эти надгробия, сделанные из мягкого белого камня. В большинстве случаев форму плит нельзя восстановить. Ориентация надгробий колеблется от линии З—В до линии СЗ—ЮВ.

В северо-западной стороне кладбища сгруппированы могилы, обозначенные прямоугольными выкладками из кусков плитняка (табл. XIX, 9). Эти выкладки только качеством камня отличаются от кошкбинских. Вместо пирамидок на них положены прямоугольные бруски плитняка. Эти надгробия очень напоминают надмогильное сооружение на кладбище Омар-ата (табл. XIX, 8). Чем вызвана замена пирамидок прямоугольными камнями, сказать трудно. Отсутствием нужного материала во всяком случае ее не объяснишь, так как плиты и ферты сделаны из мягкого камня, который в достаточном количестве имеется рядом.

Может быть эту замену следует объяснить отсутствием навыков в обработке камня. Население, оставившее эти могилы, копировало какие-то, очевидно, традиционные формы исходя из собственных возможностей обработки камня. Не исключена возможность, что эти надгробия оставила какая-то пришлая группа, влившаяся в основную массу местного населения и воспринявшая элементы культуры аборигенов. Ориентация надгробий выкладок — по линии СЗ—ЮВ.

На восточном кладбище много могил, обозначенных двумя плоскими кусками плитняка, врытых по торцовым сторонам могильной ямы. Следов могильных холмиков нет. Ориентация длинных осей надгробий — по линиям СЗ—ЮВ и ЗСЗ—ВЮВ.

К сожалению, не удалось установить, какие могилы принадлежат текницам. Современные жители единодушно утверждают, что в те времена, когда их предки пришли в Геок-дере, здесь были все могилы, кроме номутских, которые отмечены фертами. Следует также отметить, что на кладбище Геок-дере нет «овлия», почитаемого мазара какого-нибудь «святого».

Кладбище Кемаль-ата. Наиболее почитаемый мазар в этой местности расположен у соленого в настоящее время источника и колодцев Кемаль-ата, названных так, как рассказывают жители, по имени человека из рода ата — некоего Кемалая.

Могила Кемаль-ата (табл. XIII, 8) помещается в центре кладбища. Ее надгробие представляет собой высокую, до 120 см, выкладку из мелкого булыжника, местами скрепленного глиняным раствором. Размеры выкладки — 420×200 см. Ориентировано надгробие по линии СЗ—ЮВ. В северо-западной части ее положено много рогов архара.

К югу от почитаемой могилы находятся погребения, обозначенные «каменными ящичками», сложенными из больших кусков плитняка (табл. XXV, 35). Часть этих погребений помещается в двух мазарах — огражденных участках земли размером 8×8 м. Количество могил в мазарах из-за плохой сохранности надгробий определить не удастся. Один ящик (вне мазаров) сделан из подработанных камней и на его стеле выбиты тамги.

Между погребениями с «ящиками» разбросаны могилы, отмеченные двумя необработанными стелами.

На кладбище много надгробий-пирамидок, которые в целом не дают новых форм. Это все то же, что и на других могильниках. На одной пирамидке сохранилась надпись. Большинство памятников этой группы разрушено. Особенно пострадали высокие, сложенные из плит ящики, на которых были установлены пирамидки. Ориентация надгробий — по линии СЗ—ВЮВ.

Отдельную группу составляют погребения, надгробиями которым служат овальные в плане оградки из вертикально поставленных кусков плитняка (табл. XXIV, 16). Часть из них ориентирована по линии СЗ—ЮВ, часть — по линии ЗСЗ—ВЮВ.

Могилы с похожими сооружениями есть в юго-западной части могильника. Отличие состоит в том, что по торцовым сторонам оградок — овалов поставлены камни-стелы, более высокие, чем ограды. Эти могилы сравнительно недавние и по сведениям сотрудника сектора археологии ИИАиЭ АН СССР Х. Юсупова могут принадлежать иомутам.

Другая часть иомутских могил отмечена фертми из мягкого белого камня.

В заключение следует упомянуть о двух могилах, расположенных в центре площади, занимаемой погребениями с «каменными ящиками». Их надгробия почти полностью разрушены и представляют в настоящее время беспорядочно набросанные кучи камней. Судя по их расположению — в самом центре могильника — можно предположить, что эти могилы являются наиболее старыми и в них захоронены «основатели» кладбища.

По рассказам местных жителей, к северу от Кемаль-ата и Геок-дере есть большие заброшенные кладбища. На этих кладбищах есть «всякие камни» и надписи. Особо отмечают кладбище у Шехетли-бурун (недалеко от кочевья Алтыгурука), где якобы есть надпись «Здесь были сарыки, нас побили калмыки».

К юго-западу от колодцев Кемаль-ата, у колодцев Орфа, житель аула Геок-дере Бабанияз в 1946—1947 гг. нашел кладбище. По его рассказам, на одном из надгробных камней он прочитал надпись, которая гласила, что здесь покоится человек из племени «без-оглы», которое является подразделением «народа имир». На другом камне была надпись: «Разноцветные бараны и верблюды страдают без хозяина, а я страдаю без сабли»⁴⁴.

Некрополь Удек. К югу от кочевья Орфа, у ныне соленого колодца Удек в 1960 г. был найден заброшенный могильник, состоящий из трех кладбищ. Туркмены-иомуты, живущие в аулах Орфа и Аккуи, знали только о существовании двух кладбищ (Удек II и Удек III). О кладбище Удек I они не знали. Район вокруг колодца Удек заселен был еще с эпохи бронзы. До наших дней сохранились многочисленные погребения того времени. Часть из них была раскопана А. А. Марущенко в 1961 г. Все они оказались ограбленными. Вокруг колодца, особенно к югу и юго-востоку от него, расположено много земляных курганов с каменными поясами. Около одного из них (№ 1) в 1960 г. была найдена каменная баба. Это пока единственный памятник подобного рода с территории Туркмении. В 1961 г. А. А. Марущенко этот курган раскопал. Он был полностью ограблен, очевидно, в позднем средневековье.

⁴⁴ Оба эти кладбища расположены, по сведениям информатора, в недоступных для автотранспорта местах и побывать на них пока не удалось.

О населении, предшествующем иомутам, в этих местах ничего неизвестно. На Удеке сейчас жителей нет.

Кладбище Удек I находится на невысоком берегу оврага, по дну которого проходит русло силевого потока, идущего с предгорий Большого Балхана. Во время дождей он наполняется водой, которая держится в наиболее глубоких местах до полутора месяцев. Кладбище по размерам и количеству могил небольшое. По типам надгробных сооружений погребения делятся на 3 группы.

Первую, наиболее многочисленную, составляют могилы с надгробиями типа «каменные ящики» (табл. XV, 3). Степень сохранности их неодинакова. Отдельные надмогильные памятники сохранились хорошо, другие сильно разрушены. Тут же разместились погребения с надгробиями типа «каменная плита с фертми» (табл. XV, 1). Внешне они мало отличаются от погребений с «ящиками». Плиты как бы заменяют собой крышки ящиков. Третью группу погребений составляют могилы с надгробиями-пирамидками (табл. XV, 2). По форме они не отличаются от таких же надгробий на других могильниках. На Удеке I большинство пирамидок по форме занимают переходное положение между пирамидками с плоским навершием и навершием в виде «двускатной крыши». Пирамидки установлены на каменные, сложенные в один ряд, выкладки. В отличие от других могильников (например, Колж, Кошоба) здесь погребения не располагаются рядами, параллельно друг другу, а разбросаны без видимого порядка.

В 200 м к северо-западу от Удека I, рядом с дорогой Аккуи—Красноводск находится кладбище Удек II. Кладбище по размерам почти в два раза больше Удека I. Совсем недавно оно было еще больше, но значительная часть разрушена в связи со строительными работами. Сейчас по кладбищу проходит автомобильная дорога. На оставшейся части кладбища около трети всех могил разрушено грабительскими раскопками. Несколько могил скрыто бульдозером. Почти полностью уничтожен один из мазаров, в котором были погребения с надгробиями «ящики». Очевидно, этот мазар располагался в центре кладбища. В 20 м к югу от него сохранился второй мазар, состоящий из трех отделений. Длинные стены мазара, сложенные из подработанных камней (высота стенок до 50 см), ориентированы по оси ЗСЗ—ВЮВ. В восточном отсеке мазара насчитывается 15 захоронений, в центральном — 10, в западном — 12. Надгробия однотипны — каменные ящики, аналогичные надгробиям на Удеке I. Отличие состоит в форме стел. Здесь есть стелы с ромбическим навершием. Заслуживает особого внимания одно надгробие в центральном отсеке. Внешне оно не отличается от остальных, но после зачистки мазара оказалось, что это «плита», имитирующая выступающие над землей верхние части продольных стоек «ящика».

В отсеках мазара надгробия располагаются по 3—4 в ряд, параллельно друг другу и ориентированы, как и длинные стенки мазара, по линии ЗСЗ—ВЮВ. Около десятка погребений с такими же надгробиями, как в мазаре, размещено к западу от него и столько же к востоку.

Здесь следует отметить, что восточная сторона кладбища и особенно погребения с «ящиками» разрушены совсем недавно, возможно, уже после строительства дороги.

Большинство погребений на сохранившейся части кладбища были отмечены разнообразными пирамидками (табл. XV, 4). Как и на других могильниках, навершия пирамидок различные. Выделяются три вида: первый — ступенчатые пирамидки с плоским навершием (табл. XV, 4); второй — пирамидки с навершием в виде «двускатной

крыши»; третий вид — пирамидки с массивными навершиями. На других кладбищах такие надгробия встречаются очень редко.

Туркмены, живущие на Мангышлаке, приписывают погребения с такими надгробиями салорам⁴⁵. В данном случае против этого говорит тамга, которая у салоров сейчас не встречается и, судя по письменным источникам⁴⁶, и не была и раньше. Следует отметить, что погребения с разными формами пирамидок по расположению на кладбище отдельных групп не создают.

Западную часть кладбища занимают погребения, обозначенные могильными холмиками и круглыми в плане оградами из дикого камня (табл. XXIV, 6). Ориентированы холмики по линии СЗ—ЮВ.

С востока к средневековым захоронениям примыкают многочисленные погребения с фертами. Самый ранний из них датируется 1910 г.

Кладбище Удек III расположено в 400 м к югу и юго-востоку от Удека I, на такыре, между двумя небольшими кырами. Удек III — единственное из известных кладбищ Северо-Западной Туркмении, расположенное на такыре. Кладбище по размерам небольшое. Центр кладбища образуют пять могил с надгробиями вида «рогатые пирамидки», которые установлены на высоких (до 100 см) выкладках, сложенных из больших кусков обработанного песчаника (табл. XIV, 12).

К северо-востоку от этих 5 могил размещены 8 могил, отмеченных пирамидками с массивными навершиями (табл. XII, 22). На юго-западных сторонах трех пирамидок сделаны рельефные изображения сабель. Форму сабель восстановить нельзя, надгробия сильно разрушены. Между этими погребениями располагалась могила с необычной пирамидкой. На верхней плоскости у нее сделано изображение сабли, а на торцовой (северо-западной) изображены всадник и какое-то животное (собака?). Вокруг пирамидки сохранились остатки выкладки.

Кроме перечисленных погребений на кладбище расположено несколько могил, обозначенных двумя стелами и две могилы с фертами. Одно «погребение» с фертом было раскопано. Ни могильной ямы, ни костяка под надгробием не было.

В отличие от Удека I и Удека II на кладбище Удек III нет погребений с надгробиями типа «каменные ящики». Кроме того, на первых двух кладбищах формы пирамидок отличны от пирамидок на Удеке III. Надгробия последнего имеют очень мало аналогий в северо-балханской степи. Основная территория распространения погребений с такими пирамидками лежит значительно севернее — на северо-восточном берегу Кара-Богаз-Гола и на полуострове Мангышлак⁴⁷.

Необычно то, что кладбище Удек III расположено в стороне от сравнительно большого и, вероятно, более старого кладбища Удек I. Это своего рода нарушение общего правила — хоронить своих покойников на уже существующем могильнике, пусть даже основанном другой группой. Если судить по тамгам, оставленным на надгробиях, то ближе всего к Удеку III стоит могильник, расположенный на южном берегу Кара-Богаз-Гола у колодца Кукурт-ата.

Некрополь Кукурт-ата. В 500 м западнее этого могильника расположился казахский аул. Могильник состоит из шести кладбищ, каждое из которых занимает отдельный небольшой холм. Холмы отстоят друг от друга на 100—150 м. Расстояние между крайними точками наиболее отдаленных друг от друга кладбищ не превышает 500 м.

⁴⁵ Полевые записи А. Джикиева.

⁴⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, ч. I. М.—Л., 1952, стр. 88—89; Аб у-л-Газзи. Родословная туркмен. Перевод А. Н. Кононова. М.—Л., 1958, стр. 58.

⁴⁷ См. раздел «Могильники Мангышлака».

Этнографические сведения о могильнике очень скудны. Современные жители — казахи — о кладбище сообщили лишь то, что оно туркменское. Это утверждение, как удалось выяснить, основывается на том, что к моменту прихода в эти места казахов кладбище уже существовало. Информаторы — туркмены из аула Гезли-ата говорят, что казахи заняли это кочевье лет 40—50 тому назад. Заселение кочевья проходило двумя волнами. Первая группа казахов поселилась в начале XIX в. и вторая — в 30-е годы нашего столетия, когда в эти отдаленные места переселилась из Казахстана значительная группа богатых скотоводов-баев.

К какой племенной группе принадлежали туркмены, жившие здесь до прихода казахов, современное население не знает.

Достоверно информаторы-казахи знают только одно, что на старом могильнике Кукурт-ата казахи не хоронили. Современное население хоронит своих покойников на новом кладбище, расположенном на спуске к штору, неподалеку от колодцев.

К старому могильнику Кукурт-ата казахи относятся совершенно безразлично. Перед началом археологических работ на могильник были приглашены наиболее уважаемые старики с тем, чтобы они показали казахские могилы, которые нельзя вскрывать, и старые могилы, этническую принадлежность которых они не знают. Старики показали первые попавшиеся могилы, которые расположены ближе всего к аулу, и попросили их не трогать. Остальные, с надгробными сооружениями, ничем не отличающимися от указанных, они разрешили раскапывать. Этот выбор, как установлено в дальнейшем, мотивировался лишь желанием, чтобы раскрытые могилы были как можно дальше от аула.

Туркмены-иомуты из аула Гезли-ата знают только сам факт существования могильника, но ничего не могут о нем сказать. Некоторые информаторы-иомуты делали предположение, что могильник принадлежит казахам.

Несколько больше знают об этом месте туркмены-агинцы. Дурды Нурнев из аула Кельтеминар сообщил, что на Кукурте похоронен Куртуш-ата⁴⁸. Другие информаторы-агинцы называют Куртуш-ата внуком Гезли-ата⁴⁹. В письменных источниках ни название места Кукурт, ни имя Куртуш-ата встретить не удалось.

Сам факт, что туркмены, живущие от Кукурт-ата на громадном расстоянии, в целом, знают больше, чем туркмены, живущие в 60 км от могильника, заставляет предположить, что наиболее позднее туркменское население (иомуты) не были связаны с этим могильником. Об этом же говорит и то, что на могильнике нет могил с характерными для иомутов надгробиями-фертами. В то же время на некоторых кладбищах Кукурта есть могилы, внешне не отличающиеся от современных могил иомутов на кладбище Дана-ата. Не исключена возможность, что какие-то группы туркмен-иомутов, которые переселились сейчас из-за Балхан в другие места, когда-то здесь жили. Но весьма вероятно и то, что последним туркменским населением в этих местах были агинцы, поскольку они сохранили в своей памяти название местности и имя погребенного предка. К сожалению, пока не удалось выяснить центральной могилы, которая могла бы принадлежать Куртуш-ата, но, несомненно, последующие работы на всех шести кладбищах позволят решить эту задачу.

Кладбище Кукурт-ата I помещается на холме, вытянутом с востока на запад (табл. XVI, 1). Надгробные сооружения здесь, за редким

⁴⁸ Полевые записи ТАЭЭ за 1962 г. (№ 1).

⁴⁹ Там же.

исключением, очень сильно разрушены. Центр кладбища, судя по сохранившимся сооружениям, занимают погребения, обозначенные каменными ящиками с фертообразными стелами (табл. XVI, 3). Наиболее заметны погребения, находящиеся в ограде (размеры ее 9×8 м) из вертикально поставленных кусков плитняка. Общее количество могил в этом мазаре без расчистки нельзя определить. Стенки мазара, как и надгробия, ориентированы по линии СЗ—ЮВ.

С севера от этой группы могил разместились погребения с надгробиями-пирамидками. Сохранились только четыре надгробия, по некоторым остаткам можно предположить, что и вся отмеченная на плане территория занята была погребениями с аналогичными надгробиями.

С запада, востока и отчасти с юга к погребениям с «ящиками» примыкают могилы, отмеченные двумя необработанными стелами (табл. XVI, 9). Юго-западную часть кладбища занимают могилы, имеющие надгробия, условно названные «курганчиками». Это — небольшие свальные каменные кучи (табл. XXIV, 3). Ориентация их длинных осей осуществлена по линии СЗ—ЮВ. Аналогичные надгробные сооружения сделаны и над могилами в крайних западной и восточной частях кладбища.

Кладбище Кукурт-ата II расположено в 160 м к востоку от первого кладбища. По размерам оно значительно меньше предыдущего, что, вероятно, объясняется размерами холма (табл. XVI, 1).

Это кладбище отличается от остальных пяти однообразием надгробных сооружений. Абсолютное большинство могил обозначены пирамидками, и только по краям разместились несколько могил с надгробиями типа «две стелы».

По форме наверхней пирамидки объединяются в одну группу (табл. XVI, 2). Все они имеют трех- или четырехступенчатые основания и овальные в сечении навершия. На двух пирамидках выбиты тамги-крест (табл. XVI, 2(1)).

По-иному выглядит кладбище Кукурт-ата III, расположенное в 300 м к югу от кладбища Кукурт-ата I (табл. XVI, 1). В отличие от предыдущего, где преобладали погребения с пирамидками, на этом кладбище погребения отмечены четырьмя видами надмогильных сооружений.

Центр кладбища занимают могилы с «ящиками» (табл. XVI, 3). Они составляют больше половины всех захоронений на кладбище. На этом кладбище нет крышек к надгробиям, как, например, на Удике I. Их заменяет слой бело-розовой ракушки, которая заполняет верхнюю часть «ящиков» (до 40—50 см вглубь). Такой ракушки много на берегу шора Кукурт-ата. В некоторых могилах слой ракушки имеет глубину до закладки погребальной щели.

Навершия стел двух видов. Преобладают стелы с фертообразным навершием. Сохранившиеся тамги выбиты на стелах с ромбовидным навершием, которых на этом кладбище значительно меньше, чем в других местах.

Между погребений с ящиками размещены три группы могил, обозначенных двумя стелами. Ориентация надгробий — по линии СЗ—ЮВ.

По краям кладбища расположены погребения с надгробиями-пирамидками и немного могил с надгробиями типа «каменные курганчики».

Особого внимания заслуживают надгробия-пирамидки. На кладбище Кукурт-ата III встречаются почти все разновидности этого типа надмогильных памятников. Только на этом кладбище встречаются

экземпляры, аналогичные пирамидкам Мангышлака. Кроме этого есть одна пирамидка с нишами, сделанными не в основании памятника, как, например, на пирамидках, размещенных около «мараза-медрессы» в Кошобе (табл. XXV, 7), а на навершии, т. е. так же, как в «старых» пирамидках Гезли-ата и нижнего кладбища Кошобы. На связь населения Кукурта с населением Кошобы указывают и пирамидки с «горбатым» навершием (табл. XVIII, 2), которые почти не встречаются на других могильниках. Горбатые пирамидки кладбища Кукурт-ата III, как и в Кошобе, установлены на высоких выкладках-ящиках (табл. XVIII, 3), которые сложены из нескольких хорошо обработанных каменных плит. В большинстве случаев эти ящики-основания заполнены землей.

Очень значительную группу составляют погребения, отмеченные пирамидками с прямоугольными навершиями (табл. XVI, 2).

Почти у всех надгробий по торцовым сторонам поставлены необработанные каменные стелы.

Остальные надгробия-пирамидки по своей форме не отличаются от аналогичных памятников других могильников. Всего на кладбище зафиксирована одна надпись и три тамги.

Кладбище Кукурт-ата IV (табл. XVI, 1) отличается от предыдущего большими размерами, большей плотностью расположения могил и большим разнообразием надгробных сооружений.

В отличие от остальных кладбищ могильника Кукурт-ата это кладбище имеет главную могилу — квадратный в плане мараз (размеры его 8×8 м), внутри которого помещены погребения с надгробиями-ящиками (табл. XIII, 16...). Вокруг мазара находится много могил с такими же надгробиями. Надмогильные сооружения и тех и других сильно разрушены.

К юго-западу от мазара расположились погребения, обозначенные каменными плитами с фертообразными стелами (табл. XVI, 4). Несмотря на то, что они занимают не самую большую площадь по сравнению с остальными могилами, количественно захоронения с надгробиями типа «плиты со стелами» занимают одно из ведущих мест. Такое положение объясняется очень большой насыщенностью погребениями занимаемой ими территории.

На большинстве плит сделаны светильники. В одном случае на стелах выбиты тамги (табл. XVI, 3). Заслуживает внимания надгробие погребения № 3. Для наружной обкладки плиты там была использована фертообразная стела. Не исключена возможность, что эта стела была взята с уже существовавшего более раннего погребения.

В заключение следует отметить, что, несмотря на наличие многих общих черт, которые объединяют эти надмогильные сооружения и погребения в один тип, плиты, отнюдь не представляют по своей форме единства. Даже на одном небольшом кладбище выделяются несколько видов, различающихся размерами и количеством ступенек, а отдельные надгробия, как, например, над погребениями № 1 и № 6 (табл. XVI, 3, 6) можно отнести и к «плитам» и к «пирамидкам». В этом случае основным признаком отнесения к той или иной группе служит только место расположения могилы.

Несомненный интерес представляет надгробие одного погребения. Оформление навершия плиты почти такое же, как и на могильнике Удек. Очевидно, можно уже говорить не о случайном выполнении такого странного на первый взгляд узора. Возможно, что в данном случае мы имеем подтверждение о каких-то связях населения Кукурт-ата

с населением Удека, что уже отмечалось при рассмотрении тамг на предыдущих кладбищах могильника.

В пользу этого свидетельствуют и погребения с пирамидками, аналогичными памятникам Удека (табл. XVI, 8).

На кладбище отмечено несколько погребений, над которыми поставлены так называемые казахские пирамидки (табл. XVI, 1, 9). Как уже отмечалось, современное население — казахи отрицают какую-то ни было свою причастность к старым могилам, в том числе и погребениям с рассматриваемыми пирамидками.

Эти памятники сложностью и вычурностью наверший отличаются от ранее описанных. По-другому выглядит и могильная яма (табл. XVI, 7). Она представляет собой каменный ящик, сложенный из четырех толстых плит. Крышкой ящику служит выкладка надгробия. Внутри ящик обмазан глиной и заполнен землей. Погребальная щель сделана по центру дна и находилась под ящиком. Вскрытое погребение оказалось детским. Костяк лежал на правом боку, головой на северо-запад, глазницы черепа обращены на юго-запад. Ориентация могильной ямы по линии СЗ—ЮВ.

Погребения, отмеченные двумя стелами (табл. XVI, 11), как и на других кладбищах могильника, разбросаны по всей территории, но особенно их много в южной части.

Восточную и западную окраины кладбища занимают погребения, над которыми сооружены овальные или круглые в плане высокие ограды (табл. XXIV, 17). Никаких надписей или рисунков на этих надгробиях нет. Между ними, в особенности в юго-западной стороне кладбища, разместились погребения, обозначенные «курганчиками». Часто по торцовым сторонам последних поставлены необработанные стелы. При устройстве и тех и других сооружений использовался только необработанный камень.

Ограды отдельных погребений примыкают друг к другу (табл. XXIV, 19), образуя своеобразные колонии. Такое же явление можно наблюдать и на современных кладбищах у ташаузских туркмен.

Кладбище Кукурт-ата V находится в 80 м к юго-востоку от кладбища Кукурт-ата IV. По размерам оно немногим меньше предыдущего. Расположение погребений с различными надгробными сооружениями почти полностью повторяет кладбище № 1. Разница состоит лишь в том, что на этом кладбище отсутствуют погребения с надгробиями типа «плита» и могилы, обозначенные двумя стелами, не занимают какой-либо четко ограниченной площади, а разбросаны по всему кладбищу. Больше всего таких могил в восточной части.

Надгробия типа «пирамидки» сохранились на кладбище Кукурт-ата V значительно лучше, нежели на других. Здесь преобладают пирамидки с овальными навершиями, установленными на высоких каменных ящиках (табл. XVI, 9).

Резко выделяется из всего облика могильника Кукурт-ата западная часть пятого кладбища. По существующему в науке мнению, погребения с такими надгробиями принадлежат казахам. Казахи Кукурт-ата и в этом случае отрицают принадлежность погребений к казахам. Вскрытые погребения подтверждают эти показания. Практически разница в погребениях под «туркменскими» и «казахскими» пирамидками не существует.

При устройстве надгробий этих погребений использовались фертообразные стелы для внешней выкладки (табл. XVI, 10). Судя по форме стел, они были взяты из надгробия типа «каменный ящик».

К югу и западу от погребений с «казахскими пирамидками» разместились могилы, над которыми сооружены «каменные курганчики» и высокие овалы или прямоугольные в плане ограды (табл. XXIV, 17, 18). Ориентация и тех и других осуществлена по линии СЗ—ЮВ. Перед северо-западной торцовой стороной высоких оград встречаются массивные (до 150 м высотой) стелы, подчас, хорошо обработанные. На отдельных стелах выбиты тамги.

Последнее кладбище могильника — Кукурт-ата VI — имеет те же надгробия, что и остальные кладбища. На нем преобладают погребения с надмогильными сооружениями типа «ящички». Фертообразные стелы такой же формы встречаются, что и на других кладбищах этого комплекса, только в большей степени разрушены. Кладбище вообще сильно разрушено. В настоящее время можно определить первоначальный вид едва ли четвертой части сооружений, да и то не всегда точно.

Из приведенного материала видно, что на всех шести кладбищах могильника Кукурт-ата размещены погребения, конструкции надмогильных сооружений которых уже были ранее известны по другим могильникам. Исключения в какой-то мере составляют лишь «казахские» могилы.

В то же время на примере некрополя Кукурт-ата лучше, чем на каком другом кладбище (исключая, пожалуй, лишь Гезли-ата), видна относительная хронология погребений.

На пяти из шести кладбищах центральную часть занимают погребения с «ящичками» (см. табл. XXV, 34). Несколько в стороне на них разместились могилы с «плитами». Вокруг тех и других, в большинстве случаев в восточных частях кладбищ, расположены могилы с пирамидками, между которыми много захоронений с двумя необработанными стелами. Как уже отмечалось, эти погребения и погребения с пирамидками могут принадлежать одной этнической группе и быть одновременными. И, наконец, на всех кладбищах могильника самые крайние места занимают захоронения, над которыми обнаружены каменные курганчики, а также высокие круглые и овалы в плане ограды.

За редким исключением конструкция вскрытых могильных ям под всеми типами изученных надгробных сооружений одинакова. То же самое следует сказать и о положении костяков и ориентации надгробий и могильных ям. Преобладает северо-западная ориентация.

Резительный контраст с надгробиями типа «ящички», «плита» и «пирамидки» представляют надгробия типа «каменные курганчики» и «высокие ограды». Первые сделаны из прекрасно обработанного камня и свидетельствуют о высокой технике, достигнутой населением в этой области. Напротив, «каменные курганчики» и «высокие ограды» сложены из необработанных камней. Даже стелы при них, за очень редким исключением, сделаны очень примитивно и грубо, что свидетельствует об отсутствии навыков в обработке камня. Очень примитивна техника выполнения и немногочисленных тамг.

Промежуточное положение занимают надгробные сооружения типа «две стелы». В подавляющем большинстве они сделаны весьма примитивно, но отдельные надгробия отработаны очень тщательно.

Обращает внимание, что на кладбищах Кукурт-ата, как в Кошобе и Удеке, есть могилы, в которых не обнаружены костяки. Надгробные сооружения над этими могилами встречаются разных типов.

Одной из отличительных особенностей могильника Кукурт-ата является почти полное отсутствие надписей. Возможно, это обстоятельство в какой-то степени объясняется очень плохим состоянием надгробий. Всего в районе кочевья и могильника Кукурта зафиксированы

4 надписи: 3 на надгробных памятниках и 1 — на стене помещения, сделанного в обрыве, у дороги, ведущей от аула к колодцам.

О назначении этого помещения современное население ничего не знает и никаким почитанием или запретами оно не пользуется. Одни называют его мечетью, другие — просто пещерой. Помещение вырублено в известняковых отложениях. Размеры сравнительно небольшие — 350×200 см. Короткие стены слегка закруглены. Потолок куполообразный. Длинные стены ориентированы по линии СЗ—ЮВ. В юго-западной стене сделан небольшой михраб, что дает основание считать это сооружение мечетью. Небезынтересно отметить, что план «мечети» Кукурта точно повторяет план кошобинского склепа (табл. XV, 5). Помимо надписи, на стенах несколько раз вырезана тамга «казаяк». В настоящее время пещера-мечеть используется овцами и козами для укрытия от солнца.

Несколько слов следует сказать о колодцах. Сейчас на Кукурте, как впрочем и во всей округе, пресной воды нет. 15 колодцев, которые расположены у подножия обрыва, — солёные. Солёность воды такова, что ее можно использовать только для водопоя скота. Очевидно, во время существования залива, т. е. до понижения уровня Каспия, вода в колодцах была пресной. Для обеспечения водопоем скота, который может прокормиться на близлежащих пастбищах, вполне хватило бы и половины, тем более, что запасы воды в колодцах очень большие.

Кладбище Акмолла. В 70 км к востоку от Кукурта и в 1,5 км от южного берега Кара-Богаз-Гола находится кладбище Акмолла. Кладбище разместилось на довольно большом (до 80 м в диаметре) холме, который сплошь усыпан кремневыми отщепами. Поселения около кладбища нет, так как здесь нет водных источников.

До недавнего времени, судя по датам на надгробиях, могильник был действующим. Последнее датированное погребение было сооружено в 1953 г. Не исключена возможность, что более поздние могилы просто не имеют других надгробий, кроме земляных холмиков, и поэтому на них нет дат.

Все поздние могилы — казахские. Надгробные сооружения на них встречаются трех типов. Первый — большие прямоугольные в плане мазары (их всего пять) (табл. XX, 8), сложенные из хорошо обработанного, очень мягкого белого камня. Внутренние стены мазаров украшены росписью. В большинстве мазаров над могилами стоят пирамидки, сложенные из нескольких брусков — чаще всего из двух. Во всех мазарах могилы провалились.

Второй тип надмогильных сооружений отличается от предыдущего отсутствием ограды — мазара. На этих могилах поставлен тщательно отделанный каменный столб с северо-западной стороны могилы перед пирамидкой. Пирамидки по конструкции резко отличаются от ранее известных на туркменских могильниках. Они, как правило, никогда не бывают монолитами, а состояются из нескольких тщательно подогнанных друг к другу камней. Погребения с этими надгробиями занимают восточный склон холма.

В западной части могильника размещены погребения, отмеченные двумя стелами. В отличие от большинства ранее обследованных могильников, надгробные сооружения этой группы делятся на два вида — необработанные стелы, их большинство, и стелы в виде правильных параллелепипедов. Последние сделаны из такого же мягкого белого камня, как и большие казахские мазары и пирамидки. Ориентация надгробий — по линии СЗ—ЮВ. На юго-западном склоне расположены три

больших казахских мазара, ограды которых сложены из необработанных камней. В самом большом мазаре находятся четыре могилы, датированные 1923—1927 гг. Перед могильными холмиками, с северо-западной стороны, поставлены каменные столбы-стелы, похожие на столбы перед казахскими пирамидками, но сделанные более примитивно. Ориентация могильных холмиков в мазарах — по линии СЗ—ЮВ.

В устройстве надгробий над казахскими могилами наблюдается та же картина, что и со всеми надгробными сооружениями могильника Кукурт-ата. По технике обработки камня они делятся на две части. Одни сложены из хорошо обработанного камня, другие надгробия в лучшем случае имеют грубо обработанные стелы.

Центральную часть кладбища и наиболее высокую точку холма занимают могилы, над которыми сооружены каменные ящики. Их стенки сложены из нескольких кусков плохо обработанных камней, и в настоящее время трудно сказать, имели ли их торцовые стороны фертообразные навершия. Погребения с такими надмогильными памятниками расположены параллельными рядами и ориентированы по линии СЗ—ЮВ.

К югу от захоронений с «ящиками» размещены могилы с «плитами». Надгробия сохранились сравнительно с «ящиками» неплохо. Но все стелы-ферты поколоты. Обращает внимание небольшие размеры плит и фертов. Это как бы миниатюрные копии аналогичных сооружений кладбища Кукурт-ата.

Рядом с могилами с плитами и фертами находилось вскрытое в 1960 г. погребение, обозначенное очень своеобразной «рогатой» пирамидкой (табл. XX, 7).

Остальные погребения, обозначенные пирамидками, расположены в северной части могильника. Надгробные сооружения, как и плиты, очень миниатюрны. Формы наверший самые разные. Некоторые пирамидки напоминают «крылатые» из Коджа.

На границе размещения казахских и туркменских погребений находятся несколько могил, окруженных оградой из вертикально стоящих кусков белого камня. Внутри оградок, кроме осевших могильных холмов, ничего нет. Ориентация последних по линии СВ—ЮВ.

Старую часть кладбища, туркменскую, отличает от новой одно очень существенное обстоятельство. Как уже отмечалось, почти все могилы казахские и с «пирамидками», и в пяти больших мазарах — провалилось, и в ряде случаев хорошо видно устройство верхней части могильной ямы. Туркменские же могилы и казахские в оградах из рваного камня до сих пор целы.

Такое явление объясняется конструкцией «провалившихся» могильных ям. Они, как и могильные ямы в погребениях с двумя стелами на могильнике Кукурт-ата, перекрыты в самом начале и только перекрытие слегка присыпано грунтом. Перекрывающие плиты в большинстве случаев не выдержали тяжести надгробия и обрушились.

Казахи, которые живут на ближайших колодцах, категорически отрицают возможность устройства таких могильных ям своими соплеменниками. Сейчас и, как явствует из сообщений жителей Кукурта, Сульмена и Кошобы, на протяжении последних 60-ти лет казахи хоронят точно так же, как и туркмены, т. е. «по-мусульмански». Но те же люди не отрицают, что пирамидки, сложенные из брусков, ставят казахи.

Весьма примечательно размещение на кладбище казахских могил. Пять больших мазаров и мазары из рваного камня сооружены прямо на территории старой части кладбища, в самой гуще уже тогда суще-

ствовавших могил. Погребения, обозначенные пирамидками из брусков, не заходят на старое кладбище, а лишь граничат с ним.

В 1,5 км к северо-западу от кладбища Акмолла находится давно заброшенное и неизвестное ни казахам, ни туркменам кладбище, условно названное Акмолла II.

Основная масса погребений расположена в мазарах размером 5×5 м, вытянувшихся цепочкой с востока на запад. Каждый мазар занимает небольшой, типа кургана, холмик. В западной части кладбища шесть мазаров, в восточной — четыре. Шесть мазаров западной части примыкают друг к другу, а седьмой отстоит от остальных на 4 м. Погребения и ограды мазаров ориентированы по линии СЗ—ЮВ. Входы сделаны с юго-западной стороны. Надгробные сооружения в мазарах — каменные ящики с фертообразными стелами. Состояние надгробий очень плохое. Вокруг мазаров размещены погребения, обозначенные овальной каменной выкладкой с необработанными стелами по торцовым сторонам.

Восточную часть кладбища отделяет от западной сильно разрушенный мазар. Внутри ограды размером 6×6 м находятся беспорядочно сваленные камни. Восточнее разрушенного мазара находятся четыре таких же, как и в западной части кладбища, прямоугольных мазара с такими же погребениями. Общее количество погребений как в западных, так и в восточных мазарах без расчистки не ясно.

На восточной окраине кладбища расположен круглый в плане мазар, к югу от которого прослеживаются овальные каменные выкладки и одна могила, отмеченная довольно высокой каменной плитой с фертообразными стелами.

На западном краю каньона, в небольшой ложбине, заметны остатки двух плотин, которые задерживали талые воды и создавали два водохранилища, которые, очевидно, служили главным, если не единственным, источником воды, так как поблизости нет даже соленых родников и не удалось обнаружить остатков колодцев. Не исключена, однако, возможность, что в средние века эти места были обводнены значительно лучше.

Кладбище «Силь». На 40 км пути по старой чагыльской дороге от Кошобы к перевалу через горы Эрсари-баба в 1960 г. было открыто заброшенное кладбище, разместившееся на террасе большого оврага, в 100 м к западу от заброшенного кака.

Кладбище, судя по состоянию и характеру надмогильных сооружений, заброшено давно. В отличие от большинства кладбищ, находящихся вдоль старой чагыльской дороги (караванный путь с восточного берега Каспия в Хиву), это сохранилось неплохо. Большинство повреждений надмогильных памятников — результат времени и природы.

Центр кладбища — квадратный в плане мазар размером 5×5 м. Он ни качеством материала, ни надгробиями двух погребений не отличается от мазаров Акмоллы II. Вокруг мазара разбросано около 40 могил с аналогичными погребениями.

В 3 м к северу от мазара сохранилось надгробие — каменный ящик с фертами, накрытый хорошо обработанной плитой (табл. XXV, 33). Внешне сооружение очень похоже на такие же памятники Удека I и II.

Восточную часть кладбища занимают погребения, обозначенные двумя необработанными каменными стелами, заключенными в круглые ограды из тонких кусков плитняка. Высота отдельных оградок превышает 100 см. Ориентированы надгробия по линии СЗ—ЮВ. Надписей

и рисунков на надгробиях нет. Только на одной стеле сохранилась тамга.

Кладбище Эрсари-баба. На перевале через горных кряж Эрсари-баба находится старое, в настоящее время недействующее кладбище⁵⁰. Кладбище, как и горы, носит название «гоном баши» могильника — Эрсари-баба. Туркмены-эрсари считают его основателем племени⁵¹, туркмены-иомуты бабадашем, т. е. дедушкой со стороны матери⁵².

В «Родословной туркмен» Абул-л-Гази отводит довольно много места деятельности Эрсари-бая, человека из салорского иля: он даже называет место гибели Эрсари-бая — колодец Дукер⁵³. Колодец Дукер (современный Туер) расположен в 18 км к северо-востоку от кладбища. Об этом же кладбище упоминает и Н. Н. Муравьев, отмечая памятник основателю туркменского поколения Эрсари⁵⁴.

По размерам кладбище сравнительно небольшое. Часть могил разрушена.

Из новых погребений выделяются казахские могилы, обозначенные большими прямоугольными мазарами, сходными с мазарами Акмоллы (табл. XX, 8). Помимо них есть около десятка погребений, одно из которых датировано 1950 г. Могил, обозначенных фертообразными стелами, нет.

Остальные погребения имеют довольно старый вид. Часть надгробий разрушена полностью, часть еще в какой-то мере сохраняет первоначальный вид.

Погребения отмечены несколькими типами надгробий.

Наиболее многочисленны погребения имеют надгробия в виде двух стел в различных вариантах (табл. XVII, 3). На втором месте по численности стоят погребения с пирамидками. Пирамидки с овальным навершием и в виде двускатных крыш. Захоронения с пирамидками размещены между погребений со стелами и группируются вокруг могилы «гоном баши».

Ориентированы погребения с этими группами надгробий по линии СЗ—ЮВ.

Края могильника Эрсари-баба занимают погребения, отмеченные выкладками из дикого камня по периметру могильного холмика и погребения с оградками из вертикально поставленных кусков плитняка (табл. XVII, 4). Между ними разместилось большинство казахских могил.

Надгробие могилы Эрсари-баба не отличается от многих аналогичных сооружений Балхан (табл. XIII, 2). Как и на кладбище Кошобы, вокруг могилы Эрсари-баба нет ограды.

Кладбище Оюклы. Несколько особняком от остальных могильников стоят два кладбища, расположенные у кочевья Оюклы. Оба они, несомненно, поздние — большинство захоронений датированы.

Восточное кладбище оставили, очевидно, иомуты-атабайцы, которые некогда жили здесь⁵⁵, так как современные жители иомуты-джа-

⁵⁰ Материалы по этому могильнику опубликованы автором настоящей работы в соавторстве с Н. Г. Залкинд. См. Н. Г. Залкинд, С. П. Поляков. Материалы к характеристике средневековых кладбищ Западной Туркмении. Научн. тр. ТашГУ, выд. 235. Ташкент, 1964.

⁵¹ Полевые записи Амударьинского отряда ТАЭЭ за 1962 г.

⁵² Абул-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 75.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Н. Н. Муравьев. Ук. соч., стр. 68.

⁵⁵ А. Оразов. Прибалханские туркмены в конце XIX — начале XX в. (рукопись канд. дисс.), М., 1961, гл. 2.

фарбайцы на кладбище не хоронят, а возят своих покойников на кладбище Омар-ата.

По другим сведениям кладбище заброшено давно — лет 100 тому назад по неизвестной причине. Внешне погребения ничем не отличаются от большинства современных иомутских.

Западное кладбище более интересно и примечательно. Как и на восточном, на западном кладбище нет главной могилы, но зато в изголовье большинства могил стоят каменные ферты (табл. X, 1) различной формы. Особое значение этого кладбища состоит в том, что пока только на нем удалось проследить зависимость формы надгробия и тамги. Из приводимой таблицы достаточно ясно видна эта зависимость.

Кроме этого, почти на всех фертах сделаны надписи арабской графикой, правда, не всегда читаемые. Из прочитанного почти все представляют извлечения из Корана.

Об этнической принадлежности кладбища современное население ничего толком не знает, кроме того, что оно может быть иомутским.

Не исключена возможность, что в использовании кочевья Оюклы был перерыв. Старые его насельники, оставившие кладбище, ушли из-за засоления воды, а новые пришли на постоянное жительство несколько позднее. Очевидно, эта смена населения, причем принадлежавшего к одной племенной группе, и явилась причиной незнания истории кладбища местными жителями.

Помимо фертов на западном кладбище есть одно надгробие — каменная плита с одним фертом. Надгробие разрушено (табл. XIV, 1).

Кладбище Сюйли. Последний из известных сейчас средневековых могильников расположен у кочевья Сюйли. Впервые о нем упоминает Н. Н. Муравьев: «При сем месте есть большое кладбище — надгробные камни должны быть известковые; они довольно велики, хорошо обделаны и с некоторыми изваяниями, но работы нетуркменской, на многих видны следы раковин. Жители говорят, что кладбище сие очень древнее, и что камни такого свойства находятся на берегу моря»⁵⁶. Далее Н. Н. Муравьев, отмечая могильник у Кошобы, пишет, что там такие же камни, как и в Сюйли⁵⁷.

Неясно, каким именно надгробиям приписывает Н. Н. Муравьев большую древность и «не туркменскую работу» (т. е. не иомутскую. — С. П.). На кладбище в Сюйли зафиксированы почти все те же надгробные сооружения, что и на большинстве остальных могильников Балхан (табл. IX—XIV)⁵⁸.

Большинство надгробий сейчас засыпано песком и видны лишь их верхние части. К югу от туркменских могил размещены современные казахские захоронения, обозначенные высокими (до 150 см) прямоугольными (иногда с закругленными углами) оградами. Почти перед каждой оградой стоит стела, на которой выбиты дата смерти и имя похороненного (табл. XX, 5).

Вообще облик современных казахских кладбищ в значительной степени отличается от туркменских и от «традиционных» казахских. Казахские могильники XIX—начала XX в. имеют совершенно иной вид.

⁵⁶ Н. Н. Муравьев. Ук. соч., ч. 1, стр. 63.

⁵⁷ Там же, стр. 67.

⁵⁸ Предлагаемый перечень надгробных сооружений кладбища Сюйли, к сожалению, не может претендовать на полноту. Автор настоящей работы дважды побывал на колодах, но оба раза обстоятельства не позволили детально ознакомиться с могильником. Оба раза был траур по поводу смерти двух молодых мужчин, и работа на кладбище, даже на неказахской его части, была невозможна.

Сейчас уже не строятся большие мазары с куполами (табл. XIV, 6) или большие сооружения без крыш (табл. XX, 8). В прошлом постройка таких гробниц была под силу только состоятельным скотоводам. То же самое относится и к «казахским» пирамидкам. На кладбищах Западной Туркмении 1920 гг. они отсутствуют. В большей степени такие надгробия сохранились гораздо севернее — на полуострове Мангышлак.

Из приведенного описания средневековых могильников Балхан видно, что большинство из них расположено у шнур действующих водных источников. Часть источников — пресные, но не менее значительно число и соленых колодез. Однако же, как видно на примере Кукурта, вода в этих колодцах не всегда была соленой. Это подтверждает предположение, что все средневековые и современные могильники располагались непосредственно около жилья.

Кроме этого, до настоящего времени не удалось зафиксировать одиночных могил, т. е. погребения вне кладбищ. В этом отношении туркмены представляют очень большой контраст с казахами, значительное число отдельных могил которых разбросано одиноко в степи.

Из описания могильников видно также, что погребения, связанные с различными типами надмогильных сооружений, располагаются в определенном порядке.

Центр кладбища на могильниках Северо-Западной Туркмении составляют зачастую своеобразные мазары — участки, огороженные невысокой оградой, внутри которых располагаются погребения с надгробиями в виде ящиков. На многих могильниках погребения с «ящиками» размещены и вне мазаров. Мазар охватывает, обычно, пояс захоронений с надгробиями в виде каменных плит с двумя фертообразными стелами. Следующий пояс образуют могилы с надгробиями «пирамидки», которые подразделяются на несколько видов. При этом «пирамидки» разных видов не разбросаны в беспорядке внутри своего пояса, а располагаются концентрическими окружностями. Ближе к центру кладбища встречаются могилы с «рогатыми» пирамидками и прямоугольными пирамидками-плитами. С ними граничат захоронения с пирамидками, имеющими большие прямоугольные навершия и навершия в виде двускатной крыши. Наконец, внешнюю часть пояса «пирамидок» составляют захоронения с овальными навершиями и пирамидки-ферты. На ряде кладбищ Балхана в этом же поясе размещены могилы с надгробиями — сооружениями в виде выкладок из небольших валунов. Между погребениями с надгробиями типа «пирамидки» разбросано много захоронений с надгробиями типа «две стелы».

По краям могильников имеется много могил, обозначенных надгробиями из необработанного камня (группа «А»), а в тех местах, где по соседству с кладбищем есть население, встречаются могилы с надгробиями типа «ферты» и другими надмогильными сооружениями XIX—XX вв.

Такое расположение погребений на могильниках наблюдается и в других обследованных районах. Разница заключается лишь в изменении некоторых типов надгробий. Так, например, в западной части Ахальского оазиса очень мало погребений с надгробиями типа «ящики» (они также занимают центральные места) и в центре могильников, на наиболее древних кладбищах, расположены захоронения в склепах. Эти захоронения окружают могилы с каменными плитами,

которых сменяют могилы с «пирамидками». На смену пирамидкам приходят выкладки и захоронения XIX—XX вв.

В горах Копет-Дага и в районах к западу от него, насколько позволяет судить могильник Бедели-ата, следующий за «пирамидками» пояс составляют захоронения с надгробиями в виде каменных столбов.

Описанный порядок размещения различных типов надгробий и захоронений на кладбищах оказался характерным для подавляющего большинства обследованных могильников. Он не нарушается и в том случае, если на кладбище отсутствует какой-либо тип надгробий, что бывает довольно редко. Чаще всего на могильниках обнаруживаются все типы надгробий, характерные для данного района.

При рассмотрении типов надгробных сооружений отмечалось, что провести четкую грань между ними нельзя, настолько был плавным переход от одного типа к другому. Этот порядок размещения погребений дает относительную датировку захоронений, где наиболее ранними являются захоронения в скленах и с надгробиями «каменный ящик» и наиболее поздними — современные туркменские могилы.

Датировка средневековых погребений

В большинстве средневековых погребений Западной Туркмении погребальный инвентарь и какие-либо другие предметы отсутствуют. Это очень затрудняет определение возраста не только отдельных погребений, но и больших групп — типов, видов и т. д.

Незначительное количество исследований, посвященных средневековым погребениям кочевников (а также и оседлых земледельцев), не дает возможности проводить какие-то ни было аналогии. При определении возраста погребений основными критериями являются надписи на надгробиях и плоскостная стратиграфия могильников. К сожалению, очень немногие надписи содержат дату захоронения. Однако уже само наличие надписи, выполненной арабской графикой, дает нижний рубеж возраста погребений.

Для датировки использовались также отдельные и весьма малочисленные публикации средневековых кладбищ в странах Передней Азии. Почти во всех случаях они служат лишь подтверждением той или иной даты, принятой на основании собственно туркменского материала.

Известную помощь в определении времени сооружения погребения оказали рисунки и изображения на надгробиях. Однако они все же не могли играть решающей роли. Несмотря на то, что изображения сабель, зеркал и других предметов, сделанные на надгробиях, находят аналогии в материалах, полученных в результате археологических раскопок, автор обращается к ним только в тех случаях, когда располагает какими-либо другими данными, подтверждающими правомочность проведения сравнений.

Как отмечалось, крайние участки средневековых могильников, функционирующих до настоящего времени, заняты погребениями XIX—XX вв. На них есть надписи, которые датируют эти могилы. Кроме того, их возраст хорошо знают местные жители.

Следующий пояс, расположенный ближе к центру могильника, занимают захоронения, обозначенные выкладками из небольших валунов и пирамидками с овальными навершиями. Верхним рубежом этих

погребений следует считать XVIII в. Это подтверждается тем, что эта дата стоит на одной мангышлакской пирамидке с овальным навершием. Казахи, жившие на Мангышлаке уже в конце XVIII в., отрицают принадлежность погребений с такими надгробиями к казахам. На Балханах иомуты, постоянно живущие в этом районе с XVIII в., также отрицают какую бы то ни было причастность к погребениям с пирамидами и приписывают им «тысячелетнюю» давность⁵⁹. Следовательно, эти погребения появились не позднее XVIII в. В пользу этого свидетельствуют и атинские погребения, которые расположены вперемежку с вышеупомянутыми. Время же пребывания атинцев на Балханах известно достаточно хорошо⁶⁰.

Следующую большую группу погребений отмечают пирамидки с навершием в виде двускатной крыши (табл. XXV, 10—14). Эти памятники отнесены нами к XVI в. Точно датирована надписью только одна пирамидка, хранящаяся в секторе археологии АН ТССР и найденной на одном из кладбищ Теджепского оазиса.

Еще ближе к центру кладбищ размещены погребения с плоскими и «рогатыми» пирамидками. При датировке этой группы памятников пришлось обратиться к аналогиям, поскольку на подобном виде пирамидках надписей нет. Но эти надгробия дают отличный изобразительный материал, который во многом компенсирует отсутствие надписей.

Идентичные надгробия, принадлежащие тюркоязычному населению, известны сейчас только в Крыму. Там такие надгробия датируются XIV—XV вв.⁶¹. Обращение к материалу Крыма представляется возможным, так как в «Родословной туркмен» есть повествование о переселении Огурджика из Ирана в Крым⁶². Судя по тексту Абу-л-Гази, это событие следует отнести ко времени не позднее XIV в., поскольку Огурджик бежит от байындырского бека (т. е. от представителя династии ак-коюнулу, возвышение которой относится к XIV в.⁶³). Примечательно, что надписи на крымских памятниках дают прямые указания на переселение людей, оставивших погребения, в Крым из Передней Азии⁶⁴. Забегая вперед, отметим, что не только надгробия Крыма, но и изображения крымских тамг на надгробиях и на других предметах, так или иначе связанных с погребальным обрядом, свидетельствуют об этнической близости части населения средневекового Крыма и восточного берега Каспийского моря⁶⁵.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что «рогатых» пирамидок сравнительно немного в Туркмении и довольно много в Крыму, особенно на караимских кладбищах. По свидетельству О. Акчокраклы, их много и на татарских кладбищах. Если же учесть, что население, оставившее пирамидки, попало в Крым в XIV в. (отдельные памятники датируются и XIII в.⁶⁶ из Передней Азии, где в это время было государство Сельджуков — выходцев из Средней Азии, то станет понятным то количественное соотношение погребений с «рогатыми» пирамидами в Туркмении и Крыму. Вероятно, «двурогие» пирамидки были

⁵⁹ Н. П. Муравьев. Ук. соч., стр. 67.

⁶⁰ Там же, стр. 69; История Туркменской ССР, т. I, кн. I, стр. 407.

⁶¹ О. Акчокраклы. Старо-крымские и огузские надписи XIII—XV вв. ИТОКАЭ, т. I (58). Симферополь, 1927.

⁶² А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 72.

⁶³ В. А. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. М.—Л., 1949, стр. 50.

⁶⁴ О. Акчокраклы. Ук. соч., стр. 7, 9 и дальше.

⁶⁵ О. Акчокраклы. Татарские тамги в Крыму. Симферополь, 1927.

⁶⁶ О. Акчокраклы. Старо-крымские и огузские надписи, стр. 4.

перенесены туркменами в Переднюю Азию, а оттуда в Крым. Но продвижение сельджуков на запад из Средней Азии началось с XI в. и в конце того же столетия они завоевали всю Переднюю Азию⁶⁷. Вероятно, к этому же времени относится и появление «двурогих» пирамидок как надгробного сооружения. Очевидно, по некоторым причинам (об этом речь будет ниже), возникновение этого вида надмогильных памятников нельзя отрывать от Закаспия.

Выше отмечалось, что один из вариантов («г») «двурогих» пирамидок имеет наверху в виде двускатной крыши. Погребения с пирамидками типа «двускатной крыши» располагаются на могильниках в непосредственной близости, а иногда попеременно с могилами, отмеченными «рогатыми» пирамидками. Это дает основание относить погребения под «двускатными» пирамидками не только к XVI в., но и к более раннему периоду, т. е. к XIV—XV вв. В пользу этого свидетельствует и материал из Передней Азии⁶⁸ и Крыма⁶⁹. На средневековых кладбищах Крыма (в частности, на могильнике рядом с Чуфут-кале) захоронения с «рогатыми» и «двускатными» пирамидками размещены также попеременно. Аналогичное расположение надгробий наблюдается на ханском кладбище в Бахчисарае.

Не совсем ясен вопрос о дате погребений, над которыми установлены «рогатые» пирамидки с «рогами» в виде фертов (табл. XXV, 29). Пока, кроме Мангышлака, они нигде не встречены, и надписей на них нет. Сейчас можно лишь утверждать, что они, вероятно, древнее погребений с надгробиями вида «рогатых» пирамидок. Расположены пирамидки с «рогами» в виде фертов ближе к центру кладбища, нежели могилы с простыми «рогатыми» пирамидками. Надгробия с «рогами»-фертами имеют очень много общих черт с надгробиями типа «плита с фертами».

Отсутствуют надписи на надгробиях, представляющих пирамидки и других видов. К ним относятся пирамидки с плоскими навершиями. Погребения с этими надгробиями расположены на кладбищах приблизительно в тех же поясах, что и захоронения с «рогатыми» пирамидками, и поэтому относить их к более позднему времени, чем эти последние, вряд ли можно. Кроме того, на подавляющем большинстве надгробий — пирамидок XVII и XVIII вв. — сделаны надписи. На рассматриваемых же пирамидках надписей нет, но зато сделано очень много изображений оружия (табл. XXI, 9; XXIII, 4) и, прежде всего, сабель. Наиболее близкие аналогии саблям на этих туркменских надгробиях можно найти в погребениях болгар VII—IX вв.⁷⁰ и тюркских кочевников XIII—XIV вв. в южно-русских степях⁷¹. Помимо сходства в саблях есть и прямые аналогии между погребальным инвентарем из курганов и современными туркменскими украшениями. Правомочность сопоставления с северо-кавказским материалом подтверждается рядом сообщений о появлении на Северном Кавказе различных туркменских групп из Закаспия. Об одном (вероятно, не самом раннем) пишет Г. И. Карпов: «По устному сообщению профессора А. П. Фитуни (1936 г.) часть баятов в XIII в. появилась в Азербайджане со стороны Мангышлака (подчеркнуто мною. — С. П.), но затем часть из них возвратилась в

⁶⁷ В. А. Гордлевский. Ук. соч.

⁶⁸ Материал опубликован в работах Е. Диеца. См. библиографию.

⁶⁹ П. Кеппен. Крымский сборник. СПб., 1837; С. Бейм. Чуфуткале и караимы. СПб., 1861; Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры крымских татар. «Крым», 1927, № 2 (4), стр. 126—127 и др.

⁷⁰ В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

⁷¹ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, вып. 62, 1958.

Закаспий»⁷². Примечательно, что именно на Мангышлаке и находится наибольшее количество надгробий, на которых изображены сабли.

Вероятно, к этому же времени относятся погребения, обозначенные прямоугольными пирамидками (табл. XXV, 19—22), выделенными нами в 5-й вид. На них также нет надписей и располагаются они на могильниках в непосредственной близости от их центральных частей. Как и «рогатые» пирамидки, они имеют много схожих черт с другим типом надгробий, который назван «плита с фертами».

Погребения с надгробиями в виде плиты с двумя фертообразными стелами во многих случаях занимают центральные места на могильниках. Среди этих погребений довольно часто располагаются могилы «гоном баши» (например, кладбище Гезли-ата). На могильнике Дана-ата одно погребение с таким надгробием датируется XV в. Но, по мнению Ю. Э. Брегеля, эта надпись вторичная, сделанная по более ранней. Подавляющее же большинство надгробий этого типа надписей не имеет. Если принять во внимание, что погребения с «плитами» расположены ближе к центру могильника, чем погребения XIII—XIV вв., а возможно и XII в., то, вероятно, они должны быть старше их. В пользу этого свидетельствует кладбище Эрсари-баба. По датировке В. В. Бартольда время функционирования этого кладбища — XIV в.⁷³ Но на этом могильнике нет погребений с «плитами». На кладбище Эрсари-баба есть только пирамидки, т. е. более поздний вид надгробий.

В подавляющем большинстве случаев центральные части кладбищ (прежде всего степной зоны) занимают погребения, обозначенные каменными ящиками с фертообразными стелами-стенками. Дата этих погребений довольно неопределенна, особенно нижняя. Их расположение на кладбищах (в центральных местах) дает основание относить их ко времени не ранее XII в., а отсутствие надписей поднимает эту дату до XIV в.⁷⁴ О том, что погребения с надгробиями-ящиками наиболее древние из рассмотренных нами, говорит использование камней из этих надгробий для сооружения памятников других типов. Ферты-стенки чаще всего использовались для выкладки площадок вокруг надгробий-плит. В двух случаях известно использование фертообразных стел для выкладок под пирамидками. В то же время не отмечено ни одного случая использования каких-либо деталей пирамидок или плит для устройства надгробий-ящиков. На большинстве кладбищ «ящики» сильно разрушены, гораздо сильнее других надмогильных сооружений.

Рассмотренные захоронения все же в большей степени характерны для степной зоны.

Для южных частей Западной Туркмении (Ахал, Копет-Даг и Юго-Запад) известны и другие типы погребений и надмогильных сооружений. Датировка этих погребений очень неопределенна.

Рассматривая погребения с надгробиями в виде прямоугольной высокой каменной или кирпичной выкладки с фертом, можно лишь констатировать, что они не могут быть отнесены ко времени раньше XV в. Об этом говорит их место на могильнике (они занимают внешний пояс по отношению к погребениям с пирамидками) и кирпич, из которого сложена часть этих надгробий. Кирпич, вероятно, брали из мазаров

⁷² Г. И. Карпов. Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану. «ИАН ТуркмССР», 1945, № 3—4.

⁷³ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, стр. 594.

⁷⁴ В. В. Бартольд считает, что во время Эрсари-баба, т. е. в XIV в., в Закаспии распространился ислам, вместе с которым и пришел арабский алфавит (см. В. В. Бартольд. Ук. соч. Об этом см. также Абу-л-Гази. Родословная туркмен).

(мавзолеев), расположенных на могильниках. Постройку же мазаров относить к более раннему, чем XV в., времени нельзя, поскольку кирпич, из которого они сложены, и архитектура строений позволяют отнести их ко времени не ранее XV в.⁷⁵ Однако принять эту дату надгробий в виде прямоугольников с фертами как окончательную сейчас еще нельзя. На ряде могильников (например, Шахр-Ислам) есть погребения с аналогичными выкладками, но без фертов. Там они составляют особое кладбище, которое можно датировать более ранним временем — XIV в., поскольку погребения с выкладками на Шахр-Исламе приходят сразу на смену захоронения в склепах, которые прослеживаются до XIV в. Кроме этого, аналогичные по конструкции надгробия (опять-таки без фертов), сложенные из дикого камня, обозначают погребения на кладбище в Чулинском ущелье. Черепки керамики, найденные в одном из вскрытых погребений, датируются XIII—XIV вв., а возможно и XV в.⁷⁶

Что касается захоронений в кирпичных склепах, то их датировка облегчается одним обстоятельством. На кладбище Пакир-ших несколько лет тому назад был открыт такой склеп, а шихи появились в Бендесене в XIII в.⁷⁷ До самого последнего времени они ничего о склепе не знали. Далее, такие же крестообразные в плане склепы находятся под мавзолеями Мешеда и датируются там XI—XII вв.⁷⁸ Примечательно, что погребения в склепах известны и за пределами оседлой зоны — на Балханах (Кошоба) и на Мангышлаке (кладбище Аксура). В первом случае склеп не имеет надземного сооружения, а во втором — склеп обозначен пирамидками.

Конечно, это не означает, что склепы бытуют только в XII—XIII вв. По материалам городища Шахр-Ислам можно утверждать, что они были и в XIV в., поскольку часть из них размещена на месте каких-то сооружений XII—XIII вв.

Погребения в небольших склепах, вероятно, относятся к тому же времени, что и в больших крестообразных. Помимо прямых аналогий в конструкции много общего в погребальном обряде, в частности погребения покойников в гробах. Одинакова и техника кладки стен и свода в больших и маленьких склепах. Примечательно, что погребение в гробах является обязательным для больших крестообразных склепов, в то время как для малых склепов больше характерно трупоположение без гроба.

Датировка погребений, обозначенных каменными столбами (надгробия IV типа), пока возможна только в очень широких рамках. Поскольку на них есть надписи арабской графики, то они не могут быть ранее VII—VIII вв. Верхним рубежом, несомненно, является конец XVII в., так как иомуты и гоклены, населяющие эти места в настоящее время, пришли в Юго-Западную Туркмению именно в это время и застали столбы уже стоящими. Вряд ли эти погребения могут быть старше XII—XIII вв., так как в отдельных случаях в качестве столбов использовались пирамидки, правда пирамидки ранних видов. И, нако-

⁷⁵ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, 1958, т. VI, стр. 433 и дальше.

⁷⁶ Датировка керамики из погребений проводилась по аналогии с керамикой из раскопов Шахр-Ислама. В лаборатории исторического ф-та МГУ был сделан спектральный анализ глазури. По мнению Ю. Л. Шаповой, химический состав глазури может свидетельствовать даже о большей древности, нежели приводимая дата.

⁷⁷ К. Атаев. Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов. Тр. ИИАЭ, т. VII. Ашхабад, 1963.

⁷⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, стр. 298.

нец, на кладбище Бедели-ата погребения, обозначенные столбами, расположены вокруг погребений с пирамидками. Очевидно, датировать эти погребения следует периодом не раньше XIII—XIV вв.⁷⁹ и не позднее середины XVII в.

До сих пор мы писали о датировке надгробий группы «Б». Значительно сложнее обстоит дело с датировкой погребений с надгробиями группы «А». Приходится исходить только из расположения их на могильниках и проводить аналогии в некоторых чертах их конструкций с деталями надгробий группы «Б».

Наиболее многочисленные погребения с надгробиями группы «А» обозначены двумя каменными необработанными стелами и каменной выкладкой между ними. На кладбищах Кукурта удалось проследить прямые аналогии между этими погребениями и погребениями, отмеченными «рогатыми» пирамидками. И те и другие были расположены рядом на одном кладбище, имели совершенно идентичные конструкции могильных ям, одинаковое положение и ориентацию костяков и, наконец, на пирамидке и на одной из стел была выбита одна и та же тамга. Видно, это дает право предполагать, что погребения с двумя стелами в XIII—XIV вв. уже были. Примечательно, что этот тип надмогильных сооружений без изменений сохранился до наших дней в целом ряде районов Туркмении.

Что же касается датировки остальных типов надгробий группы «А», то сейчас можно лишь отметить, что и их возраст не может быть древнее XV—XVI вв. Как правило, погребения с надгробиями группы «Б» занимают края кладбищ, а их основная масса принадлежит к XVI—XVII вв.

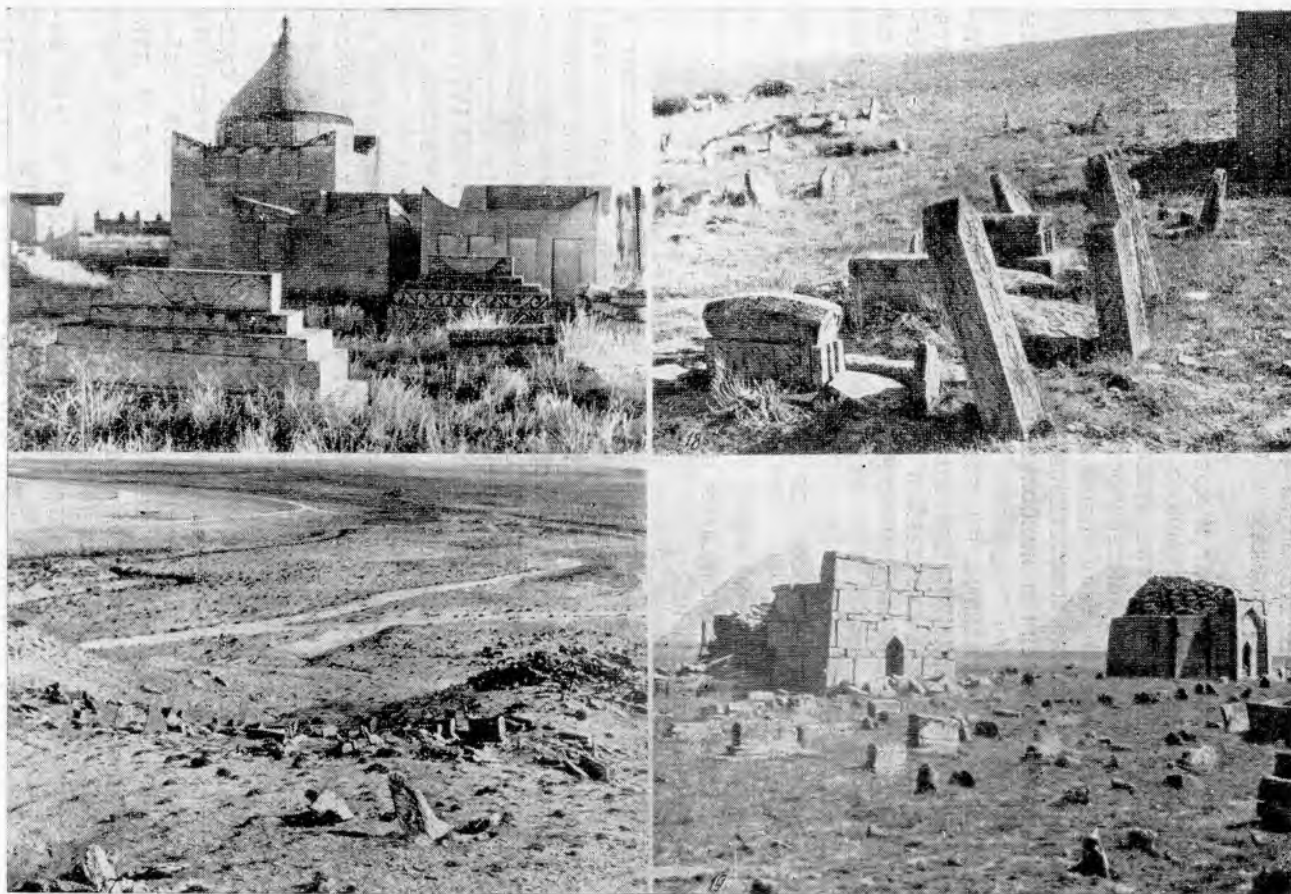
Из вышеизложенного видно, что относительная датировка типов надгробий и погребений подтверждается абсолютной датировкой. В связи с этим возникает вопрос — в какой же связи между собой находится средневековое население, оставившее погребения в изучаемом районе? Вопрос этот отнюдь не праздный, поскольку связь, если она существует, между погребениями разных периодов — это связь между населением Северо-Западной Туркмении в различные столетия.

Выше уже отмечалось сходство форм надгробий разных типов погребений. Располагая надгробия всей обследованной области в хронологическом порядке, как это показано на таблице (табл. XXV), видно, что провести какие-либо четкие границы между формами надгробий группы «Б» средневековых погребений нельзя, настолько плавный переход от одного типа к другому.

Такую преемственность можно проследить (в значительно меньшей степени) и в надгробиях группы «А» (табл. XXIV).

Что касается могильных ям, то и здесь видна единая традиция. Выделенные три типа ям встречаются во всех известных погребениях. То же самое относится и к положению костяков. Начиная с эпохи наиболее ранних погребений (с надгробиями типа «ящички») и вплоть до XIX в. известны два способа труположения — на правом боку и на спине. Ориентация всех типов погребений в общем одинакова. Следует лишь подчеркнуть, что чем ближе к нашему времени, тем она строже придерживается оси СЗ—ЮВ, а чем дальше от нас — заметно

⁷⁹ М. Е. Массон. Силуэты Сумбарского района (историко-археологический очерк). «Туркменоведение», 1931, № 3—4; его же. О происхождении некоторых каменных надмогильников Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949.

16. Казахские надгробия и мавзолеи конца XIX — начала XX вв. (северный Мангышлак). 17. Общий вид могильника Удек (Мангышлак). 18. Казахские «пирамидки» на кладбище Уштам (северный Мангышлак). 19. Средневековые мавзолеи на кладбище Уштам

склоняется к линии З—В. Наиболее четко эта ориентация видна на погребениях, отмеченных «ящиками». Однако этот вывод нуждается в дополнительной проверке.

Аналогичную картину дают и краниологические материалы — полную идентичность антропологического типа населения от эпохи, когда устанавливались надгробия типа «ящиков» и вплоть до наших дней. Примечательно, что эта преемственность по данным антропологии (см. ниже) прослеживается с начала нашей эры.

Таким образом, можно констатировать:

1. С течением времени в наибольшей степени изменяются формы надгробных сооружений.

2. Конструкция могильных ям подвержена изменению значительно меньше и на протяжении длительного периода времени остается почти неизменной. До наших дней в обследованных районах существуют три типа ям — с боковым подбоем, с погребальной щелью по центру дна могильной ямы и простая, без каких-либо добавлений, могила.

3. Труположение сохранило до наших дней два варианта — на правом боку и на спине.

Некоторые сведения о средневековом населении Балхан по данным погребений

Хозяйство. Средневековые погребения и кладбища позволяют в известной мере судить о хозяйстве туркменских племен в средние века.

Рисунки на надгробиях и стенках культовых сооружений повествуют о том, что туркмены от Мангышлака до Сумбара разводили однопорбых верблюдов. Много, особенно на Мангышлаке, изображений лошадей. Вероятно, значительное место занимала охота. На надгробиях часто можно наблюдать изображения всадников (табл. XXIV, 13), стреляющих из лука в диких козлов (?). На охоте использовалась собака, вероятно, известной туркменам и поныне породы «тазы».

Обращает внимание тот факт, что ни на одном из надгробий не обнаружено каких-либо предметов или орудий, связанных с земледелием. Это косвенно может свидетельствовать, наряду с другими данными, об отсутствии или незначительной роли земледелия в Северо-Западной Туркмении.

Оружие и украшения. Весьма значительный материал дают средневековые могильники по вооружению туркмен. Довольно часто на надгробиях встречаются изображения вооруженных всадников (табл. XII, 14). Как правило, в вооружение входило копьё, сабля и лук. Насколько позволяют судить пропорции на рисунках, копьё были длинные (2,5—3 м) и с ромбовидными наконечниками.

Сабли, изображенные на надгробиях, можно отнести к трем видам. Первый — сабли с длинным, узким и слабоизогнутым клинком (табл. XXII, 2(в)). По большей части они изображены в ножнах. Перекрестья у них прямые. Рукоятки сделаны с накладными пластинами и наклонены в сторону лезвия. Пластины прикреплены к рукоятки при помощи трех-четырех шипов-заклепок. Такие сабли изображены на одном из ранних видов пирамидок.

Другой вид — более короткие и с более изогнутым клинком сабли (табл. XXII, 2(г)). Известны изображения таких сабель в ножнах. Как изображения сабель в ножнах, так и с обнаженным клинком позволяют отнести эти сабли к короткоконечным. Рукоятки имеют прямое перекрестье. Часто в середине перекрестья в сторону клинка изобра-

жен острый выступ, который находит на ножны. Аналогичные выступы сделаны на перекрестьях многих туркменских сабель конца XIX — начала XX в. Рукояти сабель наклонены в сторону лезвия. Изображения сабель этой группы сделаны по большей части на пирамидках того же вида, что и сабли предыдущей группы.

Третий вид составляют сабли с длинноконечными клинками. Их изображения сделаны менее тщательно. Перекрестья двух видов — прямые и опущенные в сторону рукояти. Рукояти или наклонены в сторону лезвия или прямые. Последний вариант рукояти является, вероятно, результатом упрощения изображения. Они изображены на пирамидках с овальным навершием, т. е. на более поздних надгробиях.

Форма сабель подтверждает принятую относительную датировку погребений с надгробиями-пирамидками. По существующей классификации этого вида оружия⁸⁰ короткоконечные сабли с небольшим изгибом клинка и слабым наклоном рукояти являются более ранними, нежели сабли с сильно искривленным и длинноконечным клинком⁸¹. Это согласуется с имеющимися материалами из Западной Туркмении и Мангышлака. На ранних пирамидках изображены сабли со слабоизогнутыми и короткоконечными клинками, а на поздних — длинноконечные с сильным изгибом. Что же касается разных форм рукоятей, то «различия в форме рукояти являются вторичным признаком и могут лишь определять тип»⁸². Сабли с сильно наклоненными в сторону лезвия рукоятями характерны для юго-восточной Европы X—XI вв.⁸³ Представляется, что нет достаточных оснований принять эту дату для погребений восточного берега Каспия, так как нет других материалов, ее подтверждающих. Кроме того, нет уверенности, что сабли на камнях точно копируют оригинал. Тем не менее, изображения архаичных форм сабель на надгробиях дают основание для некоторого удревления этих памятников.

Довольно часто на надгробиях встречаются изображения лука (табл. XIV, 13). О его конструкции судить довольно трудно. Можно предполагать, судя по загнутым кошам, что он был сложным. Стрелы изображены с массивными ромбовидными наконечниками.

Футляры для лука изображены на двух надгробиях — один — на пирамидке из Мангышлака (табл. XXIII, 5), другой — на каменном столбе из Бедели-ата (табл. VIII, 2). Несмотря на громадное расстояние, которое разделяет эти надгробия, изображенные футляры для лука мало отличаются друг от друга.

В вооружение туркменского воина входили боевые топоры. Можно выделить два типа топоров: большие секиры (табл. XXII, 2(а)) и небольшие узкие топоры (табл. XXII, 2(а)). Иногда нижний край лезвия топора изображен несколько удлиненным.

На одном из каменных столбов Бедели-ата сохранилось изображение палицы (табл. XXII, 2(б)).

На более поздних надгробиях-пирамидках с овальными навершиями известны изображения ружей (табл. XXII, 2(д)). Они имеются на пирамидках того же типа, на которых выбиты длинноконечные сабли. Ружья имеют короткий загнутый книзу приклад и в передней части

⁸⁰ Н. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, 1950, т. XIII; Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, 1953, т. XXIII.

⁸¹ Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, 1953, т. XXIII.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

ложка сделаны ножи для стрельбы с упора. Такие приспособления до сих пор бытуют у туркмен. Если судить по аналогичным ружьям, хранящимся в музее Истории АН ТССР, то они должны быть иранской, а не местной работы. Но это только предположение, которое нуждается в проверке.

Из приведенного перечня оружия, изображенного на надгробиях, из многократности повторений рисунков оружия на надгробиях складывается мнение, что военное дело у средневековых туркмен стояло на довольно высоком уровне. Наряду с легким оружием — саблями и луками, широко были распространены топоры и копья — оружие для поражения тяжеловооруженного противника. Такой набор вооружения свидетельствует о воинственном характере населения восточного берега Каспийского моря. В связи с этим, как уже отмечалось, вызывает большое сомнение грандиозные победы хорезмских ханов и персидских шахов над туркменами, столь блистательно описанные средневековыми хронистами. К сожалению, тенденция этих хронистов представить туркмен слабым и беззащитным народом, который били все завоеватели, в известной мере продолжается и в литературе XIX и XX вв.

Изображение оружия на надгробиях является важным признаком для определения половой принадлежности погребенного. Все вскрытые погребения, на надгробии которых изображены предметы вооружения — мужские. Антропологическое определение костных остатков подтвердило это.

На кладбищах Мангышлака много надгробий, на которых изображены ножницы, круглые зеркала с ручками и двусторонние гребни (табл. XXI, 8). Вероятно, в этих могилах захоронены женщины. Предположение требует проверки, поскольку захоронения на Мангышлаке не вскрывались.

Средневековые погребения дают некоторый, правда весьма небольшой, материал для изучения украшений туркмен. Сейчас известны только браслеты, кольца и бусы из погребений кладбища Ак-тепе. Изображение на надгробии на кладбище № 1 на юго-восточном берегу Кара-Богаз-Гола дополняет эту коллекцию еще одним предметом — зумором (табл. XXII, 1). Такой вид украшения до сего дня бытует у туркмен.

Общественный строй. Одним из наиболее сложных вопросов истории туркмен является их общественный строй. Существуют разные, порой взаимоисключающие точки зрения на социальную организацию туркменского общества до недавнего прошлого. В значительной мере упрощая, их можно свести к двум. Сторонники одной (авторы «Очерков истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», Истории ТССР, А. А. Росляков и др.) утверждают, что в туркменском обществе уже в средние века сложились феодальные отношения, выделилась феодальная верхушка и оформились феодальные отношения.

Другая часть исследователей (Г. Е. Марков, А. Оразов, К. Нурмухаммедов и др.) считают, что феодальные отношения у туркмен до оседания их в земледельческих оазисах не получили сколько-нибудь заметного развития. Они полагают, что у туркмен сложилась своеобразная форма социальной организации, отличная от феодальной. Эта форма организации обусловлена рядом экономических, политических и географических условий.

Мы не стремимся здесь решить эту проблему. Для этого понадобились бы специальные исследования. Приведем только материал, по-

лученный в результате анализа средневековых погребений, который имеет отношение к этому вопросу.

Нам представляется, что средневековые погребения свидетельствуют в пользу второй точки зрения.

За время работ в Северо-Западной Туркмении зарегистрировано только одно сооружение, могущее быть захоронением знатного и богатого человека — кирпичное здание на кладбище в Кошобе. На остальных обследованных средневековых кладбищах Балхан подобных сооружений нет.

Ссылка на нивелировку погребений мусульманским обрядом неправомочна. Широко известны величественные погребальные сооружения во всех странах и у всех народов, исповедующих ислам. Примером могут служить усыпальница Тимура-Гур-Эмир — и другие аналогичные сооружения Самарканда, Бухары, мазары — мавзолеи Хорезма, Мерва, Серахса и т. п.

Такие же мавзолеи известны и в Западной Туркмении, но в зоне оседлых земледельцев — около Мешед-Миссариана, в Парау, в Кодже, по долинам Сумбара и Чандыря. Несомненно, в этих районах феодальные отношения сложились рано и получили всестороннее развитие. В степной же зоне — на Балханах погребения не свидетельствуют о выделении в обществе кочевников-скотоводов феодальной верхушки. Возражение, что кочевники иначе, нежели земледельцы, оформляли захоронения знатных и богатых людей, т. е. феодальной верхушки, также отпадает. На кладбищах в северной части Мангышлака — в районах, связанных с Хорезмом и расположенных ближе к центрам Золотой Орды и других государственных объединений кочевников, имеется много больших каменных мавзолеев. Вероятно, здесь классовое и имущественное расслоение общества зашло несравненно дальше, нежели на Балханах.

О том, что кочевники-скотоводы оформляют погребения состоятельных людей значительно богаче погребений рядовых общинников, свидетельствуют захоронения XIX—XX вв. Байские могилы, как туркменские, так и казахские, помещены в больших каменных мазарах, на сооружение которых нужны были значительные средства. Примечательно, что туркменские надмогильные сооружения богатых захоронений XX в. имеют много общих черт в конструкции с казахскими. В ряде случаев наблюдается прямое заимствование. Вероятно, у туркмен Балхан в прошлом не было в обычае сооружать надмогильные памятники, показывающие состоятельность погребенного. Отлично от рядовых могил оформлялись только захоронения «святых» людей.

Усматривать в погребениях «святых» на Балханах могилы феодальной знати по меньшей мере необоснованно. Тогда следовало бы признать, что феодальные вожди выходили только из «овляд», т. е. из наименее самостоятельных в политическом и экономическом отношении групп. В этом случае нужно было бы признать и то, что за все время пребывания туркмен на Балханах «феодальных вождей» было немногим более пятидесяти, т. е. столько же, сколько было на Балханах могил «святых». При том количестве племен, которое известно в районе Балхан, только по письменным источникам на каждое племя приходилось бы по 2—3 «феодала» за 7—8 столетий. Это звучит абсурдно.

Означает ли отсутствие больших мавзолеев-усыпальниц то, что в среде кочевников не было имущественного расслоения? Конечно, нет. Если вернуться к типам надмогильных сооружений и их размещению на кладбищах, то мы увидим, что рядом с хорошо отделанными боль-

шими надгробиями-пирамидками размещены (в тех же «стратиграфических поясах») и погребения с двумя необработанными стелами, т. е. с менее дорогостоящими надгробными сооружениями. Вероятно, степень обработки надмогильных камней отражает экономическое состояние той или иной семьи. Однако здесь следует учитывать и то, что в тот период, когда ставились над могилами пирамидки, было столько же погребений с двумя стелами. На отдельных могильниках захоронений с пирамидками значительно больше, нежели со стелами. Обратное соотношение наблюдается только к концу XVIII в.

Такое одновременное бытование двух типов надмогильных сооружений по всей обследованной области может объясняться делением туркменского общества на две части — благородных «игов» и неблагородных «кулов». Может быть, это деление в известной мере отражает и имущественное неравенство. Правовое неравенство этих групп сомнения не вызывает.

В заключение следует сказать, что решать вопрос о социальной структуре туркменского общества сразу для всех племенных групп невозможно. Находясь в разных географических и политических условиях, туркменские племена не могли быть полностью похожи друг на друга. Племена, расселенные на территориях феодальных государств (например, в Хивинском ханстве, Бухарском эмирате, в Персидской державе и т. п.), не могли, разумеется, сохранять свой общественный строй в «первозданном» виде. Экономические законы феодальных обществ наложили свой отпечаток на их общественный строй. Другое дело в степи, где экономические условия были иными. Там у туркмен и была иная социальная организация, которая в наибольшей мере соответствовала их экономике. Поэтому при решении вопроса о социальной структуре туркменского общества надо подходить дифференцированно, учитывать специфику того или иного района. Примеров, когда у одного народа одновременно существуют различные социальные структуры общества, в истории достаточно много.

Религиозные верования. Несомненный интерес представляют средневековые погребения для исследователей истории религиозных верований туркмен. Современные, и в меньшей мере средневековые, погребальные сооружения уже использовались в этом плане⁸⁴.

Мы не ставим здесь перед собой цель рассмотреть все стороны религии туркмен, которые так или иначе отразились в погребальных сооружениях. Здесь лишь приводятся примеры, показывающие значение данного вида источника для истории религиозных верований туркменского народа.

Официально туркмены исповедовали ислам суннитского толка. Однако еще до начала XX в. у них довольно четко прослеживались отдельные элементы доисламских верований⁸⁵. Эти верования нашли свое отражение и в погребальных сооружениях.

Наиболее четко прослеживается культ огня. Многочисленные светильники на кладбищах и светильники на надгробиях достаточно хорошо об этом свидетельствуют.

О том, что средневековые туркмены были «плохими мусульманами», свидетельствуют и изображения на надгробиях человеческих фигур и животных. Правда, шииты не придерживаются этого правила. Вероятно, изображение живых существ и часто встречающееся пяти-

⁸⁴ В. Н. Б а с и л о в. О пережитках тотемизма у туркмен. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

⁸⁵ С. М. Д е м и д о в. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских верований и обрядов... Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI; В. Н. Б а с и л о в. Культ святых в исламе. М., 1970.

палое изображение человеческой руки — символа шиизма, позволяет предполагать, что в среде туркмен были шиитские группы. Это тем более вероятно, поскольку у малоазийских туркмен-кочевников шиизм был распространен еще со времен Сельджуков, которые отличались веротерпимостью⁸⁶.

В связи с этим представляется спорным положение, высказанное Ю. Э. Брегелем, который отмечает, что «как и в предыдущие» периоды, этнический состав оседлого населения сильно отличался от этнического состава кочевников. Основную часть оседлых жителей по-прежнему составляли иранцы. Об этом косвенно свидетельствуют письменные источники, отмечающие, что население городов и целых провинций Северного Хорасана как в начале XVI, так и в конце XVII в. были шиитами⁸⁷.

Погребальный обряд средневековых туркмен, насколько позволяют судить вскрытые погребения, не отличался от современного⁸⁸. Вещей в могилах нет, зато много предметов изображено на надгробиях, «которые в домусульманский период обязательно положили бы вместе с покойником в могилу»⁸⁹. Трудно судить, насколько это утверждение универсально для всех периодов. Известны случаи немусульманских погребений без вещей, а мусульманских с вещами⁹⁰.

В меньшей степени заметно влияние ислама на конструкцию надгробных сооружений. В. И. Марковин считает, что каменные стелы на мусульманских кладбищах Кавказа являются пережитками язычества⁹¹. Возможно, «язычество» и не совсем подходящий в данном случае термин, но предположение, что надгробия являются пережитком доисламских верований, вполне вероятно. Помимо всего прочего, не согласуется с мусульманской традицией установка надгробий типа «ящички». Для установки такого ящика необходимо, хотя и частично, вскрывать могилу, чтобы закрепить стенки надгробия.

Не характерны для мусульман и групповые погребения в склепах и трупоположение в гробах.

Конечно, приведенный материал не означает, что в рассматриваемое время ислам не был распространен в изучаемых районах. Но, вероятно, он во многом воспринял местные культы, часть которых была канонизирована мусульманским духовенством. В первую очередь, это относится к культуре «святых» могил⁹².

Краниологические материалы из погребений Западной Туркмении⁹³

Краниологические материалы имеются в нашем распоряжении почти из всех районов Западной Туркмении. В Ахале этот материал представлен черепами из погребений на кладбищах Ак-депе, в Чулийском ущелье (Гез-баш), у городища Парау и у городища Шахр-Ислам.

⁸⁶ В. А. Гордлевский. Ук. соч., стр. 205; См. также П. И. Петров. Данные источников о составе воинских контингентов Исмаила I. «Народы Азии и Африки», 1964, № 3.

⁸⁷ Ю. Э. Брегель. Этническая карта Южной Туркмении и Хорасана в XVII—XVIII вв., КСИЭ, т. XXXI, 1959, стр. 15.

⁸⁸ Ш. Аппаклычев. Похоронные обряды туркмен Челекена. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.

⁸⁹ В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. В кн.: «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 277.

⁹⁰ Г. Е. Марков. Средневековое кладбище Ак-тепе. Тр. ИИАЭ, 1958, т. V.

⁹¹ В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 277.

⁹² С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 328.

⁹³ Краниологические материалы исследовались старшим научным сотрудником Института и Музея антропологии МГУ Н. Г. Залкинд.

Наибольшее количество черепов получено из Парау⁹⁴. Серию можно разделить на две части. Пять мужских черепов обладают типично европеоидными признаками — узколицевые, с сильно выступающим носом, сильно профилированные, с черепным указателем на границе между мезо- и брахикранией. Большая часть черепов обладает так называемой «фринкентской» деформацией (в различной степени уплощена теменно-затылочная область). В Ахале наибольшее сходство они обнаруживают с черепами из Ак-депе.

Вторую группу этой серии составляют три очень широколицых брахикраних черепа. Они, несомненно, также принадлежат к европеоидам, но со смягченными признаками — умеренное выступление носа и большие размеры углов горизонтальной профилировки. Вероятно, это можно расценивать как сдвиг в сторону «монголоидности». Эти черепа очень сходны с черепами из погребений Красноводского полуострова (Балханы).

Черепы из Бедели-ата⁹⁵ в юго-западной Туркмении также делятся на две группы. Десять из этих черепов принадлежат к ярко выраженным европеоидам, на 14-ти заметно смягчение европеоидных черт. Во многих случаях наблюдается резкое выступание носа.

В черепах из погребений Красноводского полуострова (Балханы)⁹⁶ преобладает резкая брахикrania, сочетающаяся с крупными размерами лицевого скелета. В серии также имеются три долихокраних черепа без следов искусственной деформации. Долихокrania сочетается у них с резко выраженными европеоидными чертами и более резким выступанием носовых костей, нежели у брахикраний части серии. На брахикраних черепах в ряде случаев есть следы деформации.

В целом для всей серии из средневековых погребений западных районов Туркмении характерны:

1. Брахикrania, часто очень сильная.
2. Отсутствие «туркменской» деформации. Если же деформация и есть, то она прослеживается в виде уплощения в затылочной области и представляет собой деформацию другого типа.
3. Для подавляющего большинства черепов характерны крупные или средние размеры.
4. Часты очень крупные размеры лицевого скелета (большая скуловая ширина и большая высота лица).
5. Выступание носовых костей среднее или сильное. Иногда носовые кости выступают слабо.
6. По углам горизонтальной профилировки лицо часто среднепрофилировано или даже слегка уплощено.
7. Черепа обладают среднеразвитым рельефом.
8. Клыковая ямка в большинстве случаев средняя или неглубокая.

Важно отметить, что, несмотря на отдельные различия, серия все же характеризуется большой общностью черт. Имеющийся материал не позволяет отнести тот или иной выделенный компонент к какому-либо типу погребений. Например, наиболее резко выделяющиеся долихокраних черепа получены из погребений, отмеченных и «ящичками», и пирамидками. Черепа с монголоидными признаками изъяты из могил, обозначенных и «пирамидками» (два черепа), и «двумя стела-

⁹⁴ Н. Г. Залкинд и С. П. Поляков. Краниологические материалы из средневековых погребений Южной и Северо-Западной Туркмении. ВА, 1962, вып. 11.

⁹⁵ Н. Г. Залкинд, С. П. Поляков. Краниологические материалы Бедели-ата. ВА, 1964, вып. 16.

⁹⁶ Н. Г. Залкинд, С. П. Поляков. Краниологические материалы из средневековых погребений Южной и Северо-Западной Туркмении. ВА, 1962, вып. 11.

ми» (один череп). Следует также подчеркнуть, что краниологические материалы из разных мест Западной Туркмении в целом не дают существенных различий, свидетельствуя об однородности населения там в средние века. Примечательно, что прослеживается сходство черепов из средневековых захоронений в Бедели-ата и черепов из курганных погребений рубежа нашей эры из западного Копет-Дага⁹⁷, отстоящих не более чем на 100 км.

Краниологические материалы из средневековых погребений Западной Туркмении обнаруживают сходство с черепами погребений зароастрийцев XIII в. из Фринкента⁹⁸ и с черепами из средневекового Хорезма (Наринджан-баба)⁹⁹. Наряду с этим не прослеживается сходство со средневековыми черепами из Мерва¹⁰⁰.

Может возникнуть вопрос — какая антропологическая связь существует между средневековым и современным населением Западной Туркмении? Ведь по существующему мнению туркмены стоят особняком в антропологическом отношении среди остальных народов Средней Азии, отличаясь именно своей долихокефалией. Может быть, средневековое население Западной Туркмении и современное население не связаны между собой?

Исследования, проводившиеся на живых субъектах, могут свидетельствовать в пользу того мнения, что долихокrania современных туркмен является результатом искусственной деформации. Кроме того, можно говорить о преемственности между средневековым населением Западной Туркмении и современными туркменами. Головной указатель у измеренных Т. Н. Дунаевской детей туркмен, которым не бинтовали и не повязывали платком головы, равен 80. Близок к нему и головной указатель серии детских черепов из средневековых погребений. Он колеблется в тех же пределах, что и у взрослых (81—83).

Неясен вопрос о времени появления монголоидной примеси, которая на немногих черепах весьма заметна. Принесли ли ее скотоводческие группы в VI—VII вв., известные нам под названием «огузов», «карлуков» и т. п., или же какие-то племена в период Золотой Орды, ответить пока нельзя. Сейчас можно лишь говорить о том, что, вероятнее всего, монголоидная примесь получена не непосредственно от монголоидных групп. Скорее всего, она попала через какое-то население приаральских степей, принадлежавшее в антропологическом отношении к южно-сибирской расе.

Рассмотренная краниологическая серия заставляет критически отнестись к характеристике предков туркмен, данной в работах Л. В. Ошанина¹⁰¹. Впервые на это обратил внимание М. Г. Левин¹⁰²,

⁹⁷ Т. П. Кияткина. Краниологический материал из катакомбных захоронений античного времени в Южной Туркмении. Научн. тр. ТашГУ, вып. 235. Ташкент, 1964.

⁹⁸ В. В. Гинзбург. Черепа из Зороастрийского кладбища VIII в. во Фринкенте. Сб. МАЭ, 1949, т. X.

⁹⁹ Н. Г. Залкинд. Краниологические материалы с территории древнего Хорезма. Труды Хорезмской экспедиции, 1952, т. I.

¹⁰⁰ В. Я. Зезенкова. Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва. Тр. ЮТАКЭ, 1959, т. IX.

¹⁰¹ Л. В. Ошанин. Тысячелетия давность долихокефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Изв. Средазкомстариса, 1926, № 1; его же. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифосарматского происхождения туркмен. Изв. Средазкомстариса, 1928, № 3; его же. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. Изв. АН СССР, 1952, № 4; его же. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа. Тр. ЮТАКЭ, 1959, т. IX; его же. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Тр. ЮТАКЭ, 1959, т. IX.

¹⁰² М. Г. Левин. Деформация головы у туркмен (к вопросу о туркменской долихокефалии). СЭ, 1947, тт. VI—VII.

указав на наличие брахикрании у туркменских детей с недеформированной головой.

Не является ли выделенный Л. В. Ошаниным «закаспийский» антропологический тип, характерный для туркмен, результатом искусственной деформации, удлиняющей голову? Не была ли долихокефалия у туркмен явлением не тысячелетней давности, а гораздо более позднего происхождения^{103?}

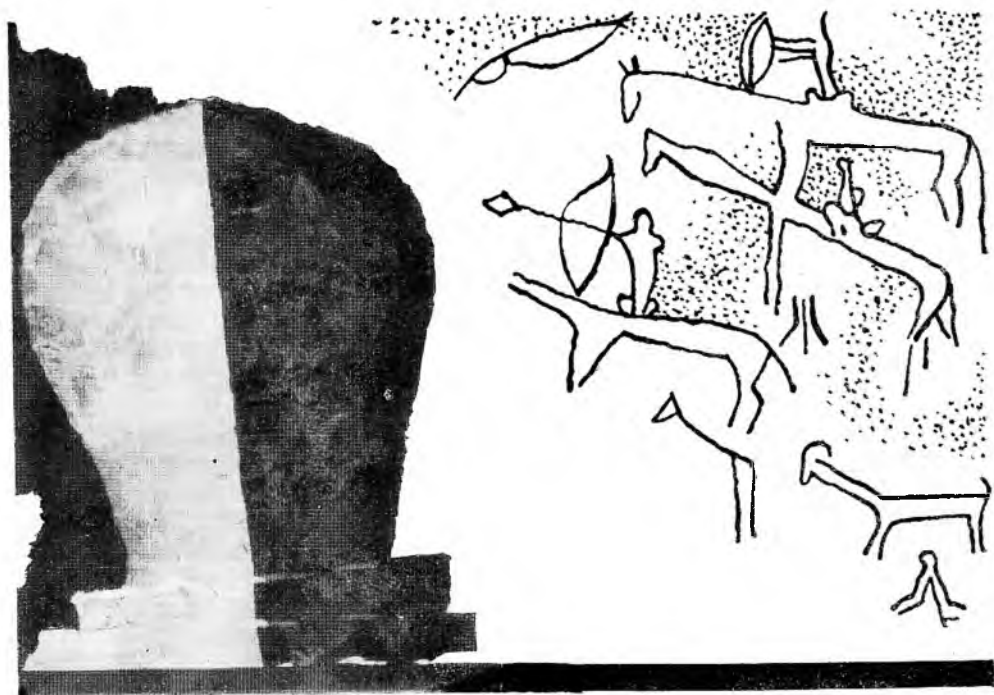
По материалам ТАЭЭ искусственную деформацию можно проследить только на черепах XIX в. (Шахр-Ислам). В то же время на более ранних черепах (даже из этого же могильника) долихокефалии и «туркменской» деформации нет. Вероятнее всего, эта деформация получила широкое распространение в туркменском обществе, где-то в промежутке времени между XVII и XIX вв. (на черепах XIX в. она уже хорошо заметна). В пользу этого предположения свидетельствует антропологический тип туркмен Турции. Для них характерна брахикрания. Насколько можно судить по имеющимся материалам, долихокефальных туркменских групп в Турции нет. Турецкие исследователи отмечают, что сельджукские черепа из погребений в Малой Азии брахикранны. По Афет Инону головной указатель сельджуков 86,51, а турецких туркмен — 84,07. А ведь туркмены могли попасть в Малую Азию не позднее XVI в., т. е. до того времени, когда у них появился обычай бинтования головы.

Вероятно, этот обычай имеет местную, среднеазиатскую основу и появился у туркмен сравнительно недавно. Возможно, что он был заимствован у какой-то группы, влившейся в состав туркменского народа в позднем средневековье.

Точно ответить на этот вопрос можно будет лишь после проведения широких археологических и антропологических работ на всей территории Туркмении и сопредельных областей. При организации этих работ совершенно необходима одновременная работа в одном районе археологов, этнографов и антропологов. Причем, обязательным условием должно быть участие этнографов в антропологических отрядах, поскольку при обработке антропологического материала необходимо учитывать былую племенную принадлежность индивидуумов, вплоть до небольших тире. Только такой подход позволит собрать материал, который сможет дать ответ на вопрос о происхождении антропологического типа туркмен.

¹⁰³ Подробно о брахикранном населении Средней Азии и Туркмении, в частности, см. сб. «Проблемы этнической антропологии Средней Азии». Научн. тр. ТашГУ, вып. 235. Ташкент, 1964.

Глава IV

ПЛЕМЕННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ И РАССЕЛЕНИЕ ТУРКМЕНСКИХ ПЛЕМЕН В СРЕДНИЕ ВЕКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

После рассмотрения вопроса о временных изменениях в погребальных сооружениях, естественно, возникает вопрос — а как же быть с племенными группами, деление на которые в недавнем прошлом еще четко прослеживалось у туркмен¹. В какой степени это деление отразилось на погребениях и на наиболее чутких их частях — надгробиях? Если проводить аналогии с явлениями в материальной культуре, то такие различия должны быть. Например, в ковровых узорах племенные различия прослеживались довольно четко еще в недавнем прошлом².

Если предположить, что погребения с выделенными типами или видами надгробий соответствуют каким-то племенам, то получится, что в один исторический период по всей обследованной области жило одно племя, оставившее, например, погребения с ящиками. Затем, на смену ему в тех же местах поселилось другое племя, оставившее «плиты с фертами». После него — племя «пирамидок» и т. д. То есть чередование племен по всей Западной Туркмении должно соответ-

¹ Г. И. Карпов. Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк, 1925.

² Ф. В. Гогель. Туркменский ковер. М., 1927; его же. Ковры. М., 1950.

воватъ расположению погребений на кладбищах. Пока для утверждения этого предположения оснований нет, во всяком случае для изучаемого периода.

Нанесем на карту средневековые погребения и сопоставим их с известными письменными источниками, учитывая те немногочисленные данные о племенной принадлежности погребений, которыми мы располагаем.

По данным письменных источников, в изучаемой области и в сопредельных районах в самых ранних источниках упоминается только одно туркменское племя, которое занимало в X—XII вв.³ все эти обширные пространства — племя языров. Известны три группы языров — языры мангышлакские, языры фарские и собственно языры. Трудно сейчас говорить, что понимал Бекран под «язырами фарскими». Вполне возможно, что он имел в виду языров, живших в современном Ахальском оазисе, или где-то в районе, примыкающем к Ирану. Следовательно, если языры жили в X—XII вв. на Мангышлаке, на Балханах⁴ и где-то южнее Балхан — ближе к Ирану, то в этих местах должны быть и однотипные погребения, датируемые, приблизительно, этим временем. Сейчас пока известны только два типа погребений, которые известны во всех трех местах, где упоминаются языры, и относящиеся ко времени ранее XIII в. Это погребения в склепах (табл. V, 4, 14, 15) и погребения, обозначенные каменными ящиками с фертообразными стелами-стенками (табл. X, XV, 32, 33). Они концентрируются в трех основных местах — на Мангышлаке около аула Удек, на Балханах около аула, носящего также название Удек и в районе аула Кошоба и в предгорьях Копет-Дага и Кюрен-Дага, т. е. от Дуруна до Феравы. В подгорной полосе этот участок первоначально был известен как «языров юрт»⁵, а позднее как район расселения карадашлинцев⁶. В самом Копет-Даге, в местах, связывающихся местным населением с карадашлинцами, сохранились могильники с захоронениями, обозначенными каменными ящиками. Надгробные сооружения довольно сильно разрушены, но, очевидно, они мало отличаются от балханских «ящиков».

Короче говоря, размещение этих двух видов погребений («склепы» и «ящики») совпадают с местами, где письменные источники помещают языров в X—XII вв. Судьба языров нам в какой-то мере известна до XIII — начала XIV в. После этого о них вообще ничего не упоминается. Начиная с XVII в.⁷ письменные источники называют их карадашлы. Насколько реальна эта преемственность, говорить пока трудно. Неясно, почему языры Балхан и Мангышлака утратили свое название. О том, что языры не все ушли оттуда, свидетельствуют погребения: наблюдается непрерывная преемственность в формах захоронений. Кроме того, косвенным свидетельством о более позднем пребывании языров на Балханах может служить сохранение некоторых названий, в частности, название колодца Туер (Дукер): в числе внуков Огуз-хана, сыновей Айхана известен был Дукер, младший брат Языра⁸.

³ МИТТ, т. I, стр. 349.

⁴ История Туркменской ССР, т. I, кн. I. Ашхабад, 1957, стр. 199.

⁵ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 68.

⁶ В. Г. Мошкова. Отчет о работе этнографической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, 1953, т. II.

⁷ А. Н. Кононов. Уж соч., стр. 68.

⁸ Там же, стр. 51.

В XI—XII вв. на Балханах упоминаются помимо языров еще несколько туркменских групп. Это оклы, коклы, султанлы и агары⁹. Называются также и сельджуки¹⁰, для которых Балханы являлись только временным убежищем. Кроме того, что сельджуки были на Балханах недолго, искать там их погребения нецелесообразно еще и потому, что для Туркмении этот «этноним» ничего не значит, кроме политического объединения. Это, конечно, не означает, что внутри сельджукского объединения не было деления на племена. Но нам неизвестно, какие племена в него входили, когда сельджуки были на Балханах. Не исключена возможность, что часть вышеперечисленных племен называлась сельджуками.

Большого внимания заслуживают определенные племенные группы. К сожалению, у нас нет сколько-нибудь достоверных сведений об оклы, коклы и султанлы в Западной Туркмении. Несомненно, их погребения сохранились, но какие они были, пока неясно. Несколько больше можно сказать об агарах. О них сохранилось (правда очень смутное) воспоминание в Кодже. Старожилы называют Агар-убака «гоном баши» коджинского кладбища¹¹. Надгробное сооружение на его могиле описано нами выше. Здесь лишь следует отметить, что по устройству надгробия и по своему положению на могильнике оно повторяет большинство аналогичных сооружений Балхан. Причем, именно тех мест, где есть погребения с «ящиками». Современное состояние сведений о коджинском могильнике позволяет отнести могилу Агар-убака ко времени не раньше XIII и не позднее XV вв. Она расположена среди погребений, отмеченных плитами, что определяет нижнюю дату этой могилы (пока в Кодже неизвестны более древние погребения), и около нее нет близкой и поздних погребений, обозначенных прямоугольными выкладками из кирпича. Эти выкладки с фертами создают второй следующий вслед за «плитами» пояс вокруг могилы «гоном баши».

Обращает на себя внимание вторая часть названия — «убак» («убык»). Под таким названием известен колодец на севере Чильмамедкумов (т. е. в средневековом Балхане). Кроме этого, одно из трех больших племенных подразделений атинцев называется также «убак»¹². Примечательно, что в тех местах, где есть наиболее ранние упоминания об атинцах, некогда расселялись языры. Это относится к упомянутому колодцу Туэр, это же можно отнести и к Коджу. Сам Кодж находился на территории язырова иля, а неподалеку, немногим более 50 км к югу, находится кладбище Пакир-ших, на котором информаторы показывают могилу Языр-хана, карадашлинца, тестя Пакир-шиха. Время жизни Пакир-шиха и Языр-хана шихи относят к XIII в. Интересно совпадение в датах могил Языр-хана и Агар-убака. Примечательно и другое, что сведения в Ахале, как о язырах, так и об агарах, обрываются в XIV в. К концу XV в. относится последнее упоминание уже не о народе, а об области Языр¹³. Обращает на себя внимание и то, что в местах расселения языров подавляющее большинство могил «гоном баши» принадлежит атинцам. В Балханах это Гезли-ата, Кемаль-ата, Дана-ата и др., в Ахале — Пару-ата, Арчман-ата и многие другие. Что же представляют собой атинцы — племя, расселенное в недавнем прошлом на местах древних языров?

⁹ А. Н. Кононов. Ук. соч., стр. 68 и другие источники.

¹⁰ МИТТ, т. I, стр. 289.

¹¹ Полевые записи ТАЭЭ за 1960 г.

¹² Полевые записки ТАЭЭ за 1955, 1956 и 1962 гг.

¹³ МИТТ, т. II, стр. 40 и 47.

История атинцев, пожалуй, нам известна хуже всего. Несмотря на то, что они занимали привилегированное положение как «овляд», в средневековых письменных источниках о них даже не упоминается. Первое упоминание об атинцах относится к началу XIX в. в связи с тем же колодцем Туер (Дукер) ¹⁴.

Сейчас история происхождения атинцев в какой-то мере восстановлена ¹⁵. Она начинается в лучшем случае с XVIII в., т. е. с периода, когда атинцев можно проследить по этнографическим материалам. По устным преданиям известно, что атинцы ведут свое происхождение от Гезли-ата, у которого было три сына — Омар-ата, Нур-ата и Убак-ата. По имени сыновей и называются три главных племенных подразделения атинцев ¹⁶. Омар-ата живут в Северной Туркмении (Хорезмский оазис и Дарган-ата) и Ахале; Нур-ата — в Нуратинских горах в Узбекистане. Убак-ата в начале XX в. откочевали в Иран.

Могила Гезли-ата — легендарного родоначальника атинцев — сама по себе даты его жизни не дает. В какой-то мере эти даты можно выявить косвенными путями. Судя по рассказам информаторов, Гезли-ата (его настоящее имя Эссен-ата) был сподвижником Ходжи Ахмета Ясави, одного из проповедников ислама в Туркестане в XII в. ¹⁷. Одновременно информаторы указывают, что Гезли-ата был женат на дочери Джанибека.

Если имеется в виду золотоордынский хан Джанибек, то это событие должно относиться ко времени его правления (1342—1357 гг.). Но самое раннее упоминание об Омар-хане (одном из сыновей Гезли-ата) относится к 1220 г. В. В. Бартольд пишет, что Омар-хан (по В. В. Бартольду последний язырский хан) был убит на границе области Языр ¹⁸. Что в данном случае понимается под границей этой области — неясно. Тут напрашивается аналогия между Омар-ханом Бартольда и Омар-ата, похороненным на Балханах. Это тем более вероятно, что южные отроги Балханских гор находились неподалеку от области Языр, поскольку Фарава входила в нее. Связь Омар-ата с Гезли-ата настойчиво подчеркивают атинцы из Дарган-ата, основываясь на преданиях. Они знают место, где на Балханах погребен Омар-ата. Свое же переселение из Балхан в Хивинский оазис атинцы помнят очень хорошо и до сих пор старики четко ориентируются в топографии Балхан. Они отлично знают названия всех колодцев, урочищ и т. п.

Наиболее важный момент заключается в том, что упоминание о лицах, которых в той или иной степени можно связывать с атинцами, относится к XIII—XIV вв., т. е. к периоду, когда фактически кончаются сведения о языках. Следует добавить, что время жизни Языр-хана, тесня Пакир-шиха, туркмены-шихи относят к XIII—XIV вв. Причем, как уже отмечалось, шихи называют Языр-хана карадашлинцем.

Правомочность отнесения всех этих событий к указанному времени подтверждается тем, что в XVI в. есть уже упоминания о привиле-

¹⁴ Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 г. и 1820 г., ч. 1. М., 1822, стр. 68.

¹⁵ Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961, стр. 89 и дальше; Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961; Полевые записи ТАЭЭ за 1954—1962 гг.

¹⁶ Все сведения об атинцах, на источник которых нет ссылок, взяты из полевых записей ТАЭЭ за период с 1954 по 1962 г.

¹⁷ Б. Кулиев. Распространение ислама в Туркестане в период раннего феодализма. Ученые записки ТашГУ, вып. XIX, 1961, стр. 257.

¹⁸ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 586.

гиях потомкам Гезли-ата¹⁹. Очевидно, в XVI в. атинцы в том виде, как мы их знаем теперь, уже существовали, но не упоминались еще как народ. Чем это вызвано, сказать трудно, тем более что Н. Н. Муравьев и Н. М. Лессар²⁰ говорят об атинцах как о некогда многочисленном и сильном народе. О многочисленности атинцев во время их расселения на Балханах свидетельствуют и могильники. Балханские помуты хорошо знают атинские кладбища и захоронения. Несмотря на враждебные в прошлом отношения с атинцами²¹, их кладбища почитаются и охраняются. На Балханах очень редко можно встретить кладбища, на которых не было бы атинских могил XVIII — начала XIX в. Погребения атинцев этого времени отмечены аккуратными высокими каменными выкладками. В подавляющем большинстве случаев на выкладках и могилах отсутствуют ферты. Внешне погребения XVIII в. почти ничем не отличаются от современных атинских захоронений в Северной Туркмении (табл. XX, 1—2). Заметное отличие от средневековых обнаруживают только захоронения самых последних десятилетий. Сейчас атинские надгробия не всегда делаются в виде высокой каменной кладки. Информаторы объясняют это отсутствием достаточного количества камня на месте (например, в Дарган-ата). Поэтому многие современные атинские погребения отмечены (имеется в виду Северная Туркмения) земляными холмиками. Современные атинские кладбища являются хорошей иллюстрацией перехода от каменных надгробий к земляным холмикам.

Примечательно, что на Балханах, в отличие от Ахала, атинские погребения очень четко отличаются от иомутских. На атинских кладбищах нет погребений, отмеченных фертами. В западной же части Ахала это не наблюдается. Здесь иомуты хоронят рядом с другими группами, в том числе и с атинцами. Но для Балхан и западной части Ахальского оазиса характерна одна закономерность. В тех местах, где население не живет уже с XVII в. или более раннего времени, фертов нет, т. е. нет иомутских захоронений в современном их оформлении. Но на всех кладбищах, где «гоном баши» оказываются из туркмен-ата, есть высокие прямоугольные выкладки. Погребения с такими выкладками датируются для Ахала XV—XVII вв., т. е. тем временем, когда уже «исчезли» языры. Примечательно, что в Ахале (Шахр-Ислам) выкладки сменяют «склепы» и карадашлинцы не считают могилы с выкладками своими.

Обращает на себя внимание и то, что ареал могил с высокими (атинскими) выкладками «гоном баши» ата и область расселения языров (подземные склепы и погребения с «ящиками») совпадают (табл. XXVI). Исключение составляют только районы Копет-Дага, где жили карадашлинцы.

Сказанное позволяет выдвинуть одно важное предположение. Возможно, что часть языров, которая не осела в Копет-Даге и не стала заниматься земледелием, впоследствии получила название «ата». Возможно, что этим происхождением от древнего племени объясняется «святость» атинцев и включение их в «овляд».

Вместе с язырами и другими туркменскими группами Балхан X—XII вв. в этом районе упоминаются салоры²². Сведения о них очень

¹⁹ Об этом сообщил Ю. Э. Брегель, ссылаясь на виденный им документ из архива А. Л. Куна. О привелегиях атинцам см. Г. Е. Марков. Ук. соч., стр. 89.

²⁰ Н. Н. Муравьев. Ук. соч., ч. I; П. И. Лессар. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. Изв. РГО, т. XX, вып. 1, 1884.

²¹ Г. Е. Марков. Ук. соч.

²² История Туркменской ССР, т. I, кн. 1, стр. 318.

фрагментарны и в большей мере относятся к Мангышлаку. Но уже в XIII в. на Балханах письменные источники напоминают только салоров. Какие погребения можно отнести к салорам XIII в.? «Каменные ящики», очевидно, отпадают. Вероятно, салорские погребения этого времени надо искать в следующих по времени типах захоронений — в погребениях, обозначенных плитами с двумя фертами, и в их дериватах — в группе «рогатых» и других близких к ним по времени пирамидках.

В связи с надгробными памятниками Крыма мы писали уже о том, что «рогатые пирамидки» можно относить к салорам. Помимо переселения Огурджика из Крыма можно привести еще ряд доводов в пользу этого предположения.

Сарсан Нурходжаев, один из немногих туркмен, живущих сейчас на Мангышлаке, со слов своего отца назвал племенную принадлежность некоторых захоронений на кладбище около поселка Кызылузень. В частности, «рогатую пирамидку» он отнес к «народу эрек». Самостоятельного племени эрек в последнее время у туркмен неизвестно. Но зато такое название носит одно из подразделений салоров²³. Погребения с «рогатыми пирамидками» сохранились на кладбище Удек III (табл. XIV, 12—13), расположенном в 12 км от аула Эрекли (Северо-балханская степь). В 500 м к юго-западу от аула еще в 1957 г. сохранялся довольно большой камень, на котором была выбита тамга «казаяк». Большинство письменных источников и этнографические материалы относят тамгу «казаяк» к салорам²⁴. У того тире иомутов, которое сейчас живет в ауле, такой тамги нет. Информаторы ничего о назначении камня сказать не могли.

Следует также отметить, что «рогатые» пирамидки хорошо иллюстрируют сведения, сообщаемые Абу-л-Гази о передвижении салорской группы Огурджика²⁵. По мере приближения к Балханам Огурджик все время терял какое-то количество «кибиток» и только с 300 кибитками пришел на Балханы со стороны Мангышлака. В соответствии с этим можно отметить заметное уменьшение количества «рогатых» пирамидок от Мангышлака по направлению к Балханам. Несомненно, приписывать салорам только «рогатые» пирамидки было бы неверно, поскольку на Балханах их не так уж много. Как отмечалось, к этому времени относится очень большое число захоронений, обозначенных различными видами пирамидок. Несомненно, часть из этих погребений принадлежала салорам XIII—XIV вв.

Что же касается других туркменских групп, живших на Балханах в XIII—XIV вв., то здесь легче других определяются погребения эрсаринцев. Ранее уже рассматривалось кладбище Эрсари-баба и разбирались типы погребений на нем²⁶. Кроме этого, по материалам Мангышлака (сведения Сарсана Нурходжаева) на кладбище около Кызылузена эрсаринцами принадлежат погребения с плоско-овальными пирамидками (табл. XXI, 10, 11). Таких надгробий на Эрсари-баба нет. Там есть пирамидки с навершием в виде «двускатной крыши», которые синхронны пирамидкам с плоско-овальными навершиями. Конеч-

²³ Об этом сообщил ст. научный сотрудник ИИАИЭ ТуркмССР А. Джикиев.

²⁴ МИТТ, т. I, стр. 309; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, ч. I. М.—Л., 1952, стр. 89; А. Н. Кононов. Ук. соч. стр. 53.

²⁵ А. Н. Кононов. Ук. соч., стр. 72.

²⁶ М. Г. Зайкинд, С. П. Поляков. Материалы к характеристике средневековых кладбищ Западной Туркмении. «Научные Труды ТашГУ», вып. 235. Ташкент, 1964.

но, это не означает, что на Балханах нет пирамидок с плоско-овальными навершиями. Таких пирамидок много, так же как много на Мангышлаке пирамидок с навершием в виде «двускатной крыши».

Эта группа надгробий, как отмечалось, генетически связана с «рогатыми» пирамидками и часть погребений, отмеченных такими памятниками, принадлежит салорам. Это важно подчеркнуть еще раз, так как Абул-л-Гази неоднократно подчеркивает, что Арасари-бай (Эрсари-баба) был человеком из салорского иля²⁷. В свете сказанного наличие у эрсаринцев двух типов пирамидок, синхронных друг другу и имеющих один исток, становится понятным.

В XIV в. на Балханах помимо эрсаринцев упоминаются ному-ты, теке и геркезы. О текинцах в этих местах сведения почти не сохранились. Только в двух местах информаторы указывают на текинские могильники. Это кладбища Омар-ата и у аула Геок-дере. Судя по письменным источникам, текинцы оставили Балханы в конце (по некоторым данным — в первой половине) XVII в. Стало быть, их погребения на могильниках должны предшествовать иомутским (или группам номутов, которые заняли Балханы в момент ухода отсюда теке). Сопоставляя погребения на этих двух могильниках, видно, что текинцам могут принадлежать погребения, обозначенные сложенными из плитняка пирамидками. Только они есть на обоих кладбищах и располагаются в поясах, предшествующих современным иомутским погребениям (имеются в виду номутские погребения с XVIII в). Помимо этих «примитивных» пирамидок совпадают еще и надгробия типа «ящички», но они относятся к более раннему времени. Примитивные текинские пирамидки, хотя несколько и отличаются от основной массы надгробий-пирамидок, все же, несомненно, должны быть причислены к пирамидкам.

Примечательно, что ни на каких других известных могильниках таких надгробий нет. Вероятно, эти погребения могут принадлежать «людям Тохтамыша», которые упоминаются «южнее Балхан», т. е. где-то в районе кладбища Омар-ата²⁸. Возможно, эти погребения можно отнести к текинцам или тем группам, из которых позднее сформировалась эта группа туркмен.

Могил, обозначенных «примитивными» пирамидками, немного. Хорошо заметна их трансформация в могилы с надгробиями типа «две стелы». Это отнюдь не означает, что захоронения, отмеченные «двумя стелами», принадлежат только текинцам. Они известны были и в более раннее время. Кроме того, этнографические материалы из Южной и Западной Туркмении²⁹ дают основание для объединения номутов, текинцев и сарыков в одну группу. Местные жители прямо указывают, что до того, как появились текинцы, номуты и сарыки, «все они были эрсари».

Принадлежность в сравнительно недавнем прошлом сарыков к текинцам и номутам признавал и Г. И. Карпов³⁰. Правда, он в большей мере объединял сарыков с текинцами. Полностью признать «родство» этих трех племен пока нельзя. Дело в том, что у сарыков устройство могильной ямы резко отличается от устройства таковой у текинцев и номутов. По довольно открыточным этнографическим данным известно, что некоторые группы эрсаринцев делают могильные ямы, аналогич-

²⁷ А. Н. Кононов. Ук. соч., стр. 75.

²⁸ См. раздел о погребениях Балхан.

²⁹ Полевые материалы ТАЭЭ за 1960 и 1961 гг.

³⁰ Г. И. Карпов. К истории туркмен-сарыков. Ашхабад, 1945.

ные по конструкции сарыкским. Но нельзя и не учитывать немалое сходство в духовной и материальной культуре этих трех групп³¹.

Чем объяснить такое расхождение в конструкции могильной ямы у сарыков и остальных туркмен, ответить пока трудно. Возможно, что сарыки в силу каких-то обстоятельств сохранили наиболее архаичную конструкцию могильной ямы. Но тогда она должна была бы быть прослежена и в средневековых погребениях в Западной Туркмении. Но там ничего подобного нет. Вряд ли можно говорить и о сохранении этой традиции у эрсаринцев. На кладбище Эрсари-баба могильных ям такой конструкции нет. Скорее всего здесь мы имеем дело с какими-то особенностями сарыков, истоки которых еще не ясны. Не исключена возможность заимствования такой конструкции сарыками и эрсаринцами у населения приамударьинских районов.

Что же касается «родства» этих трех племен, то здесь, очевидно, имеется в виду совместное расселение их в средние века на Балханах и прилегающих районах. В пользу этого свидетельствуют сарыкские кладбища на севере Чильмамедкумов, расположенные в местах, где жили эрсаринцы.

Иначе обстоит дело с иомутами. Надгробия-ферты известны на кладбищах XVIII—XIX вв., но не встречаются в более ранние периоды. Их нет даже и в тех местах Мангышлака, и в более северных районах (например, в песках Сам), которые считаются прародиной иомутов³². Погребения на кладбищах в этих местах обозначены различными пирамидками. Вероятно, в рассматриваемое время, т. е. в XIII—XIV вв. и в последующие периоды предки современных иомутов ставили на могилы пирамидки. Возможно, эти пирамидки где-то на рубеже XVIII в. «трансформировались» в ферты. Этот переход прослеживается достаточно хорошо.

XIII—XIV вв. — это время широкого распространения пирамидок по всему восточному берегу Каспийского моря. Это, очевидно, свидетельствует о расселении туркменских групп по всей этой области. Появляются новые могильники, на которых нет погребений, отмеченных «ящиками», на многих из них отсутствуют погребения с «плитами». Если же погребения с «плитами» и есть, то они немногочисленны, а «плиты» отличаются от пирамидок только наличием фертообразных стел. Резко увеличиваются размеры выкладок под пирамидками и, что особенно важно, появляются надписи. Чаше стали выбивать на надгробиях тамги.

Тамги

В данном разделе работы не ставится цель всесторонне рассмотреть туркменские тамги, их происхождение, назначение, семантику и т. п. Здесь лишь делается попытка выяснить, насколько возможно доверять тамгам в определении племенной принадлежности погребения. В связи с этим возникает вопрос — является ли тамга на памятнике обозначением принадлежности погребенного человека к племени или же тамга на надгробии указывает на принадлежность его к племени по подразделению?

На этот счет в туркменоведении существуют две точки зрения. В работах Г. И. Карпова³³ проводится мысль, что тамги, в частности,

³¹ К. Овезбердыев. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI.

³² Сведения о том, что ташаузские иомуты считают пески Сам своей прародиной, любезно сообщила ст. научный сотрудник ИЭ АН СССР Г. П. Васильева.

³³ Г. И. Карпов. «Тамга» (родовые знаки у туркмен). «Туркменоведение», 1929, № 8—9; его же. Родовые тамги у туркмен. ИАН ТуркмССР, 1945, № 5—6.

приведенные у Махмуда Кашгарского, Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази, являются племенными знаками.

Другая точка зрения высказана Г. Е. Марковым. Он пишет: «племена имели не одного тамгу, а несколько, соответственно числу их подразделений»³⁴. Существующий этнографический материал свидетельствует в пользу последнего предположения. Причем это подтверждается не только туркменским материалом, но и данными по тамгам других народов³⁵.

У современных туркмен тамги, разумеется, потеряли свое прежнее значение и молодежь их почти не знает. Но люди старшего поколения довольно хорошо помнят тамги племенных подразделений, существовавшие в XIX — начале XX в. Тогда тамга являлась знаком собственности, причем туркмены клеймили тамгой только верблюдов.

Помимо тамги племенного подразделения каждый туркмен, который вел самостоятельно хозяйство, добавлял к ней свой особый знак — черточку, точку и т. п. В XIX — начале XX в. исследователи имели место не с тамгами племенных подразделений, а с тамгами отдельных семей³⁶.

Тамги старших сыновей отличались от отцовской какими-нибудь незначительными дополнениями. Младшие сыновья, как правило, от отца не отделялись и наследовали тамгу вместе с отцовским хозяйством.

Кроме рисунка тамги большое значение имело место на теле верблюда, куда тамга ставилась. Совершенно одинаковая тамга, но выжженная в разных местах (на шее, на бедре, на щекс и т. д.) показывала принадлежность хозяина стада к тому или другому подразделению.

На камне место для тамги одно, и таким образом немаловажная деталь для определения племенного подразделения теряется. Теряются на надгробиях и такие отличительные дополнительные признаки семейной тамги и тамги мелкого племенного подразделения как надрез уха у верблюда, которого клеймят той или иной тамгой³⁷. То есть на надгробии остается тамга, которая показывает принадлежность к тому или иному племенному подразделению, порой довольно мелкому.

Часто на современных надгробиях можно видеть изображения двух тамг — семейной или мелкого подразделения и более крупного племенного подразделения. Что касается средневековых памятников, то на них изображение двух тамг встречается довольно редко.

Насколько точно соответствует современное положение относительно тамг средневековому, сказать трудно. Во всяком случае, если в силу указанных обстоятельств не сохранились детали, указывающие на принадлежность к небольшому племенному подразделению, то,

³⁴ Г. Е. Марков, Ук. соч.

³⁵ См. Э. А. Шмидт. Материалы по родовому составу казахского населения... в сб.: «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927; Л. Мейер. Киргизы Оренбургского ведомства. СПб., 1865; Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области, т. I. Ташкент, 1889; Д. Н. Соколов. О банкирских тамгах. Труды ОУАК, т. XIII, 1904; А. Н. Харузин. Киргизы букеевской орды. М., 1889, и другие работы.

³⁶ Здесь закономерен вопрос: когда произошла трансформация тамги племенного подразделения в тамгу семейную? Выяснение этого потребует самостоятельной работы, поскольку в свою очередь повлечет ряд вопросов, связанных с формой хозяйства, общественными отношениями, социальной структурой общества и т. п. В данном случае автор хотел бы отметить, что он стоит на точке зрения, что тамги с тех пор, как они стали ставиться на скот, были знаками семейной собственности. За основу принималась тамга племенного подразделения, но каждая семья ставила ее на определенное место верблюда со своими добавлениями.

³⁷ За время работы ТАЭЭ удалось зафиксировать более 20 способов надреза ушей верблюдов и баранов, которые выражаются в форме надреза и места, где он делается.

вероятно, на надгробиях изображены тамги таких же крупных племенных подразделений, тамги которых имеются на современных надгробиях. Короче говоря, на средневековых надгробиях выбиты тамги подразделений, соответствующие подразделениям третьего порядка туркменских племен XIX в. У текинцев это гыр, кер, ясман, салык, геокча, тильки и т. д., у иомутов Прибалханья — бага, бехельке, тана, пезе и другие им подобные.

Поэтому картографирование надгробий с разными тамгами дает возможность восстановить расселение племенных подразделений, а не племен. Возможно, что в ряде случаев это совпадение с расселением самого племени, но полностью ручаться за такое совпадение нельзя. Конечно, эти подразделения являются частью племен и тот или иной район, занятый подразделением племени, принадлежит и последнему. Однако на карте, несомненно, останутся «пустые» места, племенную принадлежность населения которых еще невозможно определить.

Не исключена возможность ошибки в определении племенной принадлежности населения, поскольку нет гарантии, что начертания тамг у двух, а может быть и большего числа племенных подразделений не совпадают и их различало только место клеймения на животных. Такие случаи встречаются до сих пор у иомутов Западной Туркмении.

Трудность заключается еще в том, что большинство старых туркменских племен, фигурирующих в различных списках, практически не существует уже значительное время и в лучшем случае сохранились только как подразделения того или иного «нового» племени. В ряде случаев племенные названия совсем исчезли. Но сведений о средневековых тамгах «новых» племен у нас нет. Что же касается современных тамг этих новых племенных образований (теке, эрсари, иомутов и т. п.), то публикации очень отрывочны и по большинству групп отсутствуют вообще.

У некоторых туркменских групп (например, у эрсари) установить начертание тамг оказалось невозможным. Переход их к земледелию и уменьшение удельного веса скотоводства, что повлекло резкое сокращение поголовья скота и особенно верблюдов, сделали тамги ненужными и они забыты. Одновременно с переходом к оседлости стала отмирать и племенная структура, что также способствовало забвению тамг.

Сравнение тамг на средневековых надгробиях приходится вести с тамгами списков Махмуда Кашгарского, Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази. Эти источники по времени близки эпохе сооружения этих надгробий.

Здесь следует остановиться на одной особенности этих трех источников. Большинство исследователей, как отмечалось, считают, что более поздние авторы — Рашид ад-Дин и Абу-л-Гази в значительной степени использовали труд Махмуда Кашгарского и что их собственный вклад в разделы, касающиеся номенклатуры огузских племен, весьма невелик. Представляется, что это не совсем так. Все трое, разумеется, для своего времени достаточно критически отнеслись к своим источникам и предшественникам, во всяком случае в отношении начертания тамг. Только тем, что каждый раз авторы использовали новые, более современные источники (очевидно, сведения информаторов) для начертания тамг, можно объяснить расхождение в их графическом исполнении.

Обращение к тамгам XIX—XX вв. для определения племенной принадлежности тамги на надгробии обусловлены лишь тем, что в древних списках эта тамга не находит аналогий.

Выше рассматривалось расселение туркменских групп в XI—XIII вв. по данным письменных источников. Как выяснилось, кроме языров, салоров и некоторых других небольших групп локализовать в том или ином месте какие-либо другие племена не удастся. Если же определять племенную принадлежность погребений этого времени по тамгам, приводимым Махмудом Кашгарским³⁸, то удастся нанести на карту места расселения афшаров, игдеров, дудурги, бектили, ула-йондулуг, кайыг, баяндур, баятов и джебни. Вероятно, можно локализовать и место расселения племени тюгер (дукер) по названию колодца, сохранившегося до наших дней.

Примечательно, что тамги, идентичные тамгам бектили в списке Махмуда Кашгарского, обнаружены на могильнике с современным названием Бедели-ата. На этом же могильнике зафиксированы и тамги баятов. И опять, одно из урочищ неподалеку от могильника носит название баят-хаджи.

Характерно, что бесспорные аналогии между тамгами на надгробиях и тамгами, приведенными у Махмуда Кашгарского, прослеживаются только в тех случаях, когда начертание тамг в письменном источнике предельно просто. Это можно отнести и к спискам Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази.

Судя по тамгам на надгробиях, не существовало четко выраженных племенных кладбищ и, вероятно, племенных территорий. Это означает, что туркмены еще не разделились тогда на отдельные самостоятельные племена. На одном и том же могильнике можно наблюдать одинаковые надгробия с разными тамгами. Но наряду с этим, как отмечалось, погребения с надгробиями, на которых выбиты одинаковые тамги, создают локальные группы на могильниках. Очевидно, это может свидетельствовать о том, что в этот период племенная структура туркменского общества была уже иной, чем в древности. Не исключена возможность, что уже в это время новые территориальные связи начинали вытеснять старые племенные. Этот процесс, вероятно, нашел свое выражение в списке туркменских племен Рашид ад-Дина, где появляются новые названия.

Сопоставление тамг на надгробиях и тамг из списка Махмуда Кашгарского в значительной мере помогает уточнить датировку погребений. В подавляющем большинстве случаев тамги, аналогичные тамгам Махмуда Кашгарского, выбиты на плитах, прямоугольниках, с ключевидными выступами пирамидках или на «рогатых» пирамидках. Это подтверждает принятую для этой группы памятников дату — XII—XIII вв., поскольку список Махмуда Кашгарского относится к XI в.

То же следует сказать и о погребениях, обозначенных каменными столбами. Они, судя по тамгам, ненамного моложе упомянутых пирамидок. Вероятно, их следует относить не к XIV—XVI вв., а ко времени до XIV в.

Тамги, идентичные тамгам списка Рашид ад-Дина, зафиксированы по большей части на пирамидках с завершием в виде «двускатной крыши», хотя их много и на пирамидках с плоскими завершиями. Это тамги салоров, афшаров, кызык, каркын, ал-караули и чини.

Письменные источники почти ничего не дают для восстановления картины расселения туркменских племен в XIV в. В это время упоминаются только новые группы — эрсари, теке, номуты, геркезы и из старых племен — салоры. Если же принять во внимание тамги Рашид

³⁸ МИТТ, т. I, стр. 308.

ад-Дина, изображенные на надгробиях этого времени, то номенклатура племенных названий значительно расширится.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что большинство новых групп так или иначе связывает свое происхождение с салорами, т. е. со старым племенем. Исключение составляют только геркезы. Но и они, судя по этнографическим материалам, имеют прямое отношение к одному из старых племен — тутырке. У гокленов одно из больших тире носит название геркез, а все геклены подразделялись на кайи и дудургу. Характерно, что погребения с тамгами тутырки расположены сравнительно недалеко от горы, носящей название Геркез.

Что касается XV—XVI вв., то в это время старые племенные названия, за исключением салоров, на Балханах не упоминаются. Вероятно, процесс образования новых групп, которые по традиции продолжают именоваться племенами, стал более активным. Ко времени Абу-л-Гази (XVII в.) от большинства старых племенных объединений остались лишь воспоминания. Приводя перечень племенных названий туркмен (взятых, вероятно, у своих предшественников), этот историк в рассказе о своих современниках, кроме салоров, ни о ком из старых племен не упоминает. Повествование ведется об эрсари, иомутах, текинцах, дюечи и тому подобных группах.

Это, конечно, не означает, что старые племена полностью исчезли в XVII в. Как видно из племенной номенклатуры XIX — начала XX в., они являлись лишь частями (порой довольно большими) новых объединений³⁹.

Тамги, приводимые Абу-л-Гази, позволяют проследить расселение и тех групп, о которых он только упоминает — алкаойли, салоры, каркын и дудурга. Как правило, тамги перечисленных групп выбиты на пирамидах с овальным навершием, т. е. на наиболее позднем виде этих памятников. Однако это не означает, что полностью исчезли старые формы надгробий. В качестве примера можно привести упомянутую плиту с фертообразными стелами, датируемую XV в. Такие надгробия, правда, в очень незначительном количестве, сохранились на кладбищах до начала XX в. Наиболее позднее надгробие этого вида было сосоружено на кладбище Оюклы IV над могилой иомута.

Для XVI—XVII вв. характерна та же картина, что и для более ранних периодов — отсутствие, судя по тамгам, «чистых» племенных кладбищ. Значительно реже, чем прежде, выделяются локальные скопления погребений с одинаковыми тамгами. Примечательно и то обстоятельство, что погребения, обозначенные пирамидками с овальными навершиями, создают на некоторых некрополях отдельные кладбища. Эти кладбища, хотя и располагаются в непосредственной близости от главного могильника, все же недостаточно четко отделяются от него. На этот период падает наибольшее число зарегистрированных случаев вторичного использования для выкладок под пирамидки обработанного камня из более ранних сооружений.

Несомненно, количество племен, места расселения которых можно было бы локализовать, значительно возросло, если бы племенную принадлежность погребений определять по тамгам XIX—XX вв. Дело в том, что в списках Махмуда Кашгарского, Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази есть целый ряд сложных тамг и чтобы выяснить их основу, которая, как представляется, изображена на надгробиях, необходимо проследить их варианты в недавнем прошлом. А то, что основу тамги можно выявить на этнографическом материале, хорошо показал при-

³⁹ Я. Р. В и а н и к о в. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджуйской области. Тр. ИИАЭ, 1962, т. IV, стр. 5—110.

менительно к башкирам Д. Н. Соколов⁴⁰. Работа подобного рода по туркменским тамгам XIX—XX вв. даст возможность определить места расселения еще ряда групп.

Сопоставляя данные письменных источников о местах обитания туркменских племен в различные периоды и данные погребений, чья племенная принадлежность известна, можно в общих чертах восстановить картину расселения и передвижения некоторых племен. Конечно, при современном состоянии изученности вопроса нельзя дать карту для каждого столетия. Это дело будущего. Сейчас же в большей мере возможно сделать карты для более широких периодов, а именно — для XI—XIII вв., XIV—XV вв. и для XVI—XVII вв. (Периоды выделены согласно датам составления родословных списков Махмуда Кашгарского, Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази.)

В XI—XIII вв., судя по распространению погребений с каменными ящиками, наибольшую область в Западной Туркмении занимали языры. Вместе с ними на Балханах, ближе к Большому Балханскому хребту, жили салоры, тутырка, ула-йондулуг и игдеры. Вероятно, вместе с язырами жили и дукер, поскольку этот этноним сохранился в названии аула, расположенного в области расселения языров. Это весьма вероятно, так как по сведениям всех трех авторов списков средневековых туркменских племен языры и дукер являются «потомками» Ай-хана, т. е. «родственными» племенами.

Значительно большая пестрота наблюдается к югу от Балханских гор, на юго-западе современной Туркмении. Здесь, помимо языров и салоров, обитали пять групп — бектили, игдер, кайыг, баят и афшар.

Что касается района к северу от Балхан и на Мангышлаке, то здесь, помимо уже известных языров, салоров, афшаров и баятов, есть древние погребения джебни и баяндур.

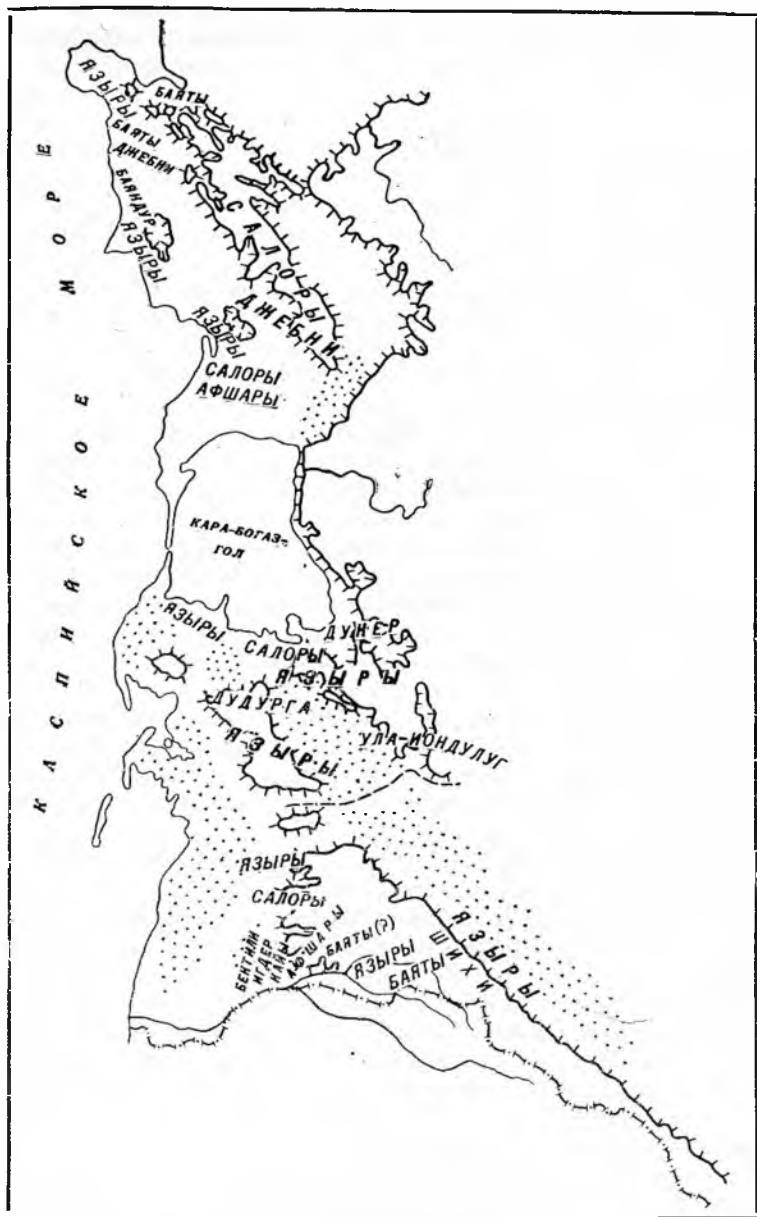
Примечательна одна особенность: группы племен на Мангышлаке, Балханах и на Юго-Западе расселены по принципу «сыновей Огуз-хана». На Мангышлаке — джебни и баяндур — «дети» Кок-хана; на Балханах — языры, дукер и тутырка — «дети» Ай-хана, салоры и ула-йондулуг — «дети» Так-хана; на Юго-Западе — бектили и афшары — «дети» Юлдуз-хана, кайы и баят — «дети» Кун-хана.

Такое устойчивое расселение по генетическому признаку, вероятно, позволяет предполагать, что сообщаемое источниками «родство» между отдельными племенами имеет какую-то основу. Не исключена возможность, что именно совместное расселение и явилось одной из причин возникновения этого «родства».

Кроме расселения такими связанными родословной группами, наблюдается и другая закономерность: повторение в той или иной области сочетаний племен, не связанных между собой единым «предком». В большей мере это относится к язырам и салорам. Они соседствуют во всех трех районах — на Мангышлаке, на Балханах и на Юго-Западе. Повторяются сочетания салоры-афшары (на Мангышлаке и на Юго-Западе), салоры-игдер (Балханы и Юго-Запад) и салоры-баяты (Мангышлак и Юго-Запад).

Для XI—XIII вв. в большей мере характерны язырские погребения и упоминание языров в письменных источниках. Чем это объясняется, сказать трудно. Возможно, языры были более сильной группой и поэтому их знали лучше. Они не приняли участия в походах сельджуков в Иран и Малую Азию и сохранились в Туркмении в большинстве.

⁴⁰ Д. Н. Соколов. О башкирских тамгах. Тр. ОУАК, т. XIII, 1904.

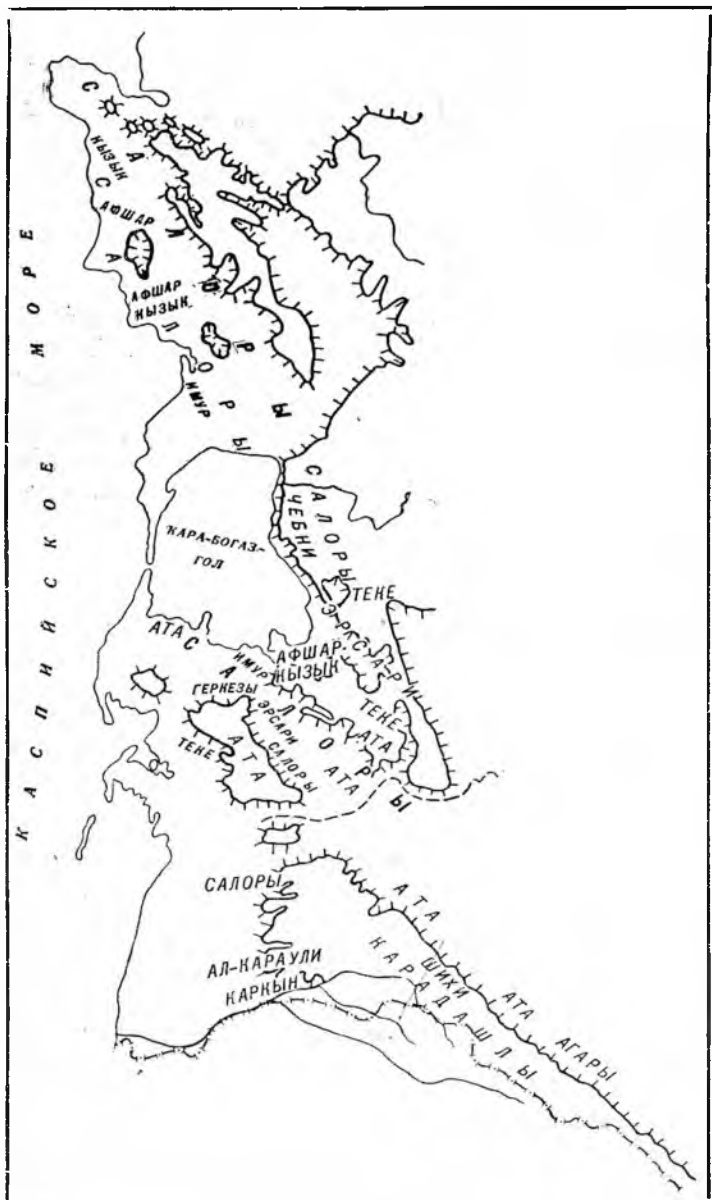

Карта-схема № 1

Расселение туркменских племен в Восточном Прикаспии в XI—XIII вв.

Возможно, что языры жили в районах, расположенных ближе к оазисам, и о них источники сохранили больше сведений. Так или иначе, но заметная роль языров в XI—XIII вв. в Туркмении очевидна. Это преимущественное положение языров дает основание назвать период XI—XIII вв. «язырским», а группу племен в Северо-Западной Туркмении XI—XIII вв. «язырской».

Письменные источники XIV—XV вв. о язырах на Балханах уже не упоминают. Представляется, что это не означает полной ассимиляции или истребления языров. Вероятно, языры изменили этническое имя.

Карта-схема № 2
 Расселение туркменских племен в Восточном Прикаспии в XIV—XV вв.

В XIV—XV вв. на первое место выходит другое племя — салоры. Происходят значительные изменения в племенном составе области. На Балханах «исчезают» ула-йондулуг, дудурга и игдер. Локализуются геркезы, атинцы, эрсари, афшары и кызык. Прослеживаются места расселения имур и чибни. Очевидно, к этому времени относится появление на Балханах текинцев⁴¹.

На Мангышлаке помимо салоров устанавливаются места расселения имур, афшаров и кызык. Незаметно племенной пестроты пре-

⁴¹ МИТТ, т. I, стр. 598.

дыдущего периода на Юго-Западе. Здесь, судя по погребениям, живут каркын и ал-караули.

Для всех трех районов заметна одна закономерность — сохранение представителей почти всех ранее прослеживаемых групп потомков «сыновей Огуз-хана». На месте тутьрки появляются геркезы, которые составляют одно из тире гокленов и входят в их большое подразделение дудургу. Взамен ула-йондулуг, «потомков» Так-хана, кроме салоров, представляют имур. На Юго-Западе афшаров и бектили сменяет другой «потомок» Юлдуз-хана — каркын. Там же вместо баятов появляются ал-караули.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «новые» племена (т. е. которых нет в списках «огузских» племен) в большинстве случаев ведут свою генеалогию от салоров⁴². А иомуты называют Эрсари-бабу (по Абу-л-Гази «человека из салорского иля») своим «баба даш»⁴³. Очевидно, это имеет какое-то реальное основание, поскольку погребения с салорской тамгой в этот период преобладают.

Представляется, что преобладание салоров и «родственница» связь с салорами новых многочисленных туркменских племен позволяет объединить эти племена Северо-Западной Туркмении XIV—XV вв. под общим названием «салорской» группы.

Время XVI—XVII вв. для Северо-Западной Туркмении характерно появлением новых групп — али-или, тиведжи и др. Наряду с ними четко прослеживаются «огузские» племена — имир, игдер, алка-ойли, кара-ойли, дудурга и салоры. По сравнению с XIV—XV вв. погребений, обозначенных салорской тамгой, значительно меньше.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, на первое место выдвигаются племена, связанные генеалогией с салорами — эрсари, теке, сарыки и иомуты. Теке и сарыки, о «родстве» которых уже говорилось, на Балханах расселены рядом.

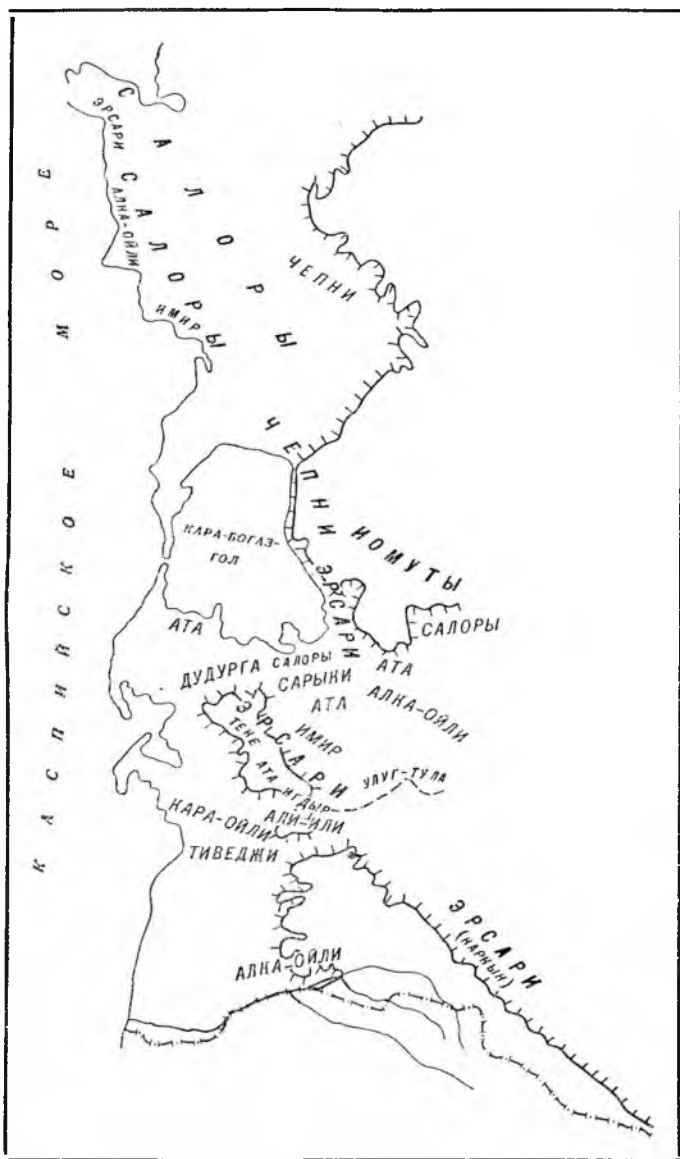
Особо следует остановиться на иомутах. В XVIII—XIX вв. это племя играло ведущую роль в западных районах Туркмении и было весьма многочисленным. В то же время источники упоминают о иомутах сравнительно поздно. О них впервые писал Абу-л-Гази в «Родословном древе тюрков». Очевидно, под названием иомутов стало известно какое-то одно или несколько старых «огузских» племен. В пользу этого предположения свидетельствуют некоторые сохранившиеся у иомутов племенные подразделения — тире с названиями «огузских» племен. Прежде всего, следует отметить чепни. В XIV—XV вв. погребения чепни отмечались в тех же местах, где в XVI—XVII вв. расселялись иомуты (и где они живут по сей день). У иомутов есть одно большое тире с названием чоин. Кроме того, тамга номутского тире бага — «отур-гуч» идентичная тамге чибни XIV в. Есть у западных иомутов и тире имир.

К концу XVI — началу XVII в. эта группа племен (теке, сарыки, иомуты, эрсари), известные под названием «соинхаповских туркмен», настолько усилилась, что стала играть важную роль не только на Балханах, но и в соседних областях⁴⁴. Они оттеснили в этом районе на второй план собственно салоров. Но эта смена не так заметна,

⁴² А. Н. Копылов. Ук. соч., стр. 74; Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод Г. Саблукова. Казань, 1906, стр. 185.

⁴³ Полевые записи ТАЭЭ за 1961 г.

⁴⁴ Г. Е. Марков. Ук. соч. Ю. Э. Брегель. Этническая карта Южной Туркмении и Хорасана в XVII—XVIII вв. КСИЭ, т. XXXI, 1959; История Туркменской ССР, т. I, кн. I, стр. 319 и дальше; Г. П. Васильева. Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области. Труды ИИАЭ, 1963, т. VII, стр. 10—36.

Карта-схема № 3
 Расселение туркменских племен в Восточном Прикаспии в XVI—XVII вв.

как между предыдущими периодами, поскольку соинхановские туркмены в основном составляли разветвление салоров.

Значительно меньше племен можно проследить в этот период на Мангышлаке. Там живут салоры на старом месте расселения имир. В районе Кызыл-узения — эрсари и к югу от эрсари — алка-ойли. Места расселения алка-ойли находятся в том же районе, что и места обитания баятов XI—XIII вв. Оба племени принадлежат к «потомкам» Кун-хана.

На приводимых картах перечень племен, расселение которых можно проследить, для разных периодов не совпадает.

XI—XIII вв.	XIV—XV вв.	XVI—XVII вв.
<ol style="list-style-type: none"> 1. Языры 2. Игдер 3. Афшар 4. Тутурка 5. Бектили 6. Ула-йондулуг 7. Салоры 8. Қайыг 9. Баяндур 10. Баят 11. Джебни 12. Ших 13. Дукер 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Афшары и кызык 2. Салоры 3. Чибни 4. Ших 5. Эрсари 6. Теке 7. Геркезы 8. Ата 9. Каркын 10. Имур 11. Ал-караули 12. Карадашлы 13. Агары 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Игдер 2. Дудурга 3. Салоры 4. Чапни 5. Ших 6. Эрсари 7. Теке 8. Ата 9. Каркын 10. Имир 11. Қара-ойли 12. Қарадашлы 13. Иомуты 14. Сарыки 15. Али-или 16. Тиведжи

Это, конечно, не означает, что племена XI—XIII вв. не сохранились до XVI—XVII вв. Однако ведущее положение в позднейшие периоды перешло к новым племенным образованиям и о них было известно больше.

В то же время области расселения племен, чьи тамги и места обитания известны для XI—XIII вв., прослеживаются и в последующие периоды. Вероятно, их число значительно увеличилось бы, если принять во внимание одно обстоятельство. Дело в том, что известны погребения, например, с тамгой кайыг XI в. (по Махмуду Кашгарскому), но с надгробием, датированным XIV—XV вв. или более поздним временем. И наоборот, известно много погребений XI—XIII вв., но с тамгами, имеющими аналогии в списках Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази. Казалось бы, что логично нанести эти данные на карту того периода, которому соответствует возраст погребения, а племенную принадлежность определить по списку другого периода. Но от этого пришлось отказаться, поскольку по ряду причин не удалось выяснить, насколько можно сопоставить раскопанные погребения с известной племенной принадлежностью и вышеупомянутые захоронения.

Но даже, если признать «родство» этих захоронений, то количество форм тамг на надгробиях возрастает от XI к XVII в. На поздних памятниках их несравненно больше. Возрастание числа тамг сопровождается увеличением разнообразия форм погребений. Увеличение форм надгробий, насколько можно судить по имеющимся материалам, достигает высшей точки к XVII в. В последующий период заметен резкий спад количества вариантов и наблюдается унификация и упрощение погребальных сооружений вообще и надгробий в частности.

Большинство наиболее ранних погребений, обозначенных надгробиями-«ящиками», размещаются на кладбищах в мазарах-оградах. По

аналогии с современными кладбищами они должны принадлежать каким-то, вероятно, небольшим родственным группам. На это косвенно указывает и крайняя малочисленность тамг на надгробиях. Причем, в одном «мазаре» не зарегистрировано разных тамг. Более того, на могильнике, где есть погребения только с «ящичками», не встречается двух разных тамг. Чем это вызвано? Скорее всего в период XI—XIII вв. тамга не была нужна потому, что принадлежность могилы к данному могильнику уже определяла ее племенную принадлежность. Очевидно, во времена, когда сооружались надгробия-«ящички», еще существовали племенные могильники.

С другой стороны, эти наиболее ранние погребения отличаются, как уже подчеркивалось, устойчивостью и немногочисленностью вариантов надгробий. Не исключена возможность, что в данном случае погребения отражают этническую близость и однородность населения. Вероятно, что в XI—XIII вв., т. е. в домонгольское время, в составе туркменских племен Балхан инородный или пришлый элемент был невелик и родственные связи играли отнюдь не последнюю роль. Племенные группы были устойчивые и расселялись на более или менее устойчивой территории.

В последующий период — в XIV—XV вв. заметно увеличивается количество тамг на надгробиях. Возможно, нахождение могилы на кладбище уже не определяет ее племенную принадлежность (или принадлежность к большому тире). Основным определителем становится тамга. Такое положение объясняется, вероятно, тем, что старые племенные связи стали разрушаться. Расселение по старым племенам стало не столь четким, начинают создаваться новые объединения, построенные уже не только по «родственному» принципу, но и по территориальному. В связи с этим исчезают старые племенные кладбища.

Примечательно, что на это время падает распространение ислама на Балканах⁴⁵. Это обстоятельство также во многом способствует переходу от племенных кладбищ, которые являлись племенными культовыми местами, к региональным «святым» местам. Нивелировка племенных культов исламом способствовала образованию новых объединений. Насколько позволяет судить имеющийся у нас материал, к этому времени относится возникновение могил «святых» в том виде, в каком они известны сейчас. Возможно, распространением ислама следует объяснять заметное увеличение «мусульманской» конструкции могильной ямы (с боковым подбоем) и ориентации погребенных лицом к Мекке (по кыбле). Вероятно, и то, что это время явилось началом становления той формы племени, которая известна по материалам XIX — начала XX в.

Многообразие тамг на кладбищах XIV—XVII вв. свидетельствует уже о том, что на них хоронят представители если и не разных племен, то во всяком случае разных больших тире, по численности не уступающих племенам (таких, как, например, атабайцы и джафарбайцы у иомутов). Примечательно, что в это время значительно меняется номенклатура племен, чьи погребения удалось установить.

Вероятно, образование таких могильников с пестрым «племенным» составом свидетельствует об усилении новых территориальных связей и о разрушении старых племенных. Как свидетельствуют письменные источники⁴⁶, в XVI—XVII вв. идет значительное увеличе-

⁴⁵ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, стр. 594.

⁴⁶ Абу-л-Гази. Родословная туркмен. Ю. Э. Брегель. Этническая карта Южной Туркмении и Хорасана в XVII—XVIII вв., КСИЭ, т. XXXI, 1959.

ние числа племенных образований. На Балханах появляются али-или, тиведжи и им подобные группы, объединенные уже только по территориальному принципу, имеющие, однако, собственные «племенные» названия.

Очевидно, эти объединения имели уже территориально-политический характер, который определялся хозяйственной и военной целесообразностью. Процесс складывания этих новых племен ярко иллюстрирует номенклатура бывших тире современных туркменских групп⁴⁷. В разных племенных можно видеть названия старых племен, выступающих в роли небольших тире. Много тире имеют названия отдельных местностей, в которых они жили до переселения в современные места обитания. Вместе с этим номенклатура свидетельствует и о том, что в подавляющем большинстве случаев формирование современных (известных до начала XX в.) племенных групп шло на базе одних и тех же старых туркменских племен. Это, конечно, не означает, что инородный, нетуркменский элемент отсутствует вообще. Однако, насколько позволяют судить погребения и могильники, этот пришлый компонент не имел сколько-нибудь существенного значения в рассматриваемый период.

После XVII в. образование подобных «племен» источники не зафиксировали, и их, вероятно, не было. Во всяком случае, погребения показывают усиление территориального принципа объединения. Очевидно, в этот период начинают складываться основные территориальные формы погребальных сооружений, которые прослеживаются в настоящее время.

Может показаться, что увеличение племенных названий и форм надгробий свидетельствует о том, что формы надгробий соответствуют племенным. Это не так. Для XVII в. и позднейшего времени разница в формах больше заметна для областей, а не племен. Даже для сравнительно небольшого района — Северобалханской степи, где жило одно племя — иомуты, заметны различия не племенные, а региональные. Достаточно сравнить кладбища Дана-ата и Караэлемата и Оюклы IV, чтобы убедиться в этом. На первом — иомутские погребения обозначены круглыми оградами, на втором — оградами и фертами, на третьем — только фертами. Традиция сохраняется и по настоящее время, хотя в Дана-ата и Караэleme хоронят иомутов, принадлежащих в прошлом к одному тире.

Представляется, что теперь можно ответить на поставленный в начале раздела вопрос. Чему соответствуют формы надгробий: племенным различиям, или это временные изменения?

Подавляющее большинство материала говорит за то, что это временные изменения форм надгробий. В то же время надгробия отражают и племенные различия, но постольку, поскольку они соответствуют временным. Конечно, погребения языров XI—XIII вв. отличаются от погребений иомутов XIX в., как и отличаются погребения салоров и эрсаринцев XIV—XV вв. от этих групп XIX в. Но погребения улайондулуг XI—XIII вв. отмечены теми же «ящичками», что и язырские захоронения того же времени. И только тамги на них показывают их племенную принадлежность.

Несомненно, предлагаемые карты расселения не отражают количественного соотношения групп. В будущем, если будет проведен более тонкий подсчет погребений на каждом кладбище и более деталь-

⁴⁷ Я. Р. Вилликов. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области и его расселение. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI.

но установлена племенная принадлежность захоронений, то такое соотношение можно будет установить.

Не отражена также на картах и область, занятая туркменскими племенами. Прежде всего, это объясняется очень большой территорией, на которой они жили, а изучение средневековых туркменских памятников началось сравнительно недавно. Сейчас можно говорить лишь о том, что в XI—XIII вв. туркмены занимали, очевидно, весь Мангышлак, районы, прилегающие к восточному берегу Кара-Богаз-Гола, Чильмамедкумы, Красноводский полуостров и район, примыкающий к Большому Балхану.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что туркменские погребения XI—XIII вв., наряду с перечисленными степными районами, известны также в подгорной полосе Копет-Дага, в самом Копет-Даге и на Атреке. Четко прослеживаются здесь и туркменские погребения последующих периодов, вплоть до наших дней. Это позволяет предполагать, что оазисы Южной Туркмении (имеется в виду Ахал) уже с XI в. были заселены туркменами. Вероятно, туркменское население здесь было не только сельским, но и городским. На это указывают могильники около Шахр-Ислама, Коджа и Парау. Но ведь по существующему мнению городское средневековое население современного Ахальского оазиса является потомками более раннего населения, в частности поздних парфян. Возможно, исходя именно из этого, армянские путешественники еще в XIV в. называли население Ахальского оазиса и примыкающих районов парфянами и кушанами⁴⁸.

Сейчас пока трудно говорить, насколько далеко на восток распространялось это население. Отдельные погребения с надгробиями типа «плиты» известны в районе Каахка. Очевидно, последующие работы позволят определить восточную границу их распространения.

Что же касается туркменского населения степей, то его ареал постепенно суживался. Это четко прослеживается на могильниках обследованной центральной части Мангышлака. На них преобладают погребения XI—XIV вв. В последующий период центральные районы Мангышлака, очевидно, были незаселенными. На могильниках нет погребений XV—XVII вв. Если же они и встречаются, то в очень незначительном количестве. Не удалось там обнаружить и датированных погребений XVIII в. Кладбища, на которых преобладают погребения XV—XVIII вв., размещены на берегу Каспийского моря и в северной части полуострова.

Длительное время исследователи старались найти причину переселения туркменских племен из степных районов в оазисы. Причины этого явления нам неясны. Вероятно, объяснение следует искать в «обезвоживании» районов их обитания. Вода в колодцах центральной части Мангышлака сейчас соленая. Засоление колодцев практически обесценило настбища, сделав их непригодными к эксплуатации. Не исключена возможность, что именно это обстоятельство явилось причиной переселения туркменских групп с Мангышлака в оазисы Северной и Южной Туркмении.

На Балханах засоление колодцев шло не столь быстрыми темпами. Но и здесь отдельные местности лишены в настоящее время воды, пригодной не только для питья людей, но и скота. Некогда, судя по очень большим могильникам, ныне безлюдные районы были заселены.

⁴⁸ А. Г. Галстян. Армянские источники о монголах (извлечение из рукописей XIII—XIV вв.). М., 1962, стр. 90.

Только в самое последнее время население стало возвращаться в эти места. Вода для людей доставляется туда на автомашинах.

Не составляют исключения и южные районы Западной Туркмении. Некогда заселенные районы ныне из-за отсутствия воды лишены населения. Как и в более северных районах, уход населения приходится на XV—XVI вв., а в отдельных местах и на более позднее время.

Сейчас еще материалы не позволяют точно определить области, занятые туркменами в тот или иной период. В настоящее время можно обозначить лишь часть восточной границы расселения туркменских групп. Этой границей является западный чинк Устюрта. На Устюрте, исключая его северные районы, нет могильников с надгробными памятниками, даже отдаленно напоминающими надгробия Мангышлака. Примечательно, что к югу и востоку от Чильмамедкумов граница области, занятой туркменами, в средние века не прослеживается. Вероятно, Каракумы были также заселены ими. Во всяком случае, могильники XV—XVI вв., аналогичные балханским, известны пока до Тедженского оазиса. На юге же они доходят до границы СССР и Ирана. Но насколько можно судить по очень отрывочным сообщениям информаторов, аналогичные «камни» (имеются в виду надгробия) есть и на кладбищах в Иране.

На юге Устюрта
в районе Каракумов
имеются могильники
с надгробными памятниками

Заключение

Сопоставление данных археологического обследования средневековых могильников Западной Туркмении, краниологических материалов из средневековых и более ранних погребений, сведений письменных источников и этнографических материалов дает основание сделать ряд выводов.

1. Средневековые погребения являются важным и достоверным источником по истории населения Туркмении. Несмотря на свою многообразность и многочисленность форм, они поддаются классификации. Наиболее «чуткой» и изменчивой частью погребального сооружения является надгробие. Надмогильные памятники обследованных районов более четко, нежели конструкция могильной ямы и трупоположение, отражают временные изменения погребальных обычаев. Надгробные сооружения являются определяющим фактором при классификации погребальных памятников.

2. Расположение погребений относительно центра кладбища («плоскостная стратиграфия могильника») определяет относительную датировку погребений, т. е. порядок появления того или другого типа погребений на кладбище. Эта относительная датировка соответствует абсолютной. Выделенные по периодам типы погребений сами по себе не отражают племенную принадлежность. Различие в формах надмогильных памятников является результатом изменения надгробий во времени. Племенная принадлежность определяется тамгами и некоторыми другими данными (письменными источниками, этнографическими материалами и т. п.). Эти изменения хорошо прослеживаются по материалам Западной Туркмении и позволяют установить эволюцию погребальных сооружений начиная с домонгольского времени (XI—XII вв.) и до наших дней.

3. Полученные в результате раскопок краниологические материалы опровергают существующее представление об антропологическом типе туркмен. Средневековые погребения не дают долихокефальных черепов. Туркменское население изучаемого района в средние века было европеоидным и брахикранным. Краниологические материалы из средневековых погребений свидетельствуют о близости антропологических типов средневекового населения и населения Западной Туркмении рубежа нашей эры. Здесь не было существенной смены, антропологического типа населения.

4. Начиная с XI—XII вв. на отсутствие смены населения в изучаемом районе Туркмении указывают и средневековые могильники.

5. Вышеприведенный тезис не означает, что средневековое население в западных районах Туркмении «чисто» по своему составу и полностью идентично населению начала нашей эры. Несомненно, оно включило в себя много инородных групп, сыгравших немаловажную роль в этнической истории туркмен. В первую очередь это относится к тюркским группам, давшим тюркский язык населению. Но, как представляется, основным компонентом, на базе которого происходило формирование средневекового населения Северо-Западной Туркмении, был древний и, очевидно, ираноязычный пласт. По своему антропологическому облику население средневековых Балхан было близко к населению остальных районов Средней Азии.

6. Идентичность средневековых погребений, которые оставило население степной зоны и погребений городского населения западной части Ахальского оазиса, позволяет предполагать, что средневековые города этого района были населены туркменами или очень близкими к ним этническими группами.

7. Средневековые могильники позволяют проследить расселение и передвижение туркмен в разные исторические периоды. Сопоставляя сведения письменных источников и результаты изучения погребений, можно проследить расселение средневековых племен в Западной Туркмении. По материалам средневековых могильников прослеживается время ухода туркмен из ранее занимаемых ими районов. Средневековые туркменские погребения позволяют проследить места расселения не только отдельных племен туркмен, но выявить территории расселения групп племен, объединяемых письменными источниками общностью «происхождения». Возможно, что эти группы являются какими-то более древними объединениями. Пестрота и чересполосица в расселении туркменских племен позволяют сделать вывод об отсутствии племенных территорий к концу рассматриваемого периода.

8. Существенные материалы дают погребения для решения вопроса о социальной структуре туркменского общества. Для степной зоны они иллюстрируют отсутствие резкого классового расслоения. На средневековых кладбищах нет богатых погребений, могущих принадлежать феодальной знати. Резкое классовое расслоение отражают могильники в земледельческих оазисах.

9. По материалам могильников прослеживается процесс формирования новых, постмонгольских племен — новых образований, основанных по территориальному признаку. Одновременно погребения свидетельствуют о том, что формирование этих новых групп шло из того же населения, которое входило в старые племена.

10. Совершенно новый материал дают средневековые погребения для изучения средневекового оружия туркмен. Дальнейшее изучение средневековых надгробных памятников в этом аспекте позволит проследить культурные и этнические связи населения восточного берега Каспийского моря с сопредельными областями.

11. Несмотря на большое количество новых племенных образований, средневековый погребальный обряд и захоронения являются общим для населения Западной Туркмении. Очевидно, такое единство могло выработаться только при длительном совместном расселении на одной территории, на базе однородных этнических групп и при одинаковых исторических условиях.

Затронутыми в данной работе вопросам не исчерпывается весь комплекс проблем, касающихся средневековой истории населения западных районов Туркмении.

Своего решения ждет вопрос о первых тюркоязычных группах в этом районе, о времени их появления, об их культурном и антропологическом облике. Вероятно, огузы, которых большинство исследователей считают основным тюркским компонентом в этногенезе туркмен, были отнюдь не первой большой тюркской группой на восточном берегу Каспия. Имеющийся в настоящее время материал позволяет проследивать тюркоязычные группы, носящие «огузотуркменские» племенные названия задолго до появления самих огузов.

В связи с появлением болгар, расселенных к северу от Кавказского хребта, хронист XI в. Захарий Ритор писал, что за Каспийскими «воротами (живут) бургары со (своим) языком... Авиатур — народ, живущий в палатках, авгар (ср. туркменское племя агар), сабир (ср. сабир — тире карадашлинцев), бургар, алакуртаргар, авар, хасар (ср. туркменское племя хасарли), диммер, сиургур, баграсак, кулас, абдел (ср. с туркменским абдал), ефталит — эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием»¹.

Вероятно, не случайно упоминание этих названий в одном ряду с болгарскими («бургарами»). Результаты изучения средневековых погребений Западной Туркмении показывают, что наиболее близкие аналогии в конструкции могильной ямы отыскиваются именно среди раннеболгарских погребений². Сходство имеется не только в устройстве могильных ям, но и в форме вещей, полученных в результате раскопок болгарских могильников и изображенных на туркменских надгробиях (саблях, топорах, гребнях и т. п.)³.

Очевидно, эти аналогии не случайны. О древних связях населения восточного Прикаспия с Кавказом есть целый ряд свидетельств⁴. Они прослеживаются и в более позднее время.

В русских летописях есть упоминание о туркменах в южнорусских степях в IX—XIII вв. Ипатьевская летопись так повествует об этом: «Аще либо он суть от пустыни Етревския нежи въосток и севером; ищело жь есть их колени 4: торкмени и печенези, торци, половца»⁵. Вторит ей и Новгородская первая летопись: «По грехом нашим придоша языцы незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть вера их; а зовут я татары, а иние глаголют таурмены, а други печенези...»⁶.

Кроме летописных свидетельств на связи населения восточного берега Каспийского моря с северными областями указывает сходство вещей из погребений печенегов, половцев и торков южнорусских степей с вышеупомянутыми изображениями на надгробиях⁷. Вероятно, мы можем предположить какую-то долю участия туркменского населения

¹ Цит. по книге В. Ф. Геннига и А. Х. Халикова. Ранние болгары на Волге. М., 1964; См. также Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 165.

² В. Ф. Генниг и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 10, рис. 4.

³ В. Ф. Генниг и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 52, рис. 16; А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951.

⁴ К. М. Скалон. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время. Археологический сборник ГЭ, вып. 2. Л., 1961.

⁵ ПСРЛ, II, стр. 163.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1956, стр. 95, об. 96.

⁷ С. А. Плетьева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, вып. 62, 1958. Ср. табл. XXI, XXII в данной книге.

в формировании тюркоязычного населения Поволжья и сопредельных с ним областей.

Несомненно, этим не исчерпываются все проблемы истории населения восточного Прикаспия. Их гораздо больше. Но решение хотя бы перечисленных проблем поможет во многом выяснению этногенеза туркменского народа.

Список литературы и источников

- А. Абражесв. «Родословное древо тюрков» и его автор. «Звезда Востока», 1946, № 12.
- Абу-л-гази-Бохадур-хан. Родословная туркмен. Перевод А. Туманского. Ашхабад, 1897.
- Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод Г. Саблукова. ИОАИЭ, т. XXI, вып. 5—6, 1906; т. XXII, вып. 6, 1914.
- О. Акчокраклы. Татарские тамги в Крыму. Симферополь, 1927.
- О. Акчокраклы. Старокрымские огузские надписи XIII—XV вв. ИТОИАЭ, т. I (58). Симферополь, 1927.
- Ал-Белазури. Китаб футух ал-булдан. МИТТ, т. I, 1939.
- Ш. Аниаклычев. Похоронные обряды у туркмен Челекена. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.
- Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», 1896, вып. 3—4.
- К. Атаев. Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.
- В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. ЗВОРАО, т. XXV, 1921.
- В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, М., 1963.
- В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. I, М., 1963.
- В. В. Бартольд. История Туркестана. Соч., т. II, ч. I, М., 1963.
- В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. I, М., 1963.
- В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Соч., т. II, ч. I, М., 1963.
- В. В. Бартольд. Султан Санджар и Гузы (по поводу статьи К. А. Иностранцева). Соч., т. II, ч. 2, М., 1964.
- В. Н. Башилов. Надгробные памятники Южного Туркменистана в связи с вопросом о древних туркменских верованиях. Рукопись дипломной работы. М., 1959. Хранится на кафедре этнографии МГУ.
- В. Н. Башилов. О пережитках тотемизма у туркмен. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.
- В. Н. Башилов. Культ святых в исламе. М., 1970.
- С. Бейм. Чуфут-Кале и караимы. СПб., 1861.
- Бейхаки Тарих - и Бейхаки. МИТТ, т. I, 1939.
- Бекран. Джехан-намэ. МИТТ, т. I, 1939.
- И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астраханского залива до мыса Тюк-Караган. Зап. РГО, кн. IV, 1850.
- И. Ф. Бларамберг. Журнал, веденный во время экспедиции для обзора берега Каспийского моря. Зап. РГО, кн. IV, 1850.
- К. Боде. О туркменских поколениях ямудах и гокланах. Зап. РГО. кн. II, 1847.
- Ю. Э. Брегель. Этническая карта Южной Туркмении и Хорасана в XVII—XVIII вв. КСИЭ, т. XXXI, 1959.
- Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961.
- Н. В. Брюллова-Шаскольская. Племенной и родовой состав туркмен. «Народное хозяйство Средней Азии», 1927, № 4.
- Г. П. Васильева. Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.
- Г. П. Васильева. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964.
- П. М. Василевский. Гидрогеологические исследования Б. Балхан, 1932.

- Я. Р. Винников. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуйской области и его расселение. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI.
- Я. Р. Винников. Этническая карта Туркменской ССР. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.
- А. Г. Галстян. Армянские источники о монголах (извлечения из рукописей XIII—XIV вв.). М., 1962.
- М. И. Галкин. Этнографические и статистические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1869.
- Гардизи. Зейн-ал-Ахбар. МИТТ, т. I, 1939.
- В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- В. В. Гинзбург. Черепы из зороастрийского кладбища XIII в. во Фринкенте. Сб. МАЭ, 1949, т. X.
- Ф. В. Гогель. Туркменский ковер. М., 1927.
- Ф. В. Гогель. Ковры. М., 1950.
- В. А. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. М.—Л., 1949.
- В. А. Гордлевский. Сельджуки Малой Азии. Избр. соч., т. I. М., 1960.
- И. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-дарьинской области, т. I. Ташкент, 1889.
- С. М. Демидов. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований Юго-Западных туркмен. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI.
- А. Джеспкинсон. Путешествие в Среднюю Азию в 1550—1560 гг. В кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». М., 1937.
- А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961.
- А. Джикиев. Материалы по этнографии мангышлакских туркмен. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.
- Т. И. Дунаевская. Влияние искусственной деформации на форму головы у туркмен. ВА, 1963, вып. 15.
- Н. Г. Залкинд. Краниологические материалы с территории древнего Хорезма. Тр. Хорезмской экспедиции, т. I. 1952.
- Н. Г. Залкинд, С. П. Поляков. Краниологические материалы из средневековых погребений Южной и Северо-Западной Туркмении. ВА., 1962, вып. 11.
- Н. Г. Залкинд, С. П. Поляков. Краниологические материалы из Бедели-ата. ВА., 1964, вып. 16.
- Н. Г. Залкинд, С. П. Поляков. Материалы к характеристике средневековых кладбищ Западной Туркмении. Научн. тр. ТашГУ, вып. 235. Ташкент, 1964.
- Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры крымских татар. «Крым», 1927, № 2 (4).
- В. Я. Зезенкова. Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва. Тр. ЮТАКЭ, 1959, т. IX.
- Ибн-ал-Асир; Ал-Камил фи-т-тарих. МИТТ, ч. I. 1939.
- М. М. Иванов. Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г. Зап. РГО, кн. II, 1847.
- Н. Н. Иомудский. Присяга у закаспийских туркмен. Зап. РГО, т. XXXIV, 1909.
- С. Н. Иомудский. Местный суд в Закаспийской области. Ташкент, 1922.
- Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей, т. II, вып. 1, 1923.
- «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1—2. Ашхабад, 1957.
- Г. И. Карпов. Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк, 1925.
- Г. И. Карпов. «Тамга» (родовые знаки у туркмен). «Туркменоведение», 1929, № 8—9.
- Г. И. Карпов. Туркменское племя салыр. «Туркменоведение», 1930, № 8—9.
- Г. И. Карпов. Иомуты. «Туркменоведение», 1931, № 7—9.
- Г. И. Карпов. К истории туркмен-сарыков. Ашхабад, 1945.
- Г. И. Карпов. Туркмены-огузы. «ИАН. ТуркмССР», 1945, № 1.
- Г. И. Карпов. Родовые знаки у туркмен. «ИАН. ТуркмССР», 1945, № 5—6.
- Г. И. Карпов. Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану. «ИАН ТуркмССР», 1954, № 3—4.
- А. Каррыев, В. Г. Мошкова, А. С. Насонов, А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркмении в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954.
- П. Келпен. Крымский сборник. СПб., 1837.
- В. Кёниг. Скотоводческое хозяйство у текинцев Ахала во второй половине XIX в. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI.
- Т. П. Князкина. Краниологические материалы из катакомбных захоронений античного времени в Южной Туркмении. Научн. тр. ТашГУ, вып. 235. Ташкент, 1964.
- А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958.
- Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, 1950, № XIII.
- Б. Кулиев. Распространение ислама в Туркестане в период раннего феодализма. Уч. зап. ТашГУ, вып. XIX, 1961.
- Л. Р. Кызласов. Памятники мусульманского средневековья в Туве. СА, 1963, № 2.
- М. Г. Леви. Деформация голов у туркмен (к вопросу о туркменской долихоцефалии). СЭ, 1957, № 6—7.
- П. М. Лессар. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. ИРГО, т. XX, вып. 1, 1884.

- Б. А., Литвинский, В. Г. Мошкова. Изучение Така-Языра, Дуруна. Тр. ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949.
- Ф. Душан. Народы, расы, языки. Л., 1925.
- Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство и общественная организация северо-балханских туркмен в конце XIX — начале XX в. «Вести. Моск. ун-та», сер. историч., 1958, № 4.
- Г. Е. Марков. Средневековое кладбище Ак-тепе. Тр. ИИАЭ, 1958, т. V.
- Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961.
- В. И. Маркович. Чеченские средневековые памятники в верховьях реки Чанты-Аргуна. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963.
- М. Е. Массон. Силуэты Сумбарского района. «Туркменоведение», 1931, № 3—4.
- М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных надгробий южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, 1949.
- М. Е. Массон. Плоскоплиточные каменные надгробия Южного Туркменистана XVIII в. (из истории Мерва XVIII столетия). Тр. ЮТАКЭ, т. XIV. Ашхабад, 1969.
- Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-тюрк. МИТТ, т. I, 1939.
- Н. Я. Мернерт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, 1953. М., XXIII.
- Л. Мейер. Киргизы Оренбургского ведомства. СПб., 1865.
- М. М. Мендикулов. Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устюрта. Алма-Ата, 1956.
- Мирхонд. Раузат ас-сафа. МИТТ, т. I, 1939.
- Ф. А. Михайлов. Древние кладбища по Сумбару и Чандырю. ПЗКЛГ АИВ, вып. I. Ашхабад, 1915.
- В. Г. Мошкова. Племенные «голи» в туркменских коврах. СЭ, 1946, № 1.
- В. Г. Мошкова. Отчет о работе этнографической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, т. II, 1953.
- Мунис (Шир Мухаммед). Фирдаус-уль-Икбар. МИТТ, т. II, 1938.
- Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 г. и 1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, тт. I—II. М., 1822.
- «Народы Средней Азии и Казахстана». Серия «Народы мира», т. 1—2. М., 1962.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1956.
- К. Нурмухамедов. Этническая история и хозяйство туркменского населения Ахала в XVIII—XIX вв. М., 1962. Канд. дисс.
- О. В. Обельченко. Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1956 г.). Тр. ЮТАКЭ, т. XIV, 1969.
- К. Овезбердыев. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI.
- Д. М. Овезов. К вопросу о родовом строе гоклен. ИАН ТуркмССР, сер. общественных наук, 1960, № 4.
- Д. М. Овезов. Туркмены-мурчали. Тр. ЮТАКЭ, 1959, т. IX.
- А. Оразов. Прибалханские туркмены в конце XIX — начале XX в. Канд. дисс. М., 1961.
- А. Оразов. Расселение и этнический состав прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в. «Вести. Моск. ун-та», сер. историч., 1961, № 6.
- А. Оразов. Некоторые вопросы скотоводческого хозяйства в Северо-Западной Туркмении конца XIX — начала XX в. Тр. ИИАЭ, 1962, т. VI.
- А. Оразов. Поселения и жилища Прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX вв. Тр. ИИАЭ, 1963, т. VII.
- Л. В. Ошанин. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Изв. Средазкомстариса, 1926, № 1.
- Л. В. Ошанин. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Изв. Средазкомстариса, 1928, № 3.
- Л. В. Ошанин. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. ИАН ТуркмССР, 1952, № 4.
- Л. В. Ошанин. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа. Тр. ЮТАКЭ, 1959, т. IX.
- Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, тт. I—III. Ереван, 1959.
- П. И. Петров. Данные источников о составе воинских контингентов Исмаила I. «Народы Азии и Африки», 1964, № 3.
- Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.
- В. Н. Пилипко. Средневековое кладбище городища Хурмузфарра в Мервском оазисе. Тр. ЮТАКЭ, 1969, т. XIV.
- С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, вып. 62, 1958.

- С. П. Поляков. Современные погребения населения Западной Туркмении. «Вестн. Моск. ун-та», сер. историч., 1967, № 1.
- П. Ф. Преображенский. Разложение родового строя и феодализационный процесс у туркмен-номутов. «Этнография», № 4, 1930.
- Проблемы этнической антропологии Средней Азии. «Научн. тр. ТашГУ», вып. 235. Ташкент, 1964.
- Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. VI, 1958.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кв. I. М.—Л., 1952.
- «Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописной татарской книги сочинения Абул-гачи-бахадур-хана» (Перевод с франц. В. Третьяковского), тт. I—II. СПб., 1768.
- А. А. Росляков. К вопросу об этногенезе туркменского народа. ИАН ТуркмССР, 1950, № 5.
- А. А. Росляков. Происхождение туркменского народа. Ашхабад, 1962.
- К. М. Скалон. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время. «Археологический сборник ГЭ», вып. 2, 1961.
- А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951.
- Д. Н. Соколов. О башкирских тамгах. Тр. ОУАК, т. XIII, 1904.
- Р. С. Сусенкова. Домусульманский некрополь Старого Мерва (по данным раскопок 1956 г.). Тр. ЮТАКЭ, 1969, т. XIV.
- В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941.
- С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3.
- С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958.
- Э. Фези. Старые великаны. «Туркменоведение», 1928, № 7—8.
- А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды. М., 1889.
- Хафизид-Абру. Меджема-ат-таварих. МИТТ, т. I, 1839.
- Хондемир. Хабиб-ус-сияр. МИТТ, т. II, 1838.
- Э. А. Шмидт. Материалы по родовому составу казахского населения. В сб.: «В. В. Бартольд». Ташкент, 1947.
- Г. Эппель. Древний памятник на границе с Персией. ПТКЛА, т. 10. Ташкент, 1905.
- К. Юсупов. Абу-л-Гази и Хивинское ханство в первой половине XVIII в. Канд. дисс. М., 1960.
- В. Н. Ягодин. Новые материалы по истории религии Хорезма. СЭ, 1963, № 4.
- А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен. СЭ, 1947, № 3.
- А. Ю. Якубовский. Сельджукское движение и туркмены в XI в. «Изв. АН СССР», отд. обществ. наук, 1937, № 4.
- А. Ю. Якубовский. Туркмены в X в. «История СССР с древнейших времен», чч. 3—4, 1939.

Словарь географических и этнических названий

- Абдал — туркменское племя.
Абдел — средневековый народ, живший между Каспийским и Азовским морями.
Авар (авары) — народ тюркского происхождения.
Авгар — средневековый народ, живший между Каспийским и Азовским морями.
Авиатур — средневековый кочевой народ, живший между Каспийским и Азовским морями.
Агар-убак — название могильника около аула Кодж.
Агары — туркменское племя.
Адаевцы — название группы казахских племен, расселенных на Мангышлаке.
Адаклы-хызыр — средневековое туркменское племя.
Аджамал — название урочища и кочевья в Юго-Западной Туркмении.
Аджикуи — кочевье у восточных отрогов Большого Балхана.
Ак-атабай (атабайцы) — подразделение туркменского племени иомутов.
Ак-сура — 1. Название кладбища и урочища на южном берегу Кара-Богаз-Гола. 2. Название кладбища на севере Мангышлака.
Ак-тепе — название кладбища к юго-западу от Ашхабада.
Аккуи — поселок в северо-балханской степи.
Акмолла — название кладбища и урочища на южном берегу Кара-Богаз-Гола.
Актам — нижняя часть русла Узбоа.
Ал-караули — средневековое туркменское племя.
Аланы — средневековый ираноязычный народ.
Аланкуртаргар — средневековый народ, живший между Каспийским и Азовским морями.
Али-эли (алили) — туркменское племя.
Алкаойли — средневековое туркменское племя.
Алтыгурук — урочище и могильник, расположенный к северу от шора Кемаль-ата.
Арчман — курорт в западной части Ахальского оазиса.
Арчман-ата — название кладбища около курорта Арчман.
Ата (атинцы) — туркменское племя.
Атек — название оазиса в Южной Туркмении (район Каахка).
Атрек — река в юго-западной части Туркмении.
Аул — селение.
Афшар — средневековое туркменское племя.
Ахал — название оазиса у подножия Копет-Дага.
Баба даш — дед по матери.
Бага — подразделение туркменского племени иомутов.
Баграсак — средневековый народ, живший между Каспийским и Азовским морями.
Байындыр — средневековое туркменское племя.
Бала-ишем — название железнодорожной станции.
Балханы — 1. Большой и Малый Балхинские хребты. 2. Горы на западе Туркменской ССР.
Баяндур — средневековое туркменское племя.
Батыр (Карагне) — впадина на п-ове Мангышлаке.
Баят-хаджи — название урочища неподалеку от Шарлоука.
Баяты (баят) — туркменское племя.
Бедели-ата — название кладбища около Шарлоука.
Бектили — средневековое туркменское племя.
Бехельке — подразделение туркменского племени иомутов.
Болгары — средневековый тюркоязычный народ.
Безменн — город к западу от Ашхабада.
Бендесен — аул в западном Копет-Даге.
Бургары — см. болгары.
Гез-баш — название кладбища и ручья в устье Чули.
Гезли-ата — название кладбища и аула.
Геокча — подразделение туркменского племени текинцев.

- Геок-дере — название кладбища на севере Чильмамедкумов.
- Геок-тепе — поселок в Ахальском оазисе.
- Герейли — средневековое туркменское племя.
- Геркезы — средневековое туркменское племя и подразделение туркменского племени гокленов.
- Гоклены — туркменское племя.
- Гоном бани — 1. Основатель кладбища. 2. Главная могила на кладбище.
- Гыр — подразделение туркменского племени текишцев.
- Дана-ата — название кладбища на северном склоне Большого Балхана.
- Даргаи-ата — поселок (районный центр) на среднем течении Аму-Дарьи.
- Дахистан — средневековое название юго-западной части ТССР.
- Джафарбайцы — см. шериф-джафарбай.
- Джебел — поселок в западной части ТССР.
- Джебни — средневековое туркменское племя.
- Диммер — средневековый народ, живший между Каспийским и Азовским морями.
- Дудорга — средневековое туркменское племя и подразделение туркменского племени гокленов.
- Дукер (тюгер, туер) — средневековое туркменское племя и название кочевья к востоку от гор Эрсари-баба.
- Дурун — средневековый город, расположенный к востоку от Бахардена.
- Дуюнчи — название кладбища и урочища на левом берегу Узбой.
- Дюсчи — средневековое туркменское племя.
- Емрели — см. имрели
- Ералнев поселок — поселок на Мангышлаке.
- Ефталит (эфталиты) — кочевой народ, одна из ветвей гуинов.
- Закаспий — восточное побережье Каспийского моря и прилегающие к нему районы.
- Игдер — средневековое туркменское племя.
- Иль — место обитания, родина.
- Имир — средневековое туркменское племя и подразделение туркменского племени иомутов.
- Имрели — туркменское племя.
- Имур — средневековое туркменское племя.
- Иомуты (иомут) — туркменское племя.
- Иранские кочевники — в данном случае имеются в виду ираноязычные племена Средней Азии в античное время.
- Каахка — поселок, районный центр.
- Казаяк — название тамги, приписываемой племени салоров. В переводе с туркменского языка — «гусиная лапа».
- Кайы (кайыг) — средневековое туркменское племя.
- Калак-теде — название кладбища, расположенного к югу от поселка Кошоба.
- Канджик — подразделение туркменского племени текинцев.
- Кара-ойли — средневековое туркменское племя.
- Кара-чока — подразделение туркменского племени иомутов.
- Карадашлы — туркменское племя.
- Караймык-ата — см. Караэлем.
- Караэлем-ата — название кладбища и урочища на северных склонах Большого Балханского хребта.
- Каре — подразделение туркменского племени эрсаринцев.
- Каркын — средневековое туркменское племя.
- Каспийские ворота — узкий проход между горами и Каспийским морем около города Дербента.
- Кауджик-овлия — название кладбища.
- Кельтеминар — название населенного пункта в Хорезмском оазисе.
- Кемаль-ата — название кладбища и шора (солончака).
- Кер — подразделение туркменского племени текишцев.
- Керки — поселок, расположенный в верхнем течении Аму-Дарьи.
- Киргиз Койсаки (Кыргыз Казахи) — здесь имеются в виду казахи.
- Кодж — аул, расположенный в западной части Ахальского оазиса.
- Кокли (коклы) — средневековое туркменское племя.
- Копет-Даг — горный хребет, северная часть Туркмено-Хорасанских гор.
- Коч-ата — см. Кодж.
- Кошоба — поселок на северо-западе Чильмамедкумов.
- Красноводский полуостров — полуостров, образованный двумя заливами Каспийского моря — с севера Кара-Богаз-Голом и с юга — Красноводским заливом.
- Крымчаки — название части кочевого населения XVI в., обитавшего в низовьях реки Волги.
- Кукурт — название могильника и аула на южном берегу Кара-Богаз-Гола.
- Кукурт-ата — название средневекового могильника около аула Кукурт.
- Кулас — средневековый народ, живший между Каспийским и Азовским морями.
- Кызык — средневековое туркменское племя.
- Кызыл-Арват — город в западной Туркмении.
- Кызыл-Имам — название кладбища, расположенного около аула Ярты-Кала (Юго-Западная Туркмения).
- Кызыл-Узень — поселок на п-ове Мангышлак.
- Кыр — обрывы, геологические останцы с крутыми стенками.
- Кюрен-Даг — западная часть Копет-Дага.
- Кяриз — 1. Система колодцев, соединенная подземной галереей для вывода подземных вод на поверхность земли. 2. Название аула у западных отрогов Большого Балханского хребта.
- Кяризек — название кладбища (условное), расположенного к западу от Фирюзинского ущелья.
- Мазар — 1. Строеие, внутри которого находится могила. 2. Участок земли с одним

- или несколькими захоронениями, огороженный какой-либо оградой.
- Махтум — туркменское племя.
- Меджеур — 1. Туркменское племя. 2. Смотровитель за «святым» местом.
- Медрессе — мусульманское учебное заведение.
- Мечеть — помещение (место) для коллективных молитв мусульман.
- Мерв — средневековый город, расположенный в 30 км к востоку от современного города Мары.
- Мешед-ата — название кладбища, расположенного к северу от развалин Мешед-Миссаряна.
- Михраб — ниша в мечети, обращенная в сторону Мекки.
- Монголы — 1. Народ. 2. Группа кочевых среднеазиатских племен.
- Мургабский оазис — оазис, расположенный вдоль течения реки Мургаба (Южная Туркмения).
- Мурчали — туркменское племя.
- Небит-Даг — город в Западной Туркмении.
- Ниса — развалины столицы Парфии, находящиеся в 18 км к западу от Ашхабада.
- Похурли — туркменское племя.
- Нур-ата — подразделение туркменского племени атинцев.
- Нуратинские горы — горный хребт на севере Самаркандской области.
- Овляя — «святое» место; почитаемая могила, святыня (в религиозном смысле) вообще.
- Овляд — группа «святых» племен.
- Оглы — средневековое туркменское племя.
- Огланды — название поселка, расположенного у северо-западных отрогов Большого Балханского хребта.
- Огузы — средневековый тюркоязычный народ.
- Огурджалинцы (огурджали) — туркменское племя.
- Оклы — средневековое туркменское племя.
- Омар-ата — подразделение туркменского племени атинцев. Название кладбища у западных склонов Большого Балханского хребта.
- Отамыш — подразделение туркменского племени текинцев.
- Орфа — кочевье в Чильмамедкумах.
- Оюклы — аул в Чильмамедкумах.
- Пакир-ших — название кладбища, расположенного около аула Бендесена.
- Парау — аул, расположенный в 18 км к западу от Кызыл-Арвата.
- Парау-ата — название средневекового кладбища около аула Парау.
- Парау-Биби — название мазара, расположенного к югу от аула Парау.
- Пезе — подразделение туркменского племени иомудов.
- Пендинский оазис — оазис, расположенный в Южной Туркмении.
- Печенеги — печенеги, средневековый тюркоязычный народ южнорусских степей.
- Прибалханье — район, примыкающий к Большому Балханскому хребту.
- Половцы — средневековый тюркоязычный народ южнорусских степей.
- Сабир — 1. Средневековый народ, живший между Каспийским и Азовским морями. 2. Подразделение туркменского племени карадашлы.
- Салоры — туркменское племя.
- Салык — подразделение туркменского племени текинцев.
- Сам — пески, расположенные между Каспийским и Аральским морями.
- Сарыки — туркменское племя.
- Северный Хорасан — северная часть Хорасана — средневековой историко-этнографической области.
- Сеид — туркменское племя.
- Секиз-Даг — восточные отроги Большого Балханского хребта.
- Сельджуки — название политического средневекового туркменского объединения.
- Сенграджи — название кладбища на Узбое.
- Серахс — город в Южной Туркмении.
- Силь — водяной или грязевый поток, стекающий с гор.
- Сиругур — средневековый народ, живший между Каспийским и Азовским морями.
- Скифо-сарматы — ираноязычные племена Средней Азии античного времени.
- Султанлы — средневековое туркменское племя.
- Сумбар — река в юго-западной части Туркмении.
- Сура — глава священной книги мусульман Корана.
- Сюйли — название аула и кладбища на западе Чильмамедкумов.
- Такюпусхан — название тепе (холма) — развалин средневекового поселения (крепости?) около аула Кодж.
- Тамга — знак для клеймения скота.
- Тана — подразделения туркменского племени иомудов.
- Таурмены — кочевой народ, упоминаемый Новгородской летописью.
- Ташауз — областной центр СССР.
- Тедженский оазис — оазис, расположенный вдоль течения реки Теджен.
- Тскс (текинцы) — туркменское племя.
- Тиведжи — средневековое туркменское племя.
- Тильки — подразделение туркменского племени текинцев.
- Тире — название структурного подразделения туркменских племен.
- Торки — кочевой средневековый народ южнорусских степей.
- Торкмени — кочевой средневековый народ, упоминаемый в Ипатьевской летописи.
- Торци — кочевой средневековый народ, упоминаемый в Ипатьевской летописи.
- Тохтамыш — подразделение туркменского племени текинцев.
- Тумор — нагрудное женское украшение.
- Туер — см. Дукер.

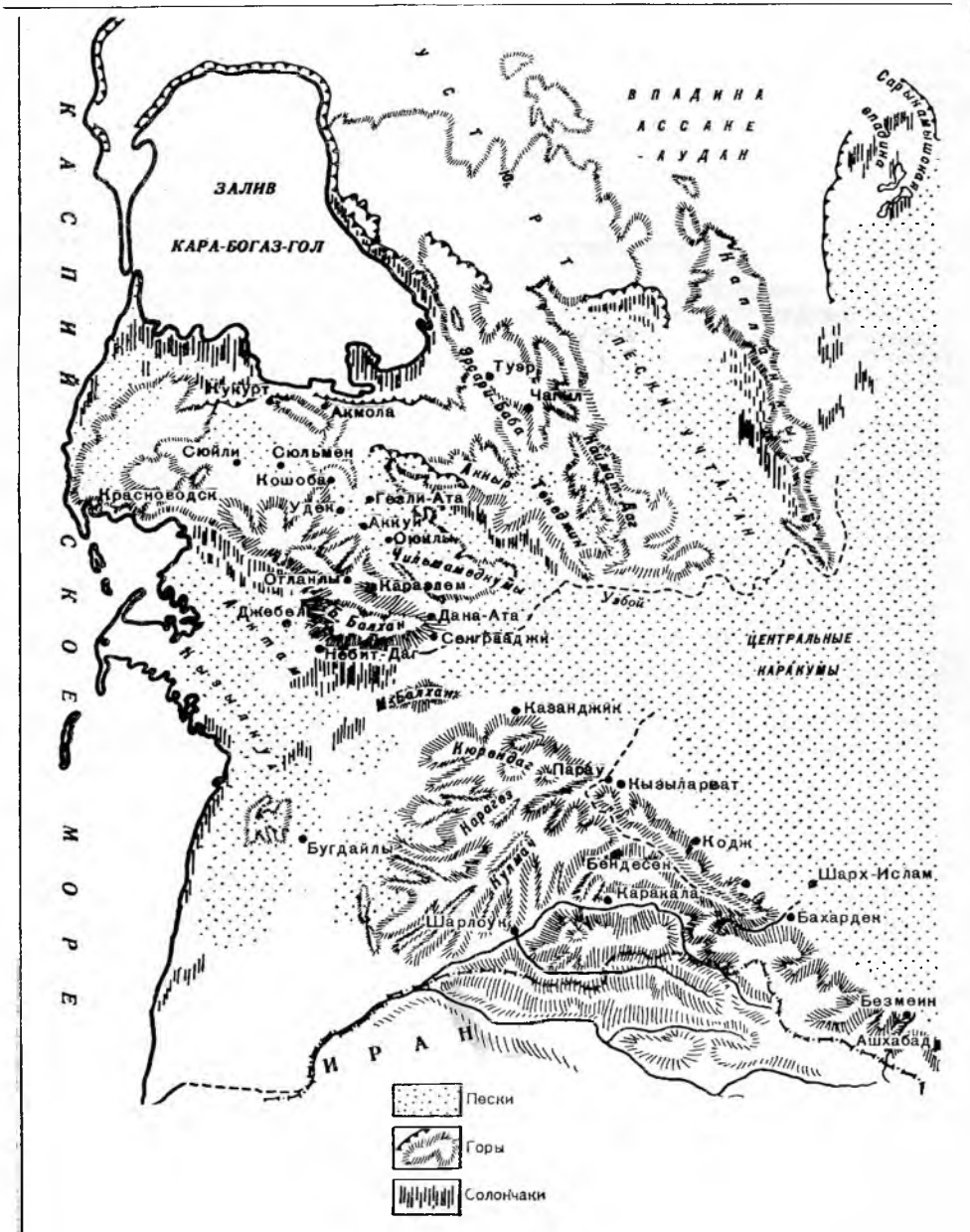
- Турки — здесь имеются в виду тюркоязычные народы.
- Тутюрка — средневековое туркменское племя.
- Тюрки — 1. Народы, говорящие на тюркских языках. 2. Тюркоязычные племена, завоевавшие в VI в. Среднюю Азию.
- Убак — подразделение туркменского племени атинцев.
- Убык — аул на севере Чильмамедкумов.
- Узбой — сухое русло в западных Каракумах.
- Удек (Балханский) — название могильника и кочевья на западе Чильмамедкумов.
- Удек (Мангышлакский) — название могильника и аула в северо-западной части Мангышлака.
- Ула-йондулуг — средневековое туркменское племя.
- Ула-тупа — средневековое туркменское племя.
- Усуни — кочевой народ, паселявший на рубеже н. э. Тянь-Шань и Семиречье.
- Усть-юрт (Устюрт) — плато между Каспийским и Аральским морями.
- Уштам — название могильника на севере Мангышлака.
- Ферава — см. Парав.
- Хасар — средневековый народ, живший между Каспийским и Азовским морями.
- Хасарли — туркменское племя.
- Хива — город в Хорезском оазисе, столица Хивинского ханства.
- Химра — название (условное) кладбища на Мангышлаке.
- Хорезмский оазис — оазис, расположенный в низовьях Аму-Дарьи.
- Ходжа-кала — поселок в юго-западном Копет-Даге.
- Ходжа — туркменское племя.
- Хнониты — степные варварские племена (IV—V вв.) Средней Азии.
- Чалой — название кладбища на нижнем Узбое.
- Чанлы-ой — название кладбища.
- Чарак — светильник.
- Чандырь — река в Юго-Западной Туркмении.
- Чепни — см. чибни.
- Челекен — полуостров на Каспийском море.
- Чешме — родник, водный источник.
- Чибни — средневековое туркменское племя.
- Чильмамедкумы — пески, отделенные от Каракумов руслом Узбоя.
- Чони-атабай — подразделение туркменского племени иомутов.
- Чули — ущелье к западу от Ашхабада.
- Шарлоук — поселок в юго-западной Туркмении.
- Шахр-Ислам — развалины средневекового города, расположенные в 25 км к северу от Бахардена.
- Шахр-Хайбар — развалины средневековой крепости, расположенные к северу от Безмеина.
- Шереф-джафарбай — подразделение туркменского племени иомутов.
- Шир-Кабир — название культового средневекового центра, расположенного к северу от Мешед-Миссариана.
- Ших (шихи) — туркменское племя.
- Эрек — подразделение туркменского племени салоров.
- Эрекли — аул в северобалханской степи.
- Эрсари (эрсаринцы) — туркменское племя.
- Эрсари-баба — 1. Горный кряж, расположенный к юго-востоку от Кара-Богаз-Гола. 2. Название кладбища на перевале через горы Эрсари-баба.
- Эфталиты — кочевники, одна из ветвей гуннских племен Центральной Азии.
- Юсуп — подразделение туркменского племени текинцев.
- Языр — средневековая область в западной части Туркмении.
- Языры (языр) — средневековое туркменское племя.
- Ярты-кала — аул на юго-западе Копет-Дага.
- Ясман — подразделение туркменского племени текинцев.

Список сокращений

- ВА — Вопросы антропологии
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения русского археологического общества
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества, истории, археологии и этнографии
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
ОУАК — Оренбургская ученая архивная комиссия
ПЗКЛАИВ — Протоколы заседаний кружка любителей археологии и истории Востока
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
ТашГУ — Ташкенский государственный университет
ТАЭЭ — Туркменская археолого-этнографическая экспедиция
ТГУ — Туркменский государственный университет
ЮТАКЭ — Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция

Приложение

Таблица I

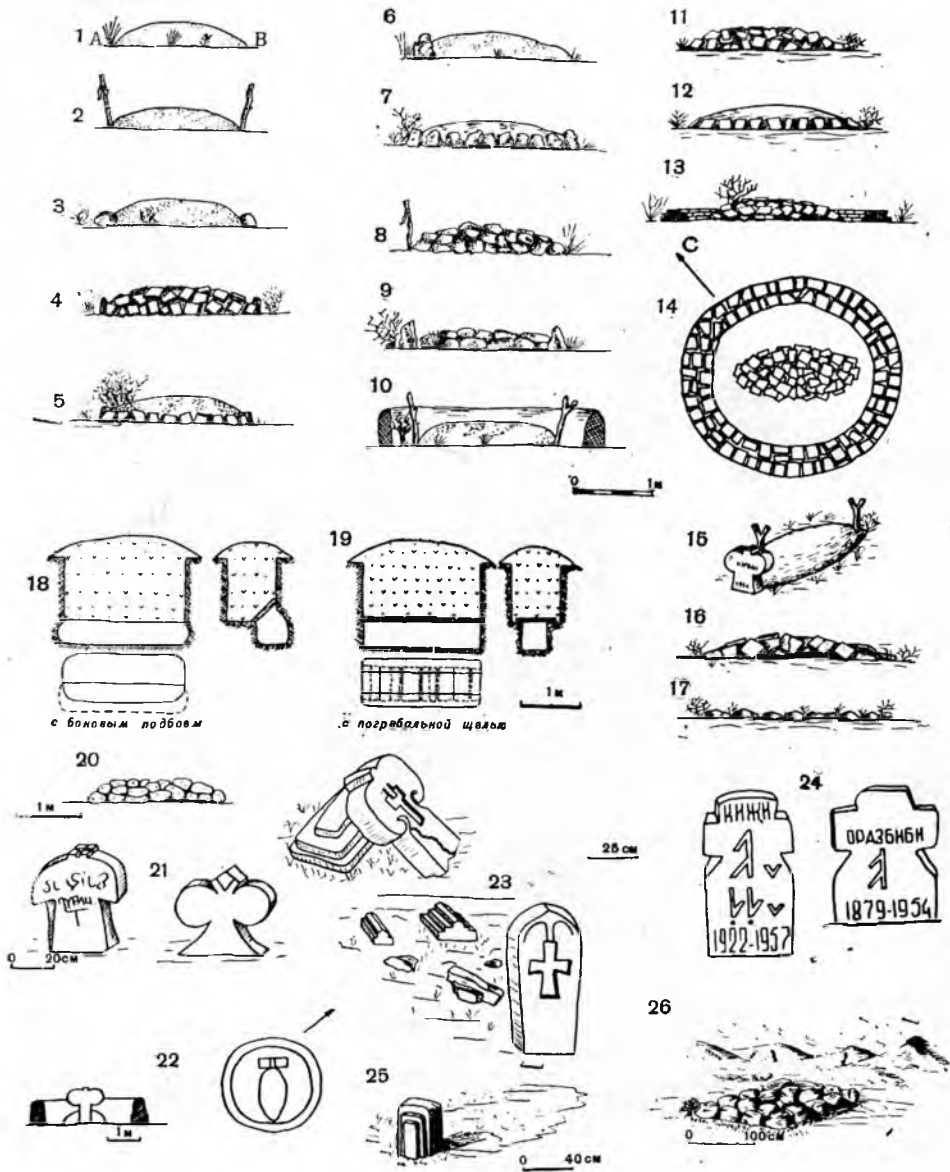
Карта-схема Западной Туркмении

Таблица II

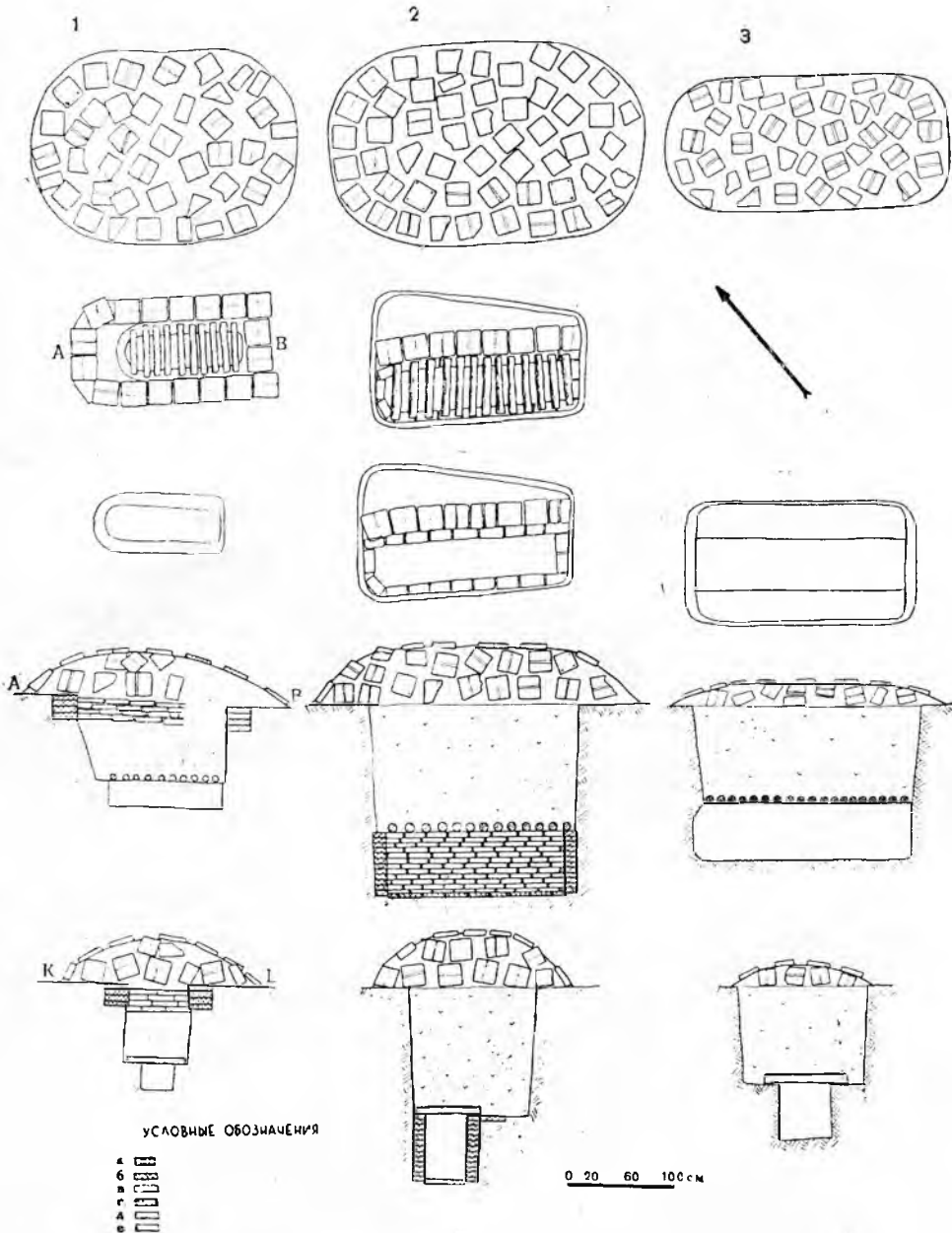
Схема основных маршрутов Туркменской археолого-этнографической экспедиции

Таблица III

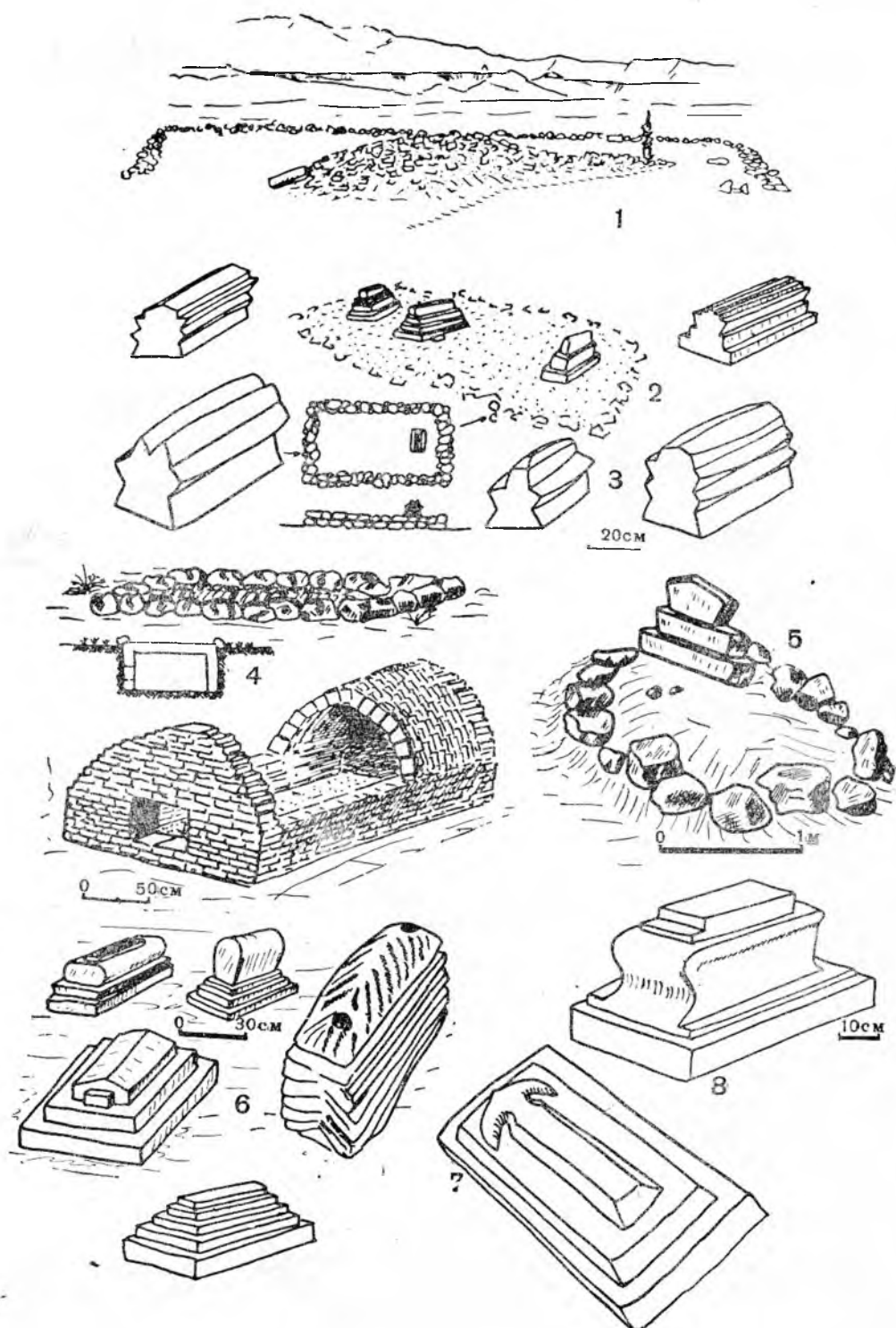

1—17 — типы современных надгробных сооружений на кладбищах Ахальского оазиса, 18—19 — типы современных могильных ям, 21, 22, 24 — типы современных фертов, устанавливаемых на кладбищах Ахальского оазиса, 23 — типы средневековых фертов, 25 — вторичное использование «пирамидки» в качестве стелы, 20, 26 — типы каменных современных выкладок на кладбищах подгорной полосы Ахальского оазиса

Таблица IV

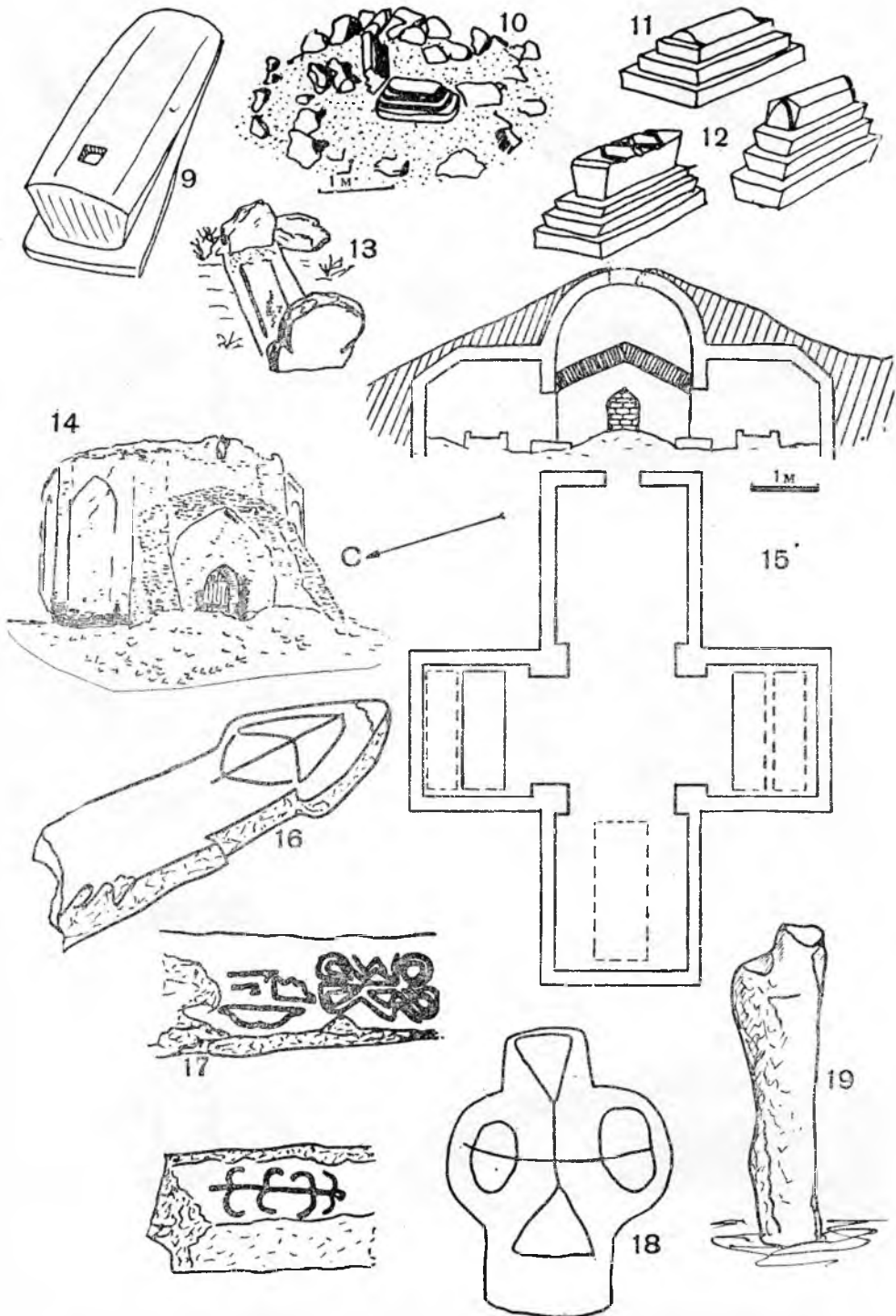

Типы надгробий и конструкции могильных ям на кладбище около городища Шахр-Ислам: а — кирпич, б — кирпич в разрезе, в — засыпка, г — дерево, д — дерево в разрезе, е — грунт

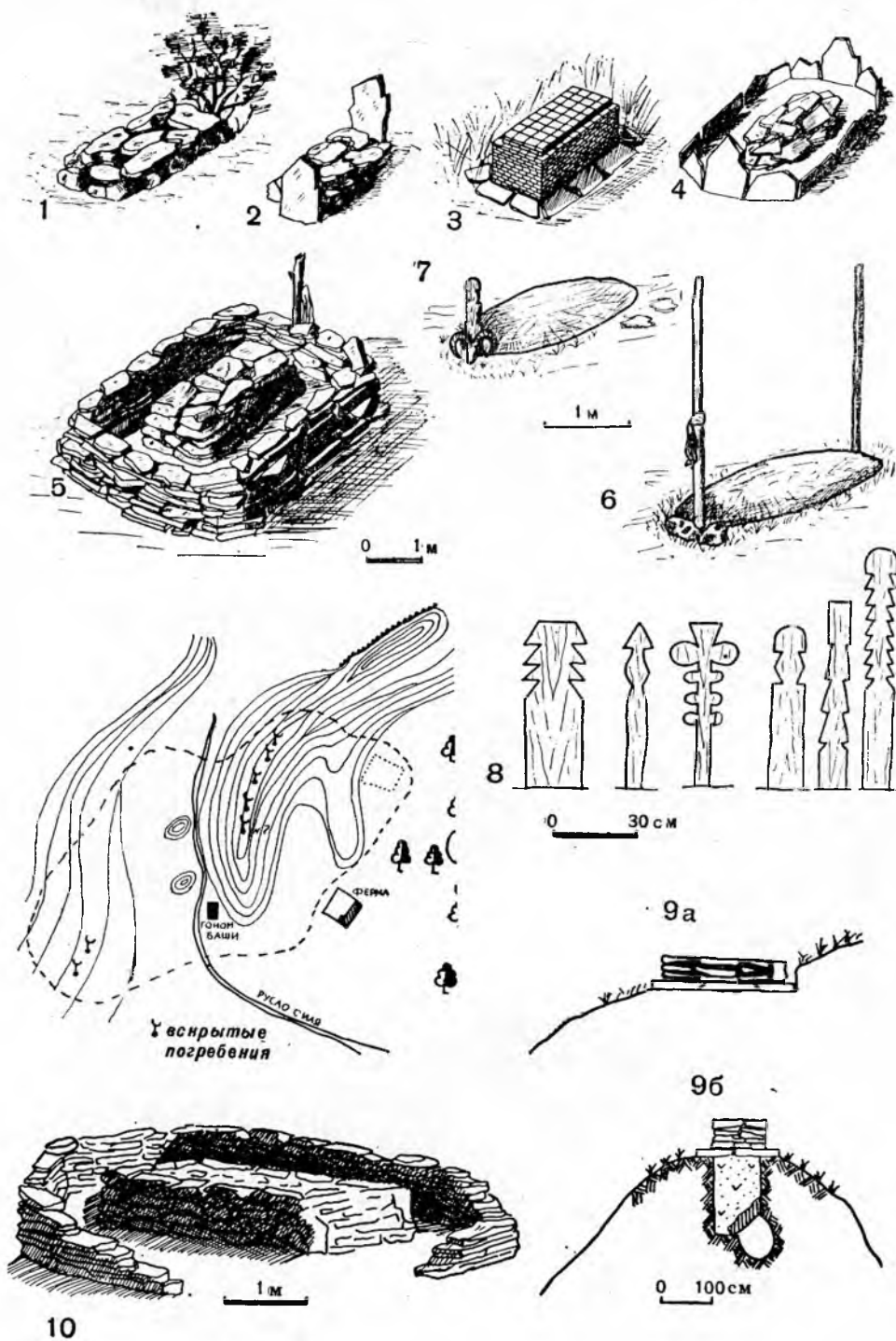
1 — общий вид надгробия на могиле Агар-Убака (Кодж), 2, 3, 6, 12 — типы «пирамидок» на кладбище Агар-Убак, 4 — подземный склеп на кладбище около городища Парав, 13 — надгробие «плита с фертами» на кладбище Агар-Убек, 14 — мавзолей на

Таблица V

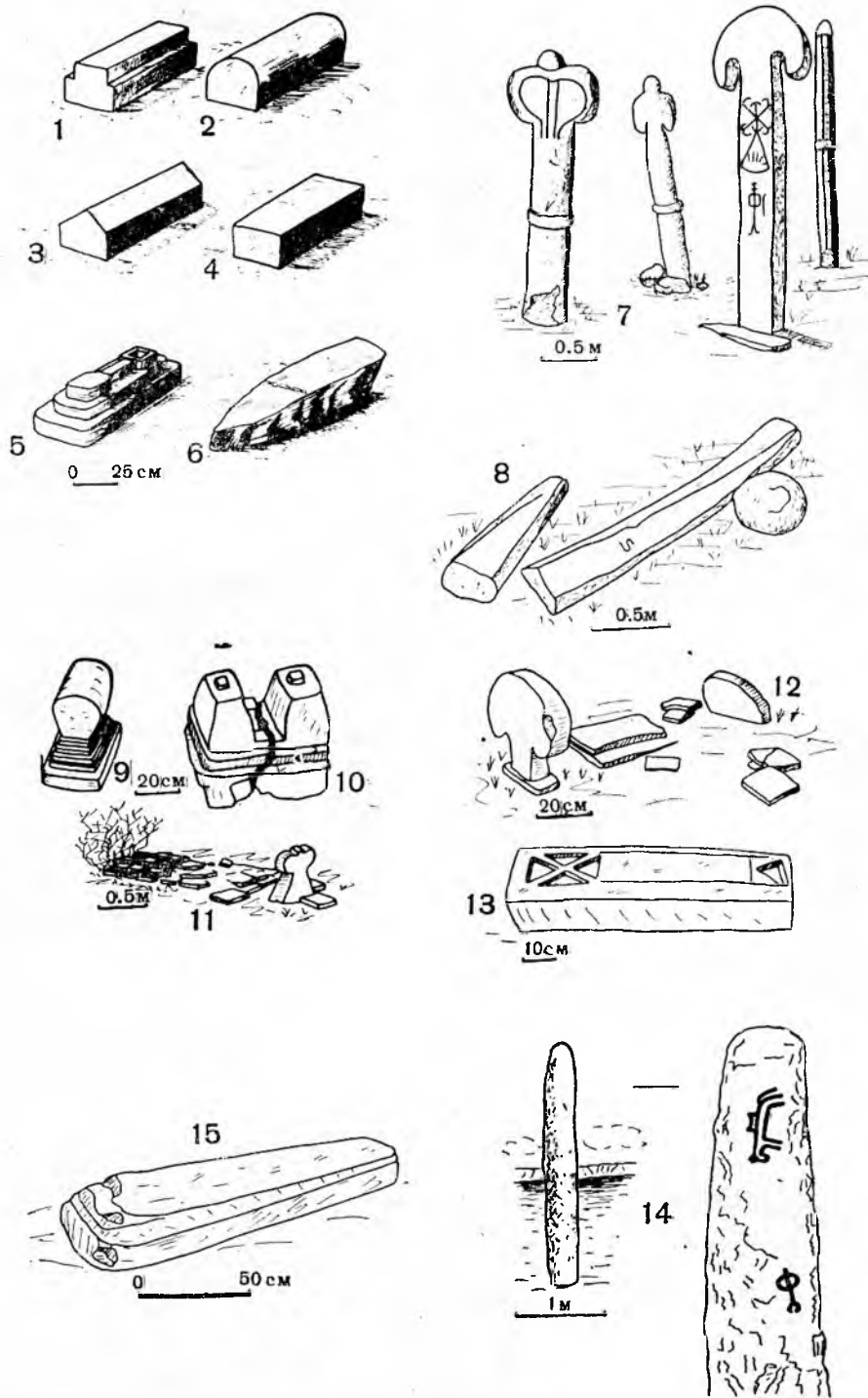
кладбище Шир-Кабир, под которым находится склеп, 15 — разрез и план большого склепа на кладбище Пакир-Ших, 16 — 19 — рисунки на надгробиях-столбах из Юго-Западной Туркмении

Таблица VI

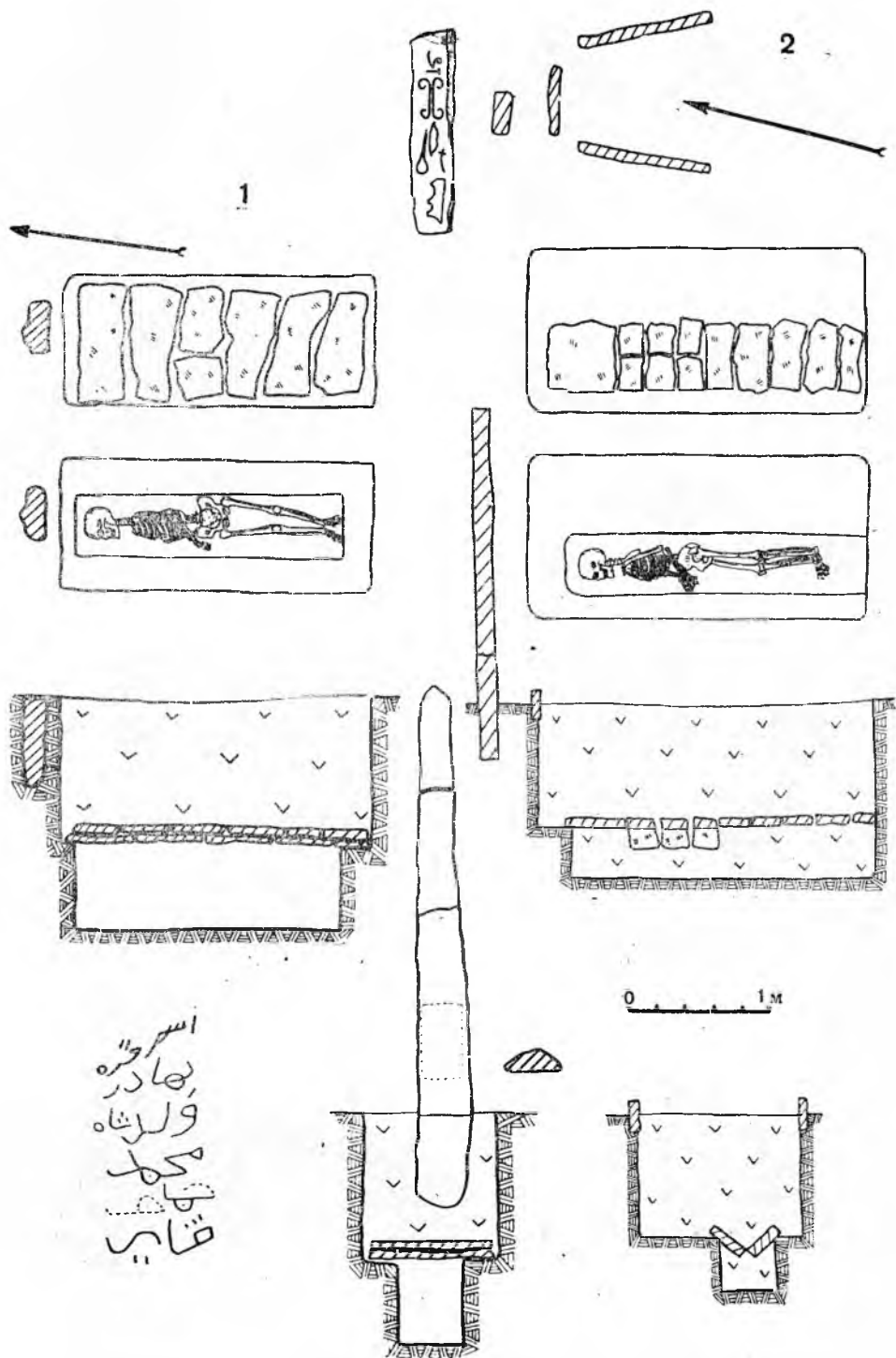

1—5 — типы средневековых надгробий на кладбищах Копет-Дага, 6—8 — надгробные памятники на современных могилах населения Копет-Дага, 9 — схема могильника у ручья Гез-баш, 9а — надгробия на могильнике Гез-баш, 9б — разрез могильной ямы, 10 — надгробие главной могилы на могильнике у ручья Гез-баш

Таблица VII

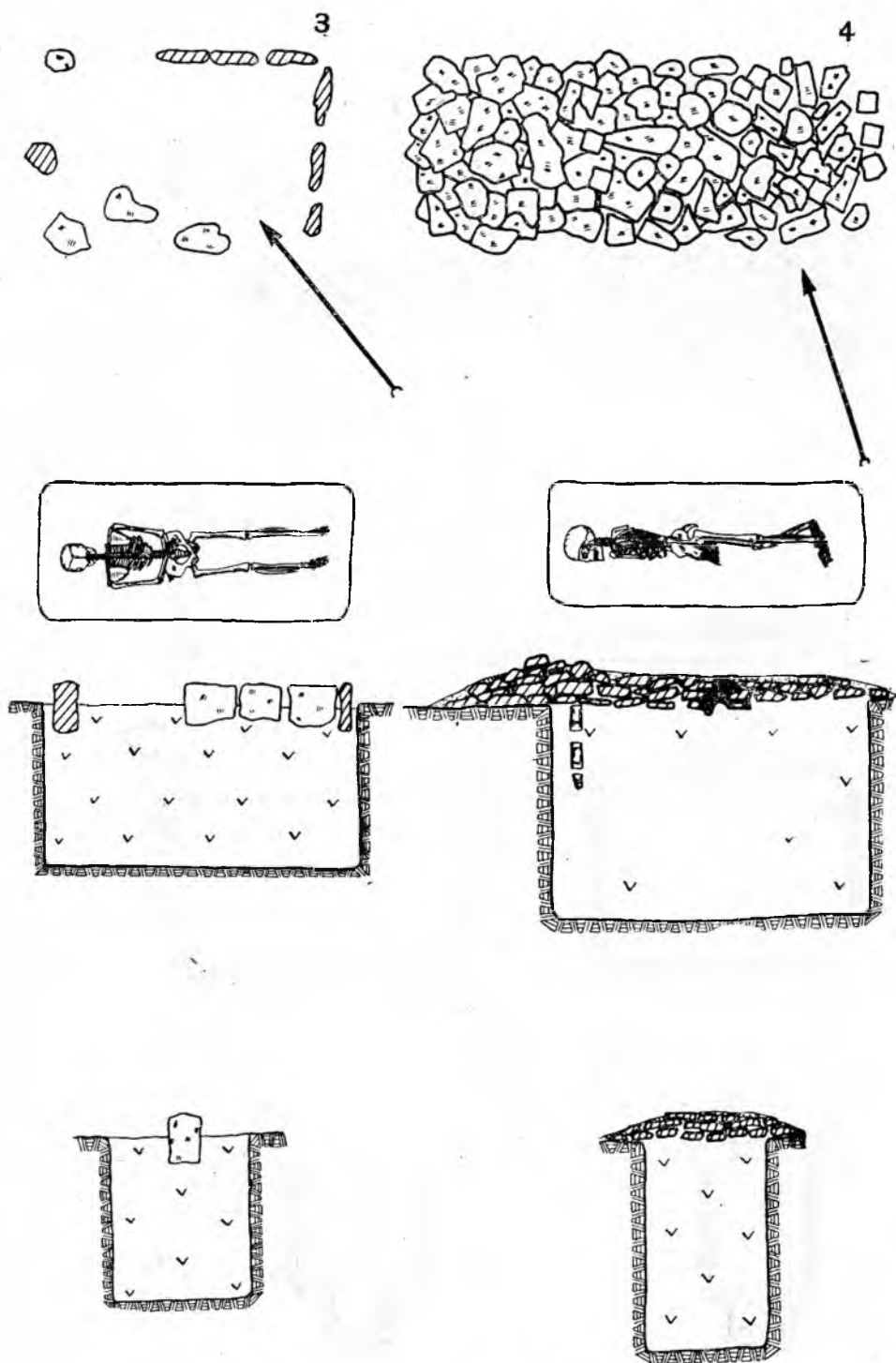

1—6, 9, 10, 13, 15 — типы пирамидок на кладбищах Юго-Западной Туркмении, 7, 8, 14 — надгробия столбы на могильниках Юго-Западной Туркмении, 11 — выкладка с фертом на кладбище Шир-Кабир, 12 — плита с фертами на кладбище Шир-Кабир

Типы надгробных сооружений и погребений на могильнике Бедели-Ата (Юго-Западная Туркмения)

Таблица VIII

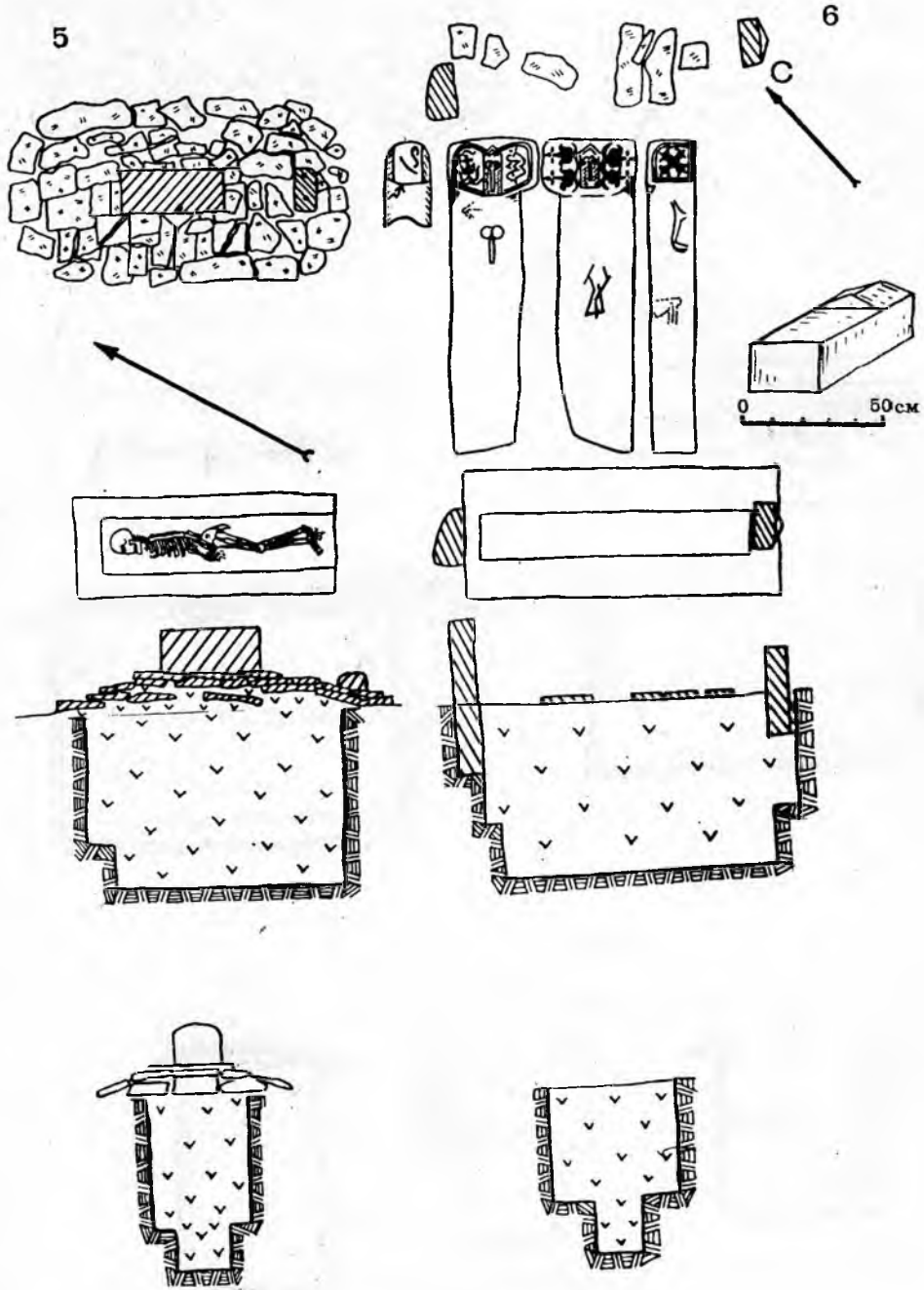
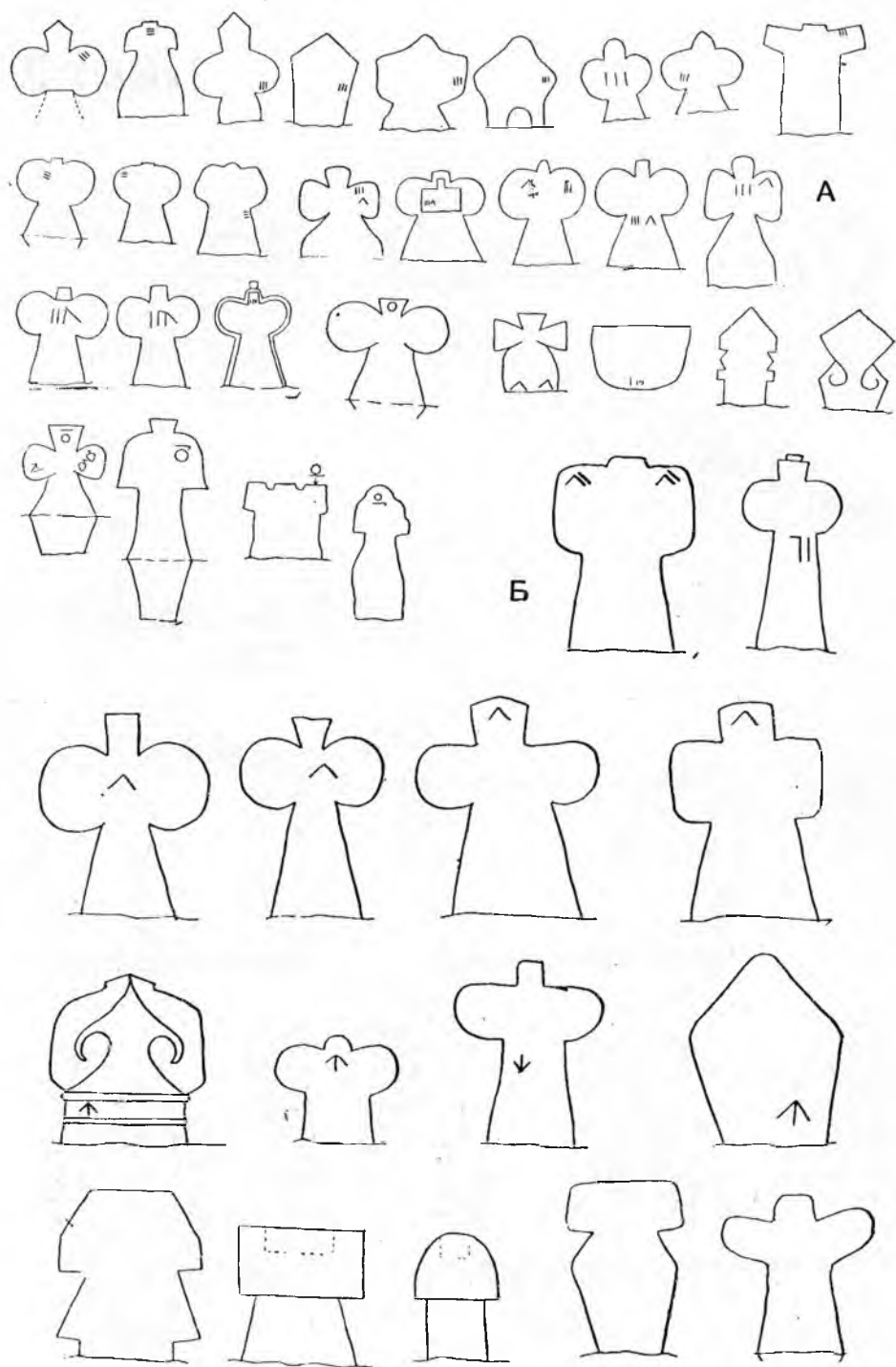

Таблица IX

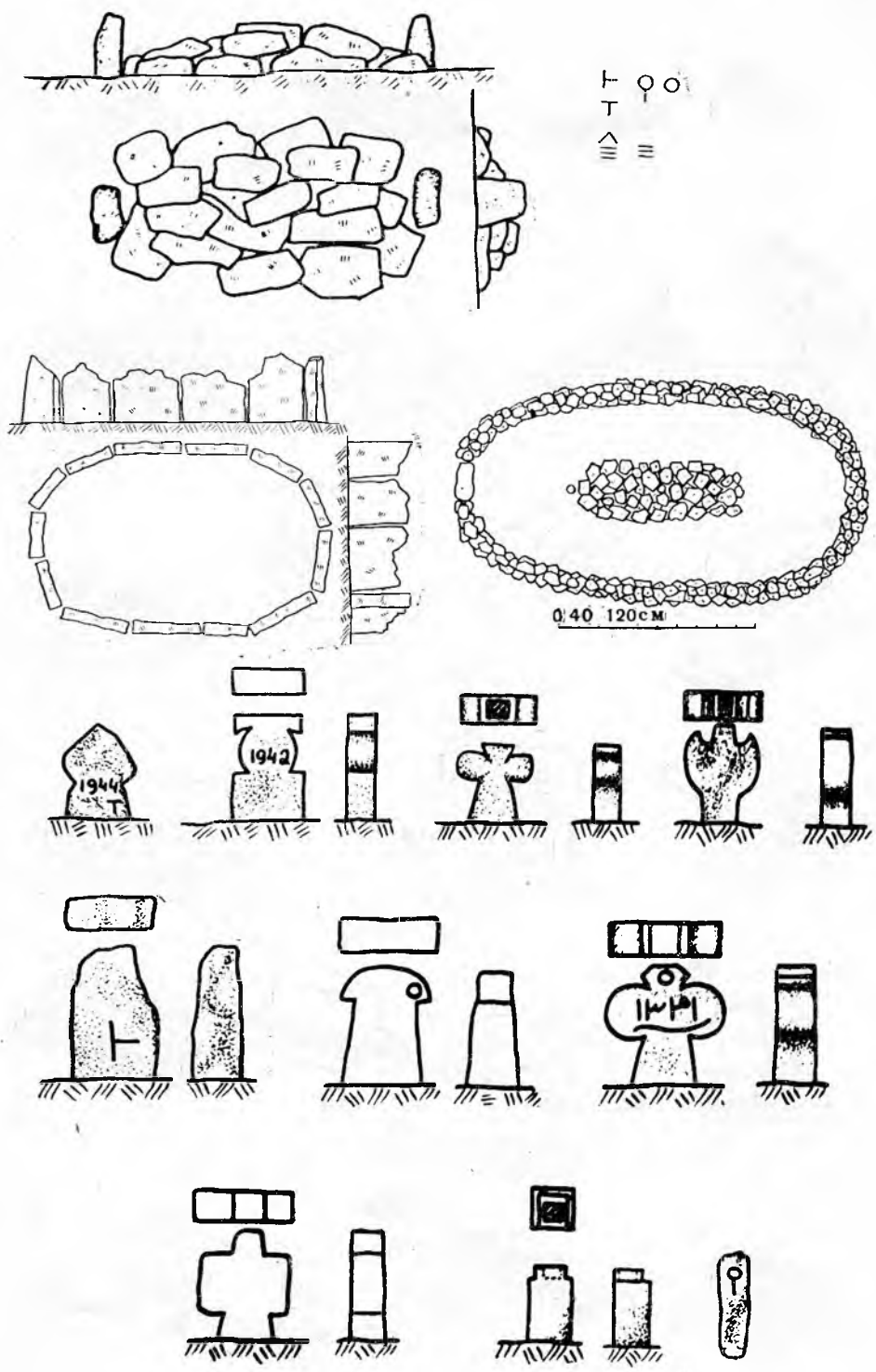
Типы фертов на современных кладбищах Северо-Балханской степи

Таблица X

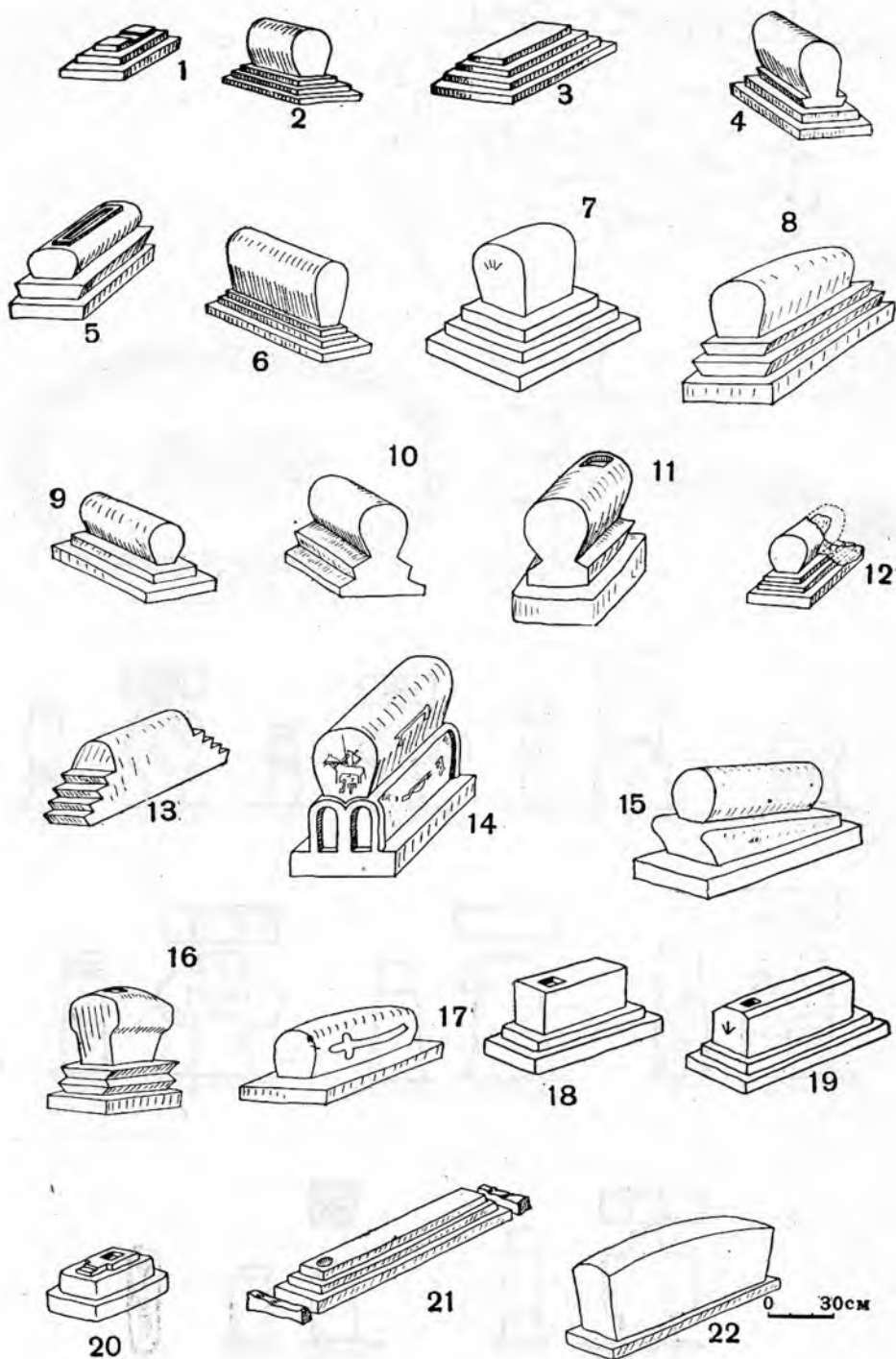

Типы фергов XIX — начала XX в. на кладбищах Балкан

Таблица XI

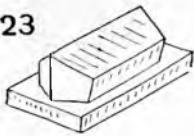
Типы надгробных сооружений на кладбище у колодцев Огланлы

Типы надгробий-пирамидок на кладбищах Балхан

Таблица XII

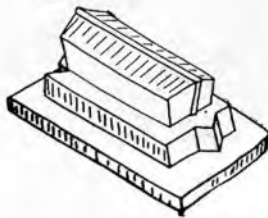
23

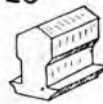
24

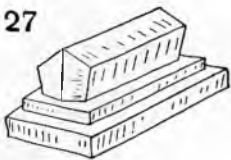
25

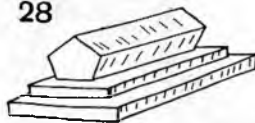
26

27

28

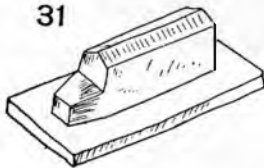
29

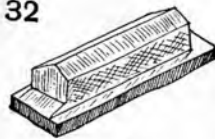
30

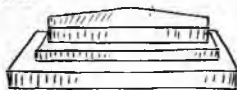
31

32

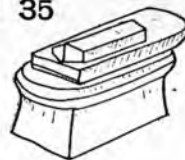
33

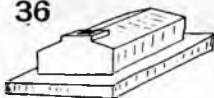
34

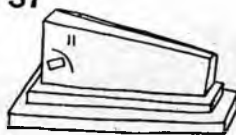
35

36

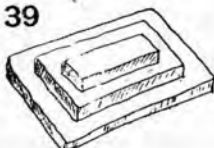
37

38

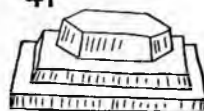
39

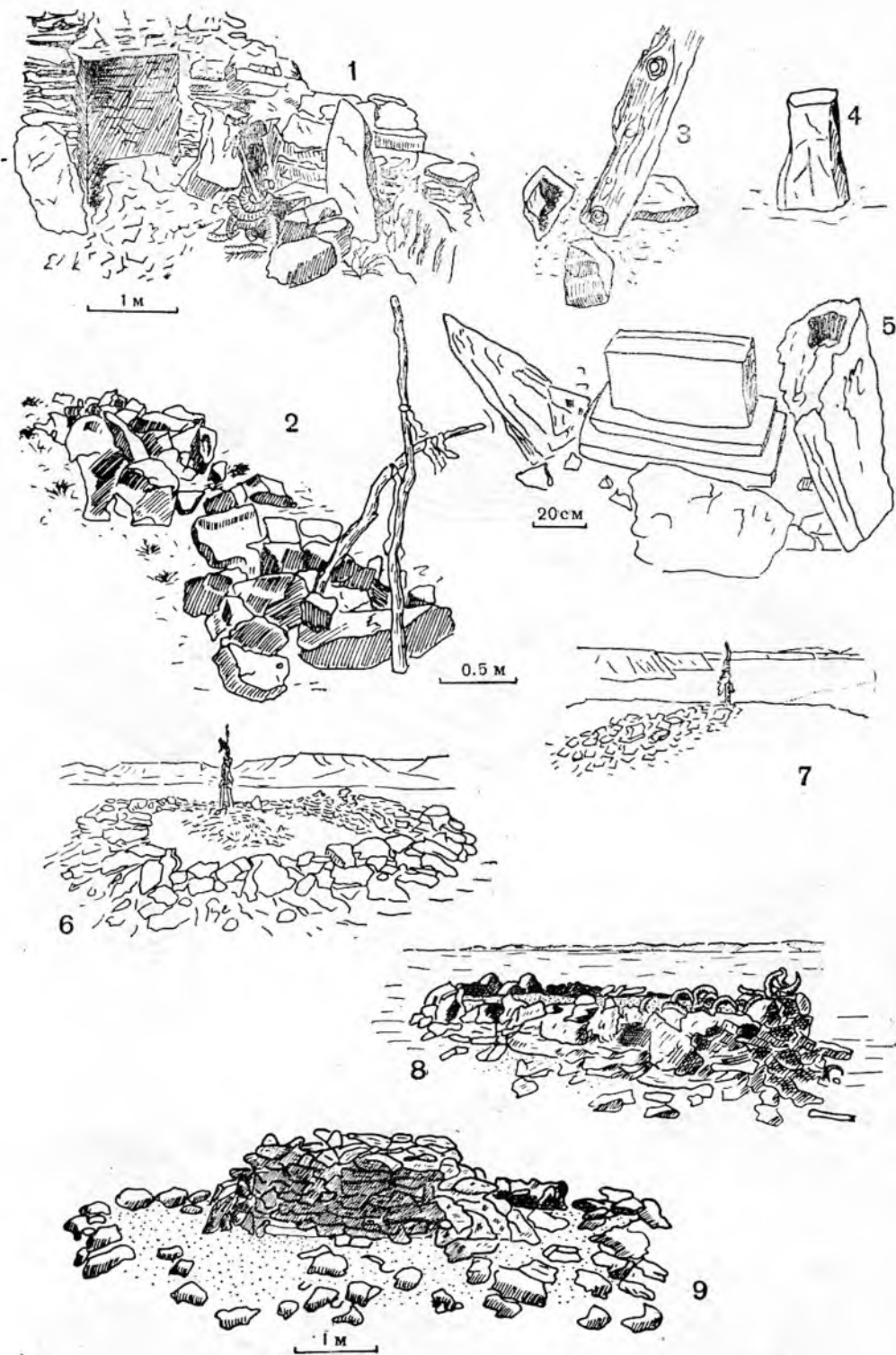

40

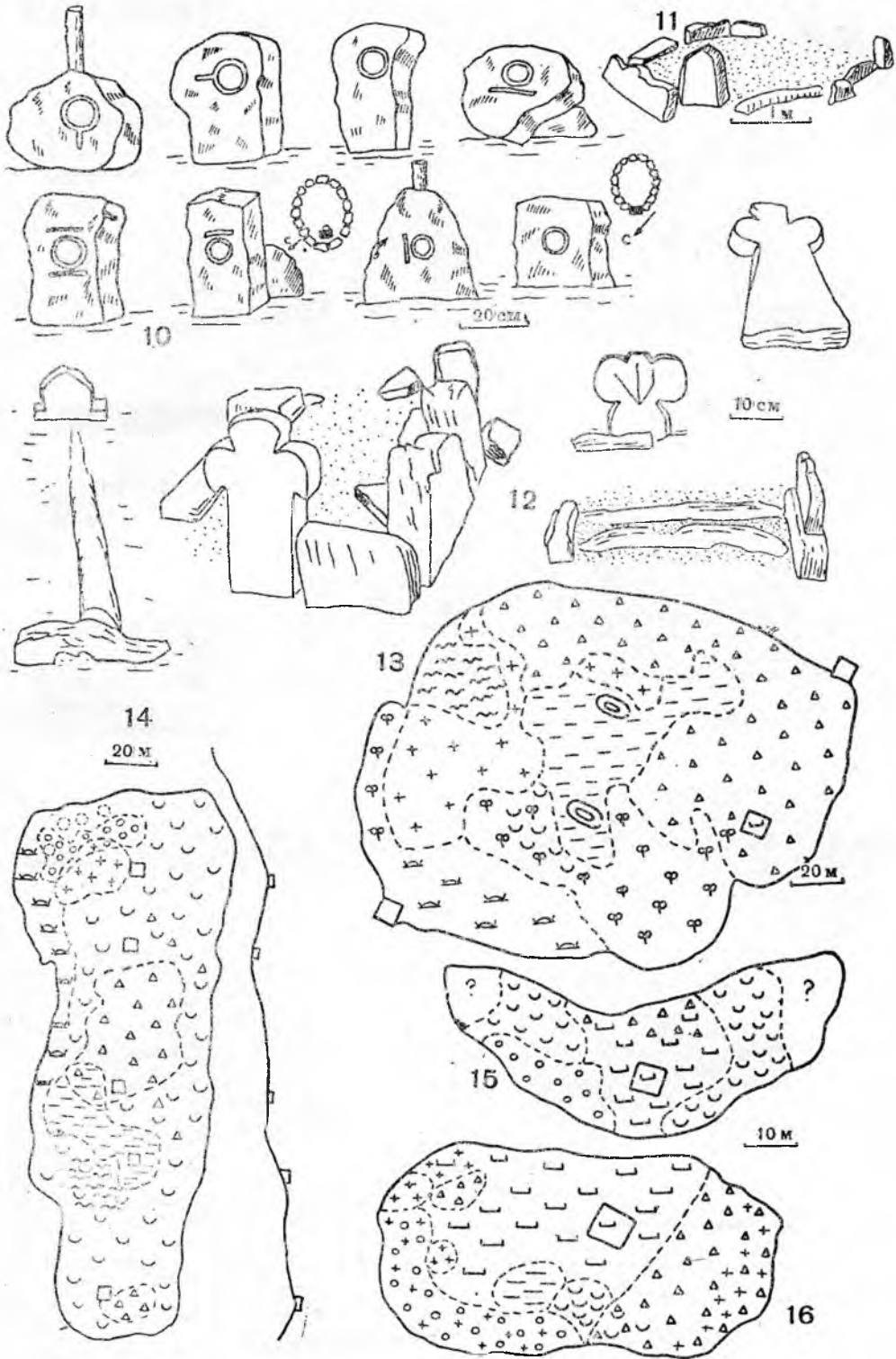
41

1 — главная могила кладбища Дана-Ата (Балханы), 2 — надгробие над могилой Эрсари-Баба, 3 — светильники у подножия столба на могиле Каразем-Ата, 4 — стела-светильник на почитаемой безымянной могиле в северо-балханской степи, 5 — пирамидка со стелой-светильником (северо-западное побережье Кара-Богаз-Гола), 6 — надгробие над могилой Гезли-Ата, 7 — надгробие главной могилы кладбища около Кошобы, 8 — надгробие над могилой Кемаль-Ата, 9 — надгробие одной из

Таблица XIII

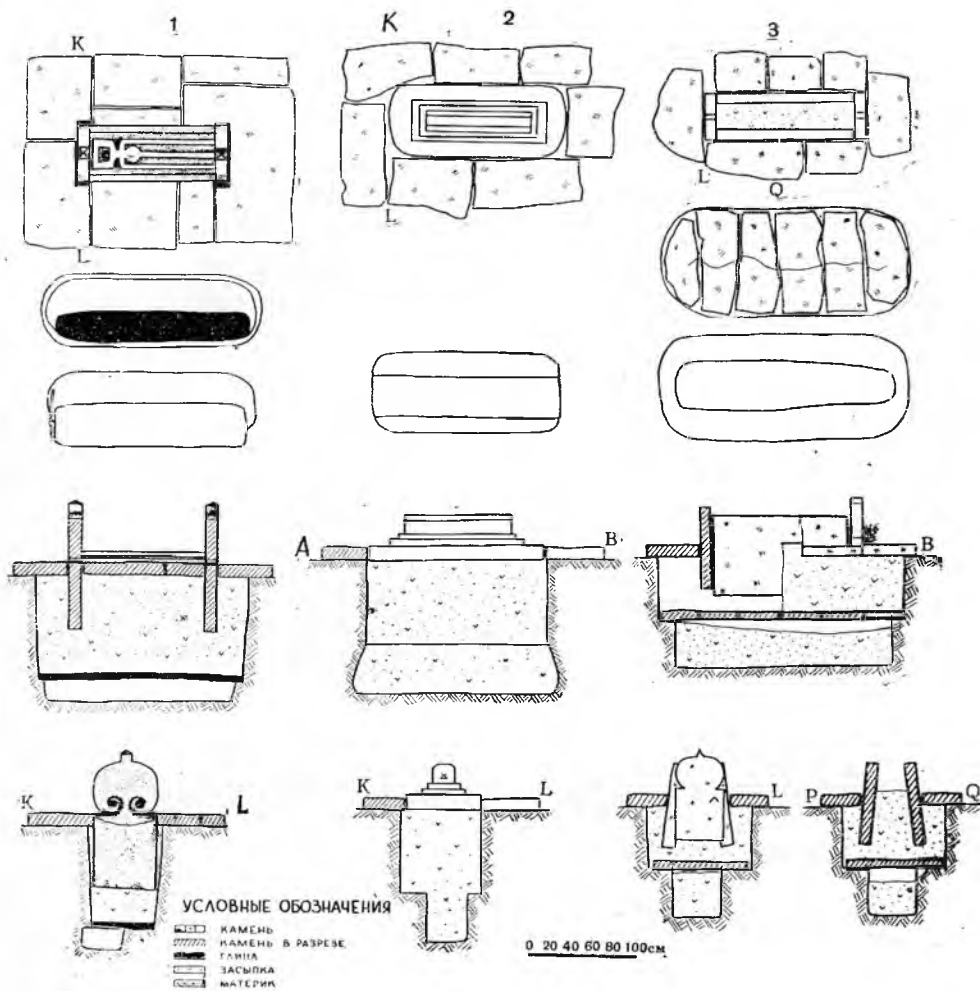

почитаемых могил кладбища Омар-Ата, 10 — надгробие стелы на могилах туркмен-ходжа (Караэле-Ата), 11 — «степная» мечеть у аула Сюйли, 12 — типы надгробных сооружений на кладбище около аула Сюйли, 13 — схемы расположения захоронений с различными надгробиями на кладбищах Балхан: 13 — кладбище Гезли-Ата, 14 — кладбище Дана-Ата, 15, 16 — кладбище Кукурта

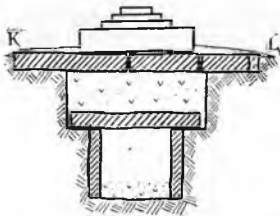
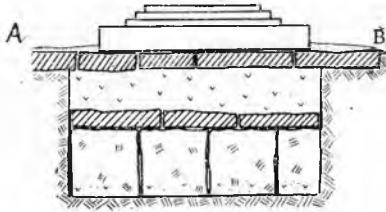
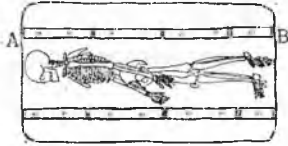
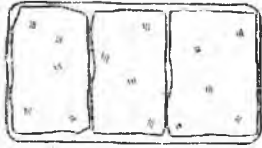
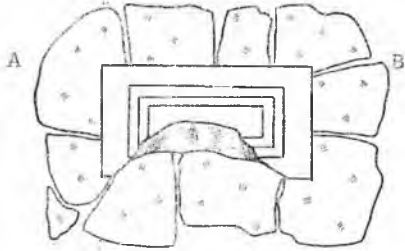
1—5 — виды надгробий «плита с фертами», наиболее распространенные на кладбищах Балхан, 6 — казахский мазар начала XX в. на кладбище около аула Сульмен, 7, 8 — «медрессе» на кладбище около Кошобы и рисунки, нацарапанные на штукатурке этого сооружения, 9—10 — типы выкладок на кладбище Даната (Балханы), 11 — надгробие «две стелы» с выкладкой, 12, 13, 14 — образцы изображения оружия на пирамидках

Таблица XV

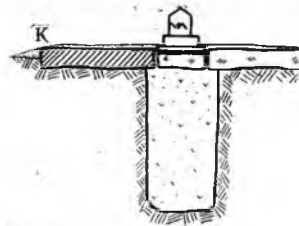
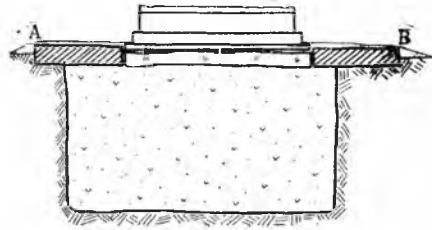
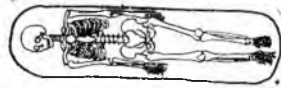
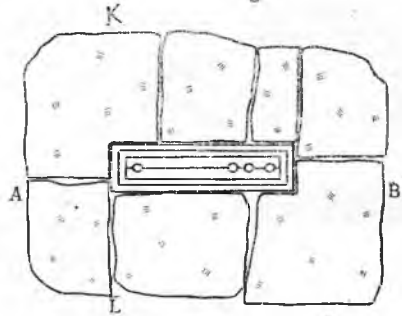

1—5 — погребения некрополя Удек (Балханы), 6 — план и разрез склепа в Кошобе

4

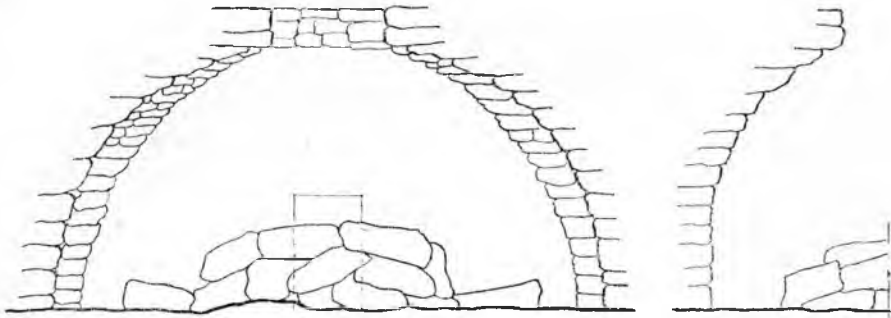

5

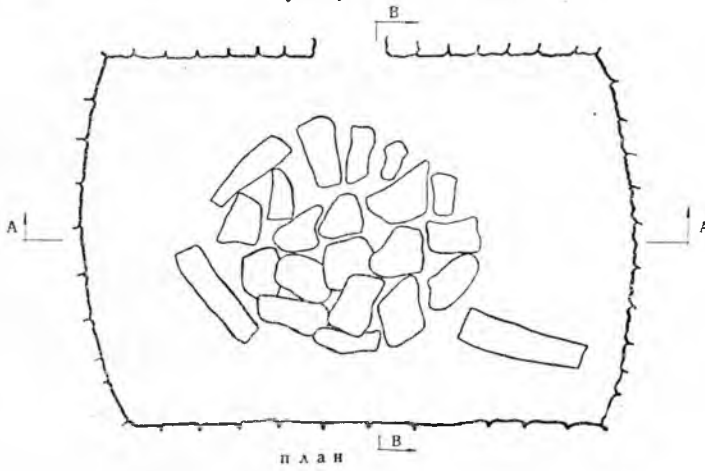
0 20 40 60 80 100cm

Продолжение

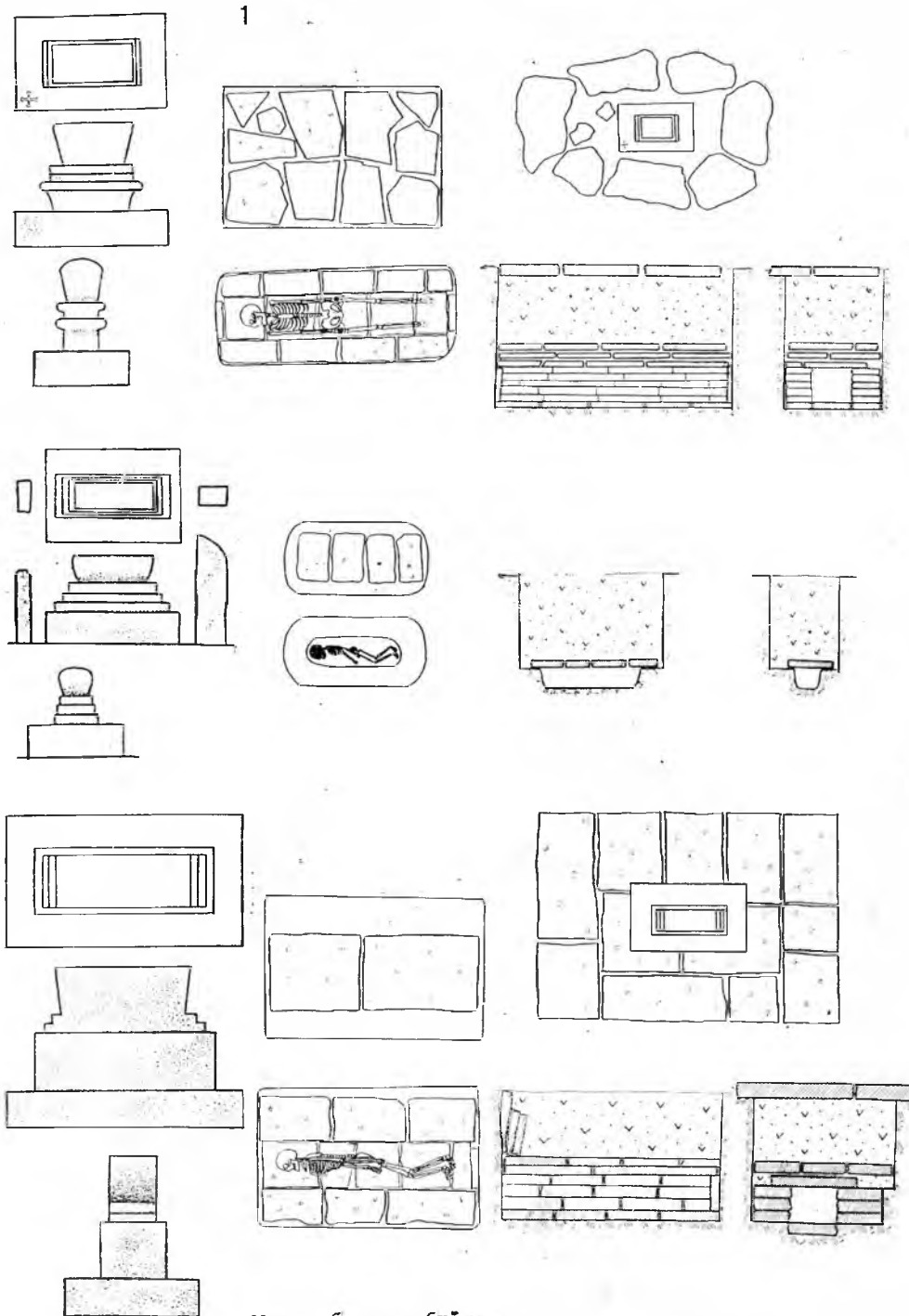
разрез по А-А

разрез по В-В

СКЛЕП

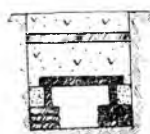
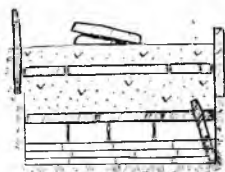
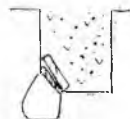
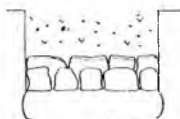
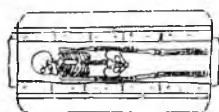
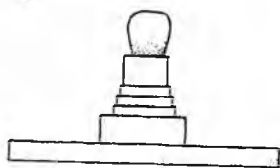
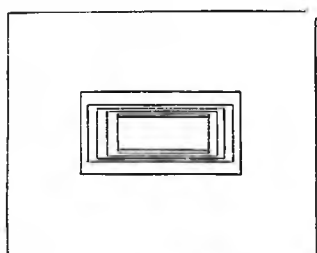
Уменьшено в 10 раз

Масштаб надгробий 0 20 40 60 80 100см Масштаб планов захоронений 0 40 80 200 см

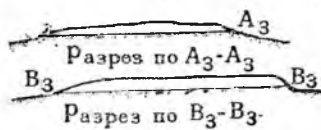
Погребения некрополя Кукурт, 1, 3, 5, 7, 8, 9, 10 — погребения с надгробиями «пирамидка», 4, 6, 14 — погребения с надгробиями «плита с фертаями», 2 — погребения с надгробиями «ящик», 11, 12, 13 — погребения с надгробиями «две стелы» ●

Таблица XVI

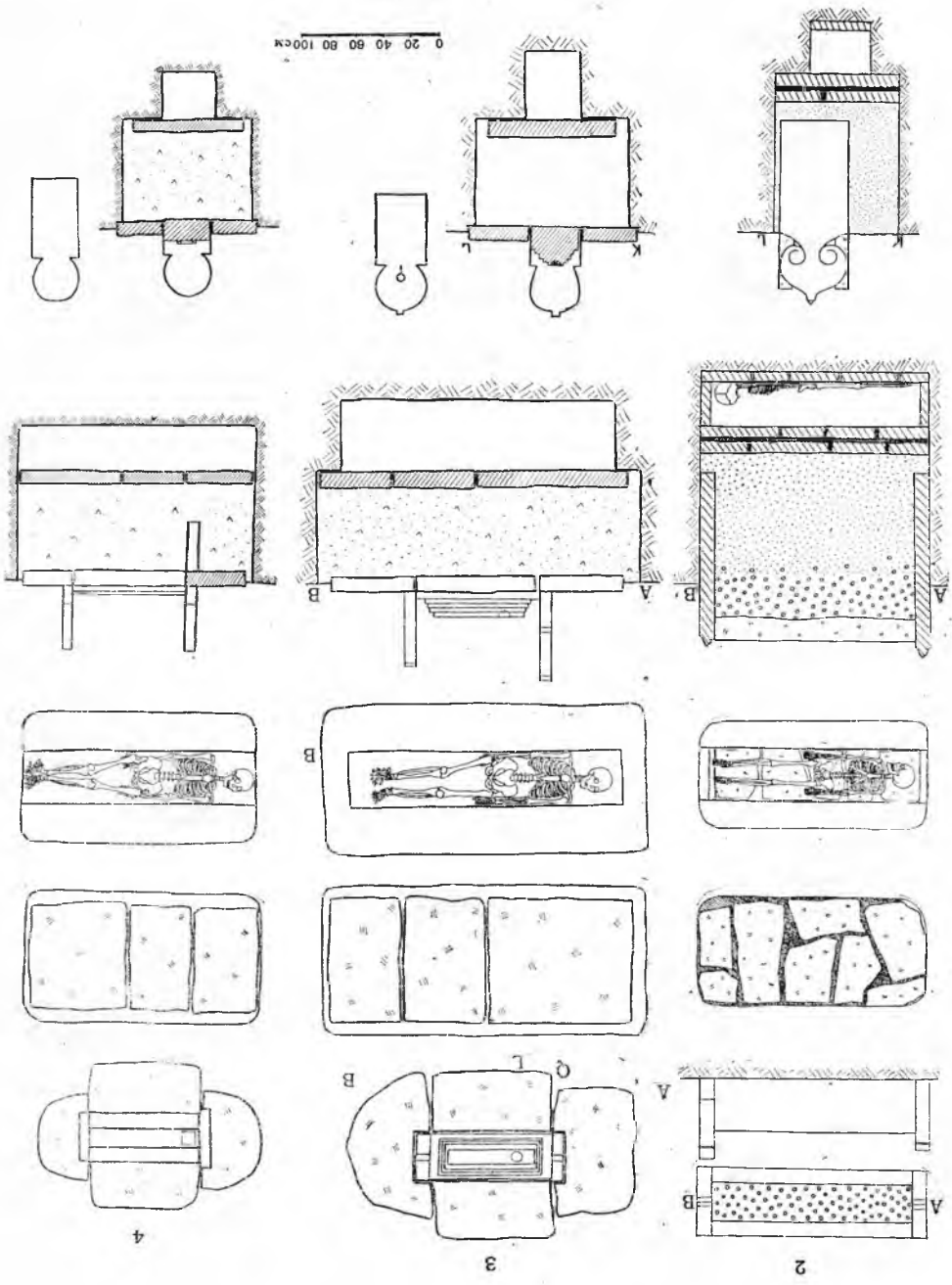
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

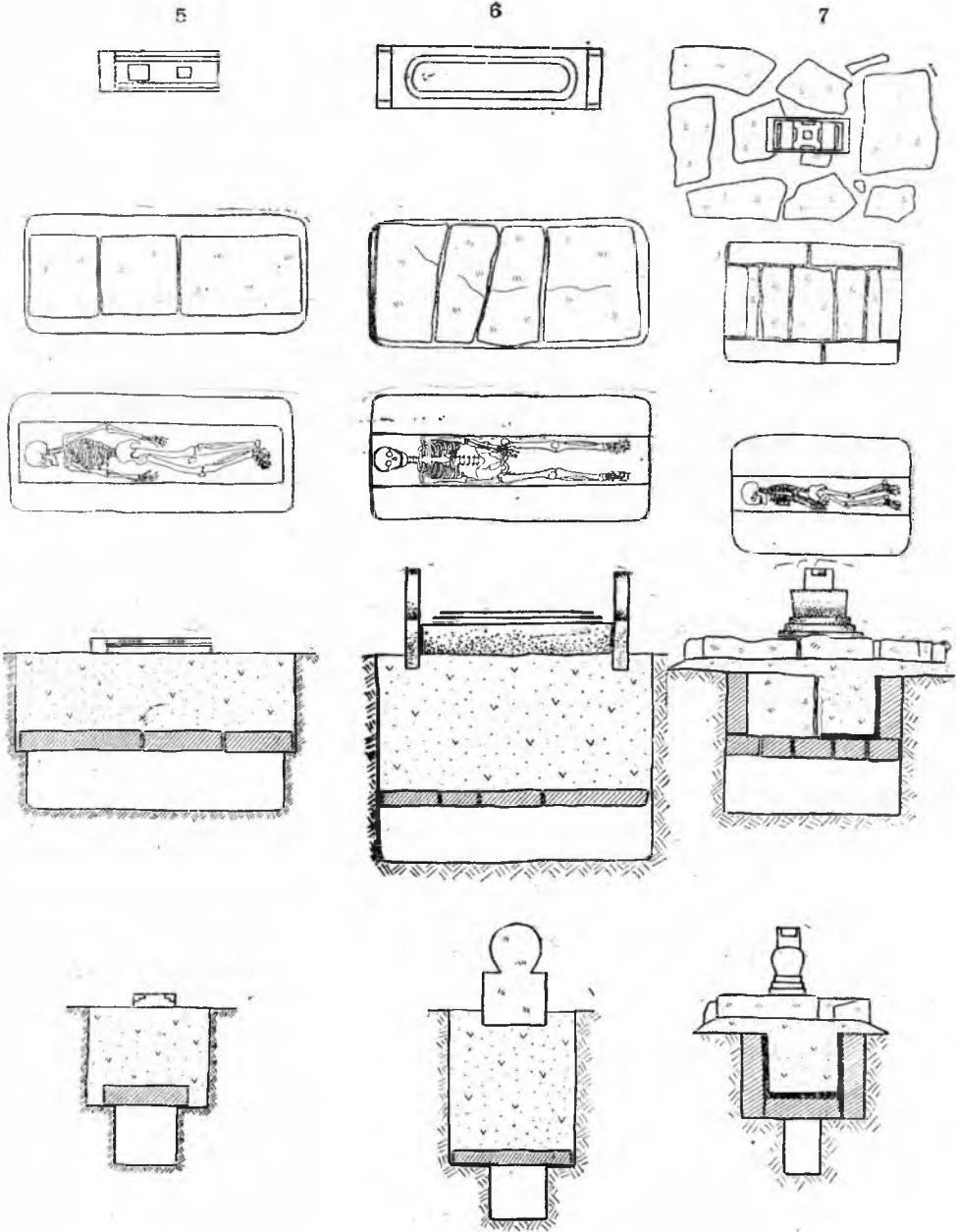
- КАМЕНЬ
- КАМЕНЬ В РАЗРЕЗЕ
- ЗАСЫПКА
- ГРУНТ

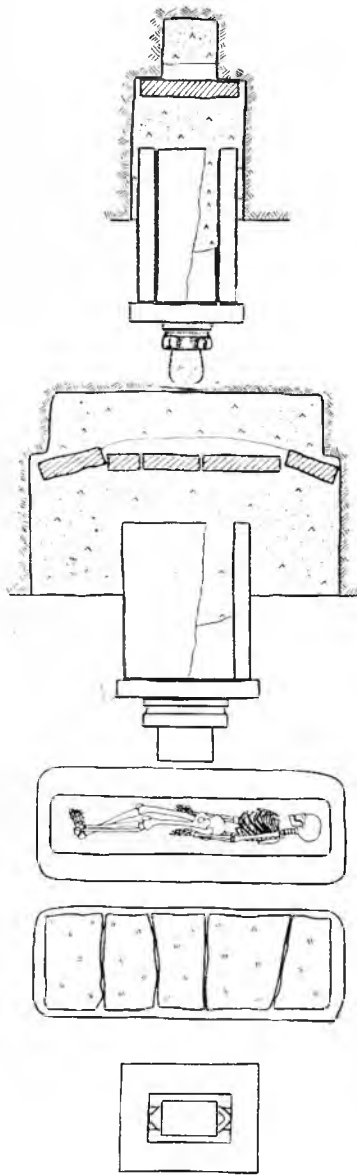

10 м

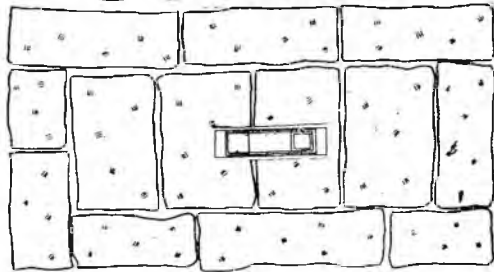
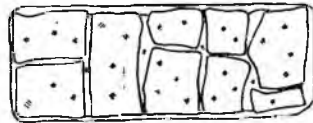
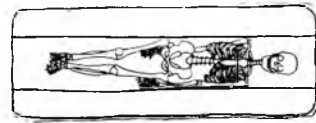
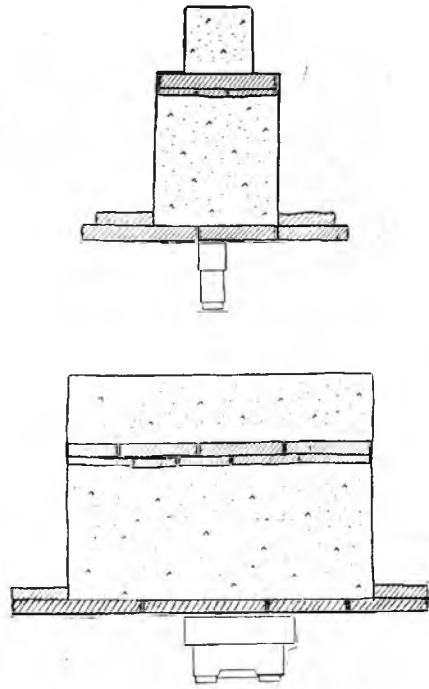
0 20 40 60 80 100cm

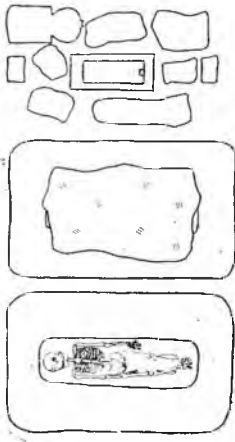

6

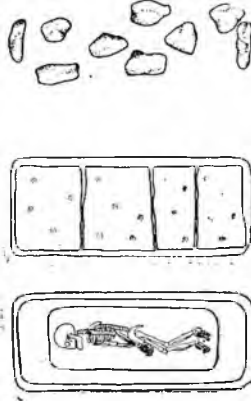

8

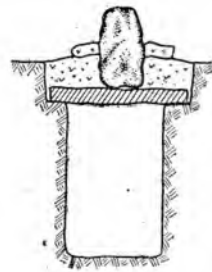
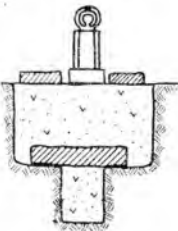
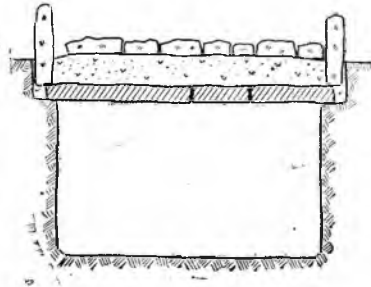
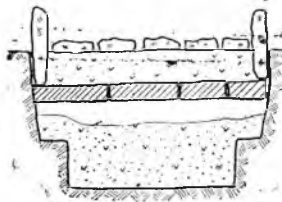
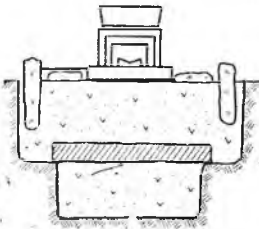
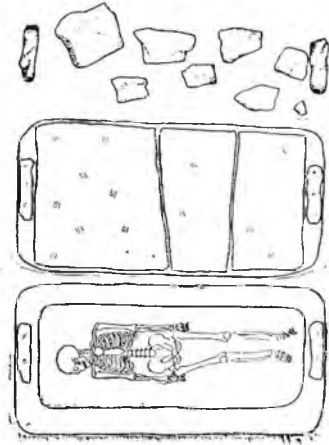
10

11

12

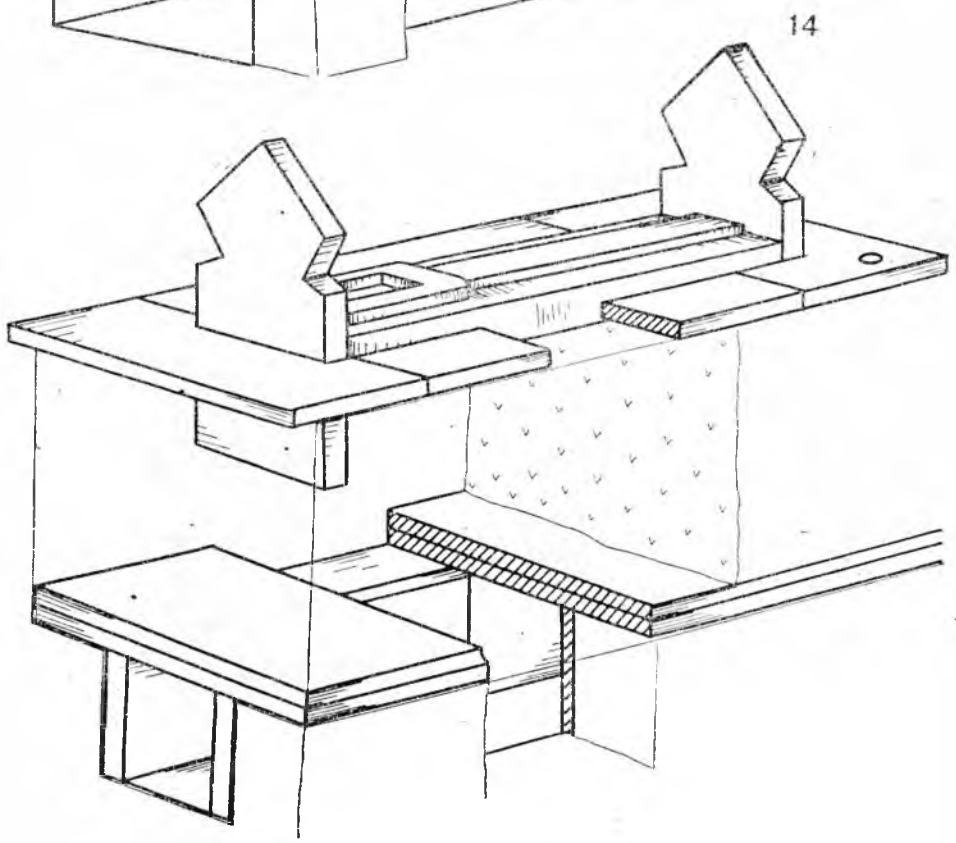
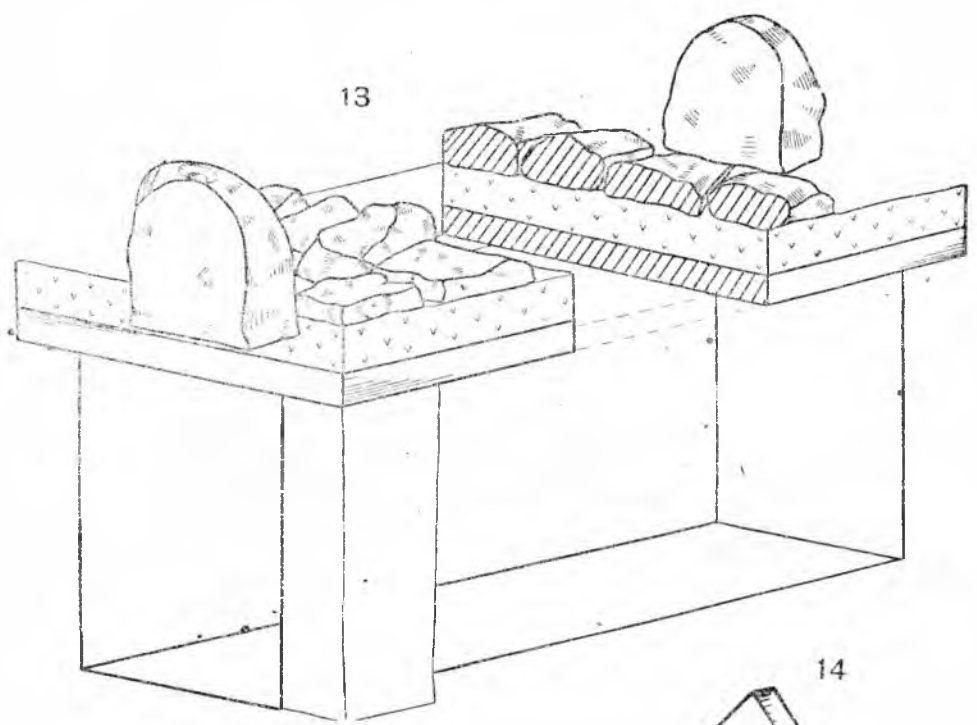
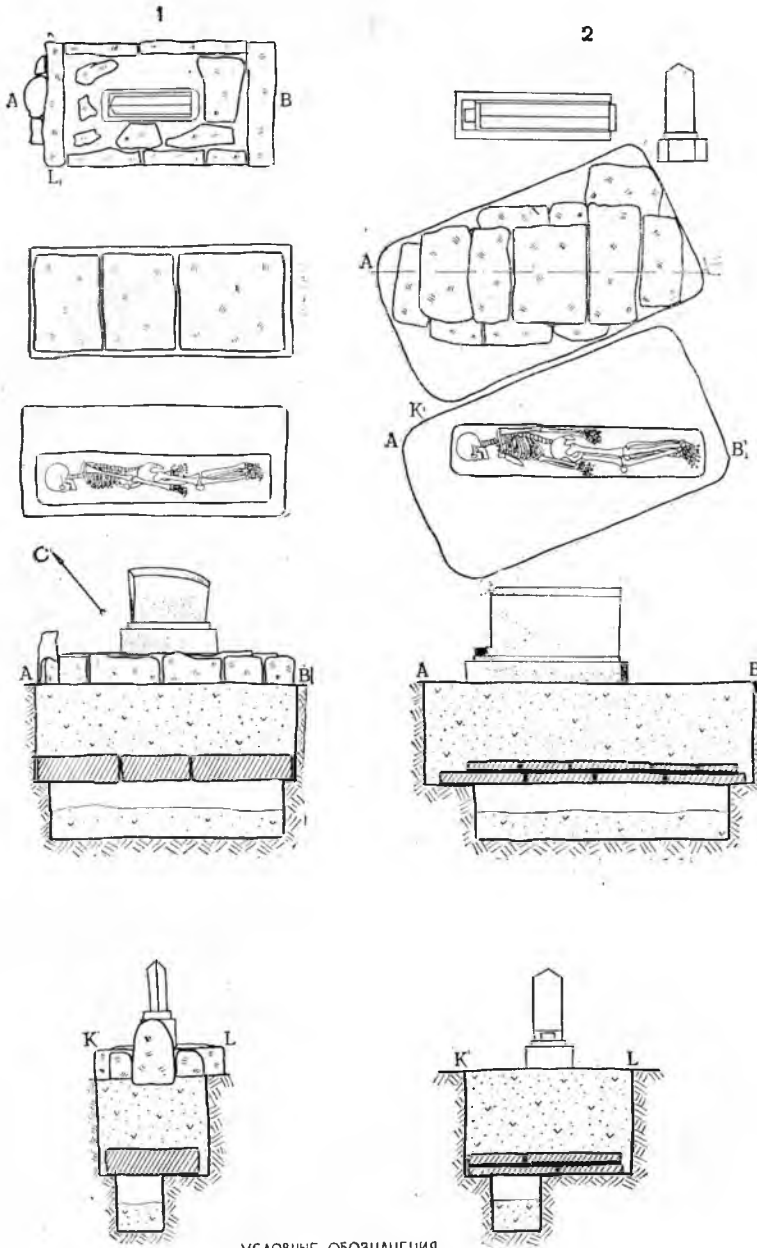

Таблица XVII

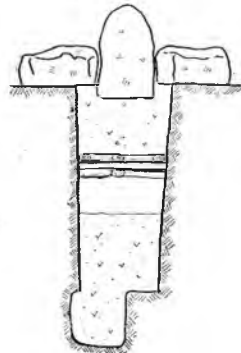
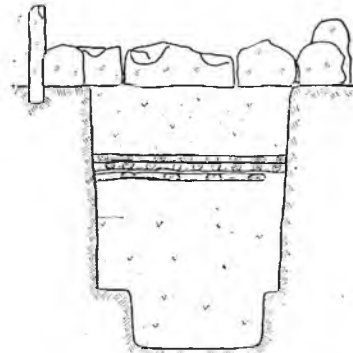
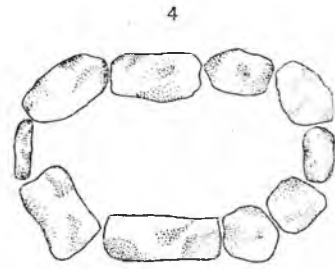
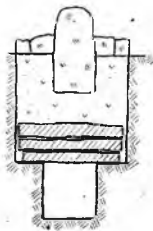
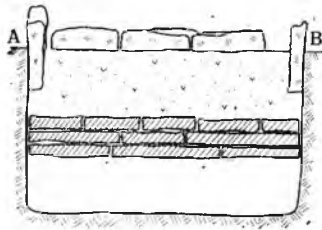
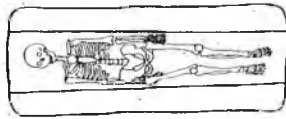
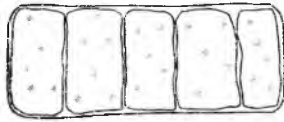
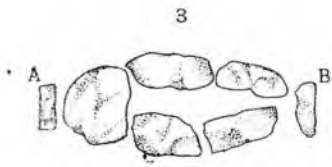

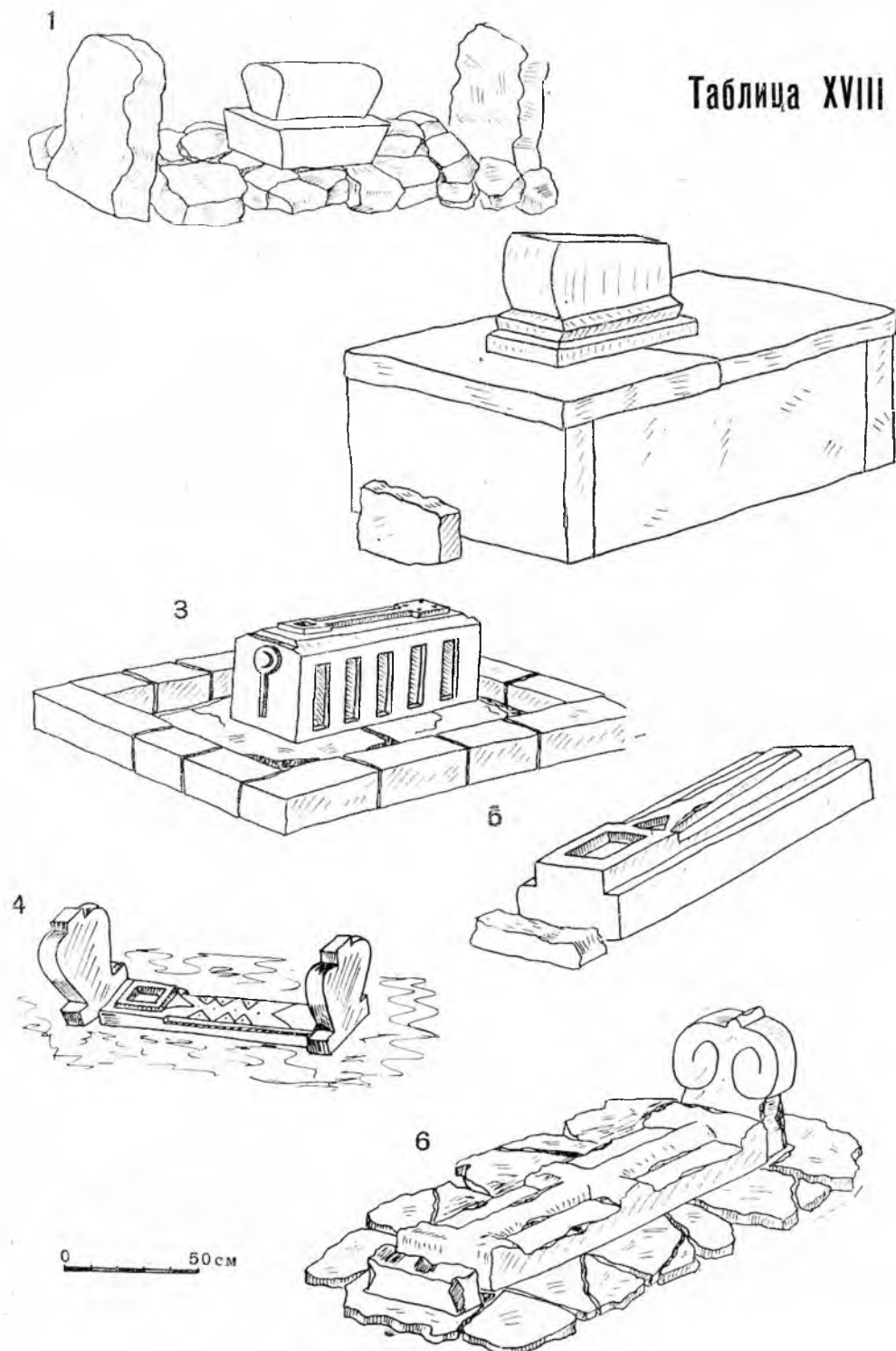
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- КАМЕНЬ
- КАМЕНЬ В РАЗРЕЗЕ
- ДЕРЕВО
- ЗАСЫПКА
- МАТЕРИК

0 20 40 60 80 100см

Погребения кладбища Эрсари-баба

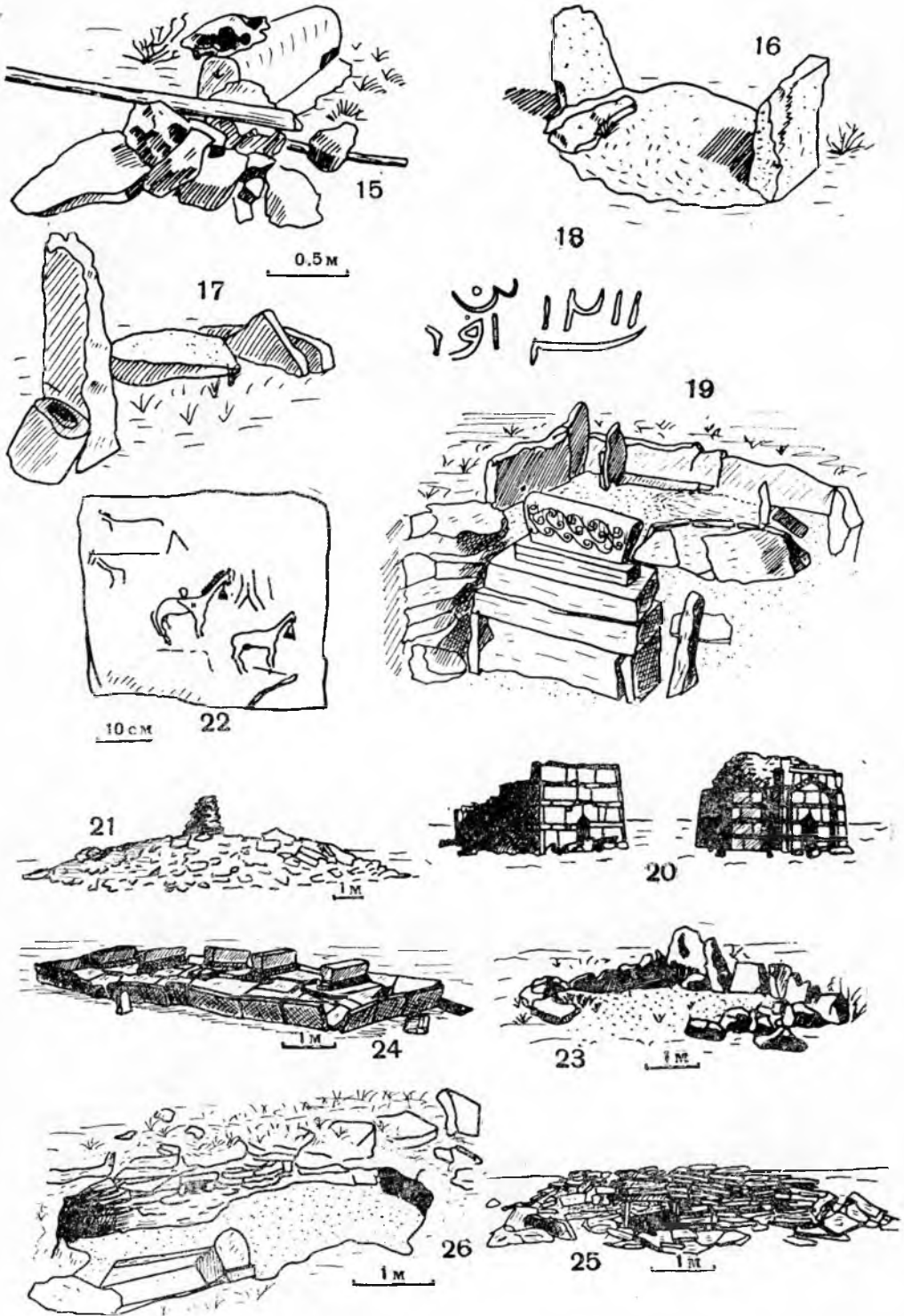

1, 3 — способы установки пирамидок на могилах: 1 — пирамидка с необработанными каменными стелами, 2 — пирамидка, установленная на высоком каменном ящике, 3 — пирамидка на однорядной выкладке в оградке, 4 — надгробие «плита с двумя фертами» (кладбище Дана-Ата на Балканах), 5 — плита-пирамидка с остатками необработанной каменной стелы, 6 — надгробие «плита с фертами» (некрополь Удек (Балханы)). Плита имитирует крышку «ящика»

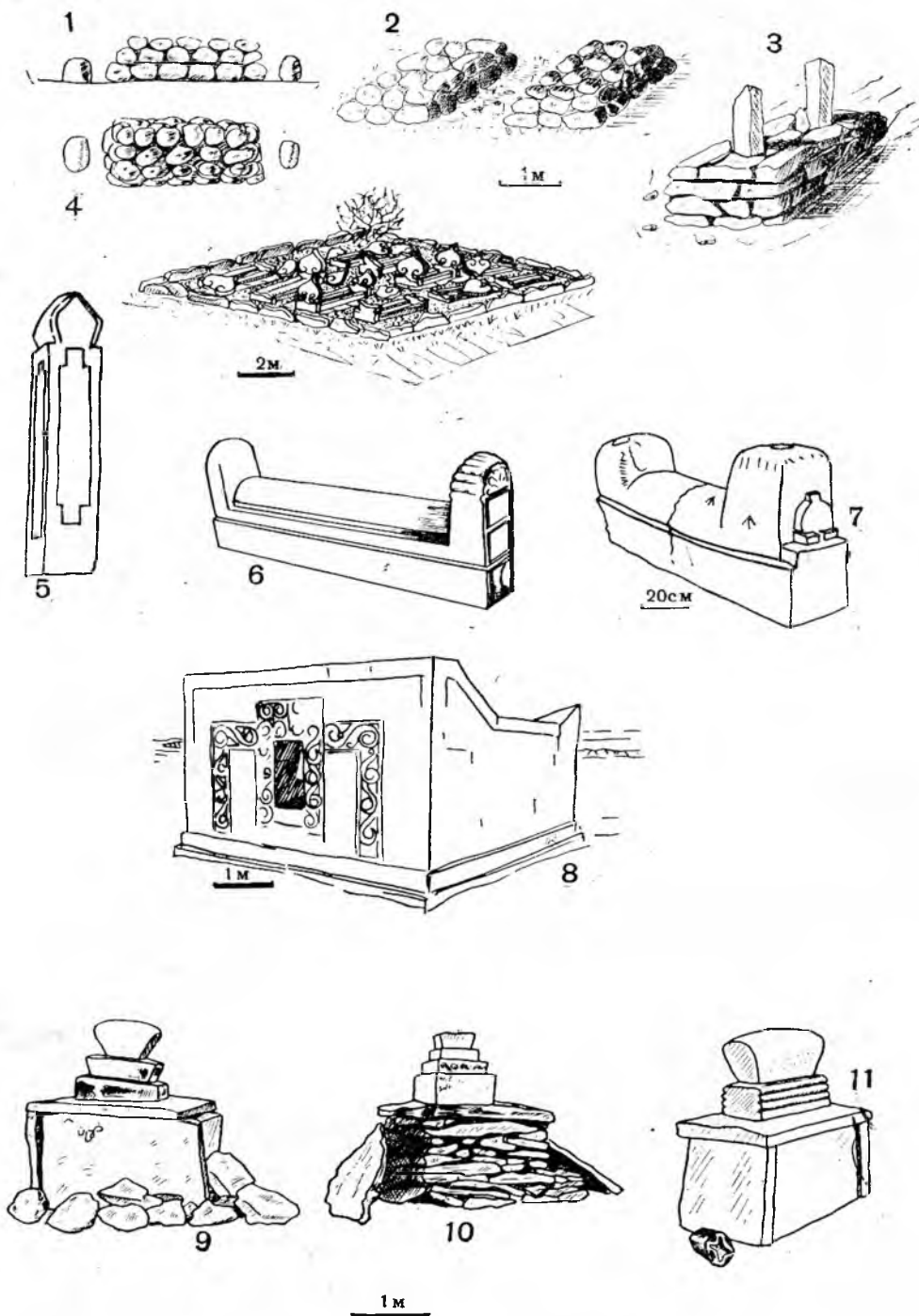

1—14 — типы надгробных сооружений на кладбищах Балхан, 15—25 — надгробия, погребальные и культовые сооружения Мангышлака, 15 — надгробие почитаемой могилы, 16 — надгробие «две стелы», 17 — надгробие «две стелы». Перед стелой установлен светильник, 18 — дата, выбитая на надгробии пирамидки с овальным навершием, 19 — мазар на кладбище «Химра» с разнотипными надгробными сооружениями, 20 — мавзолей на кладбище Уштам, 21 — развалины культового соору-

Таблица XIX

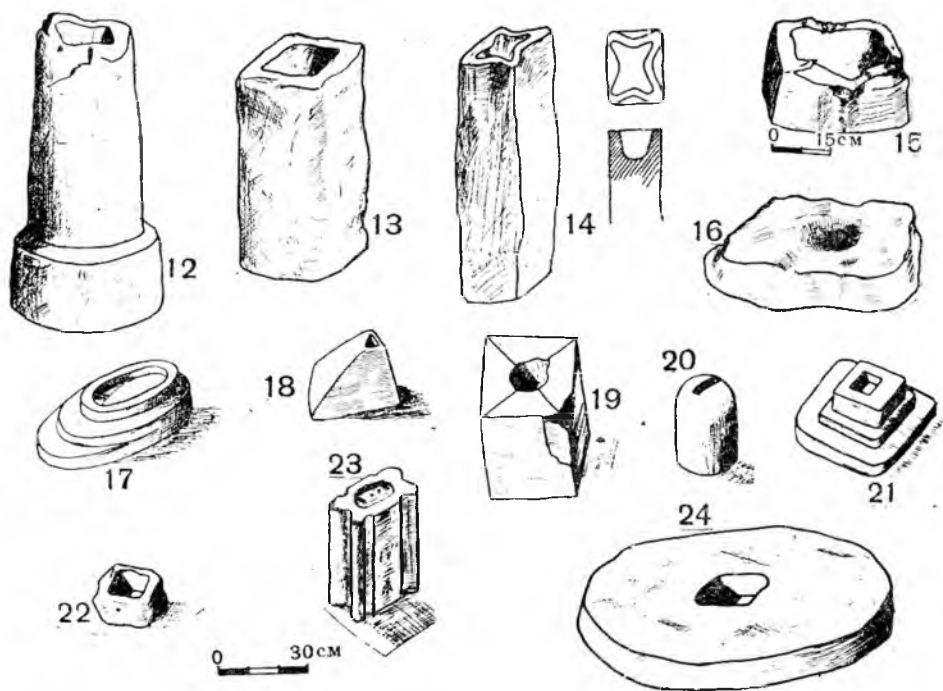

жения около Кызыл-узения, 22 — плита с изображением лошадей, вставленная в стену культового сооружения на одном из кладбищ северного Мангышлака (район Таучика), 23 — степная мечеть в центральном Мангышлаке, 24 — наружное обозначение подземных склепов на кладбищах северного Мангышлака, 26 — разрушенный подземный склеп (кладбище Ак-сура), 25 — разрушенное культовое сооружение (мечеть?), использованное впоследствии (с XVII в.?) как мазар

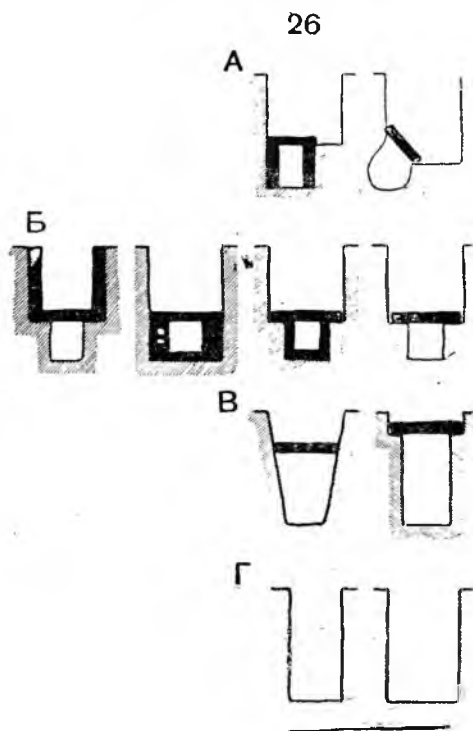

1, 2, 3 — типы «атинских» каменных выкладок на кладбищах Балхан, 4 — мазар с надгробиями «ящики» (кладбище Удек Балханы), 5 — наиболее типичная каменная стела, устанавливаемая на казахских могилах на Балханах, 6 — «рогатая» пирамидка из Крыма (по О. Акчокраклы), 7 — «рогатая» пирамидка с кладбища Акмолла, 8 — надмогильное сооружение богатого казахского захоро-

Таблица XX

25

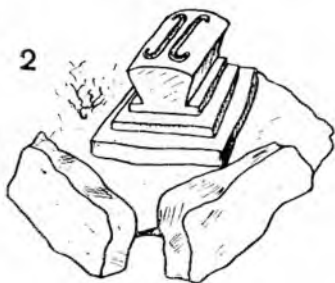
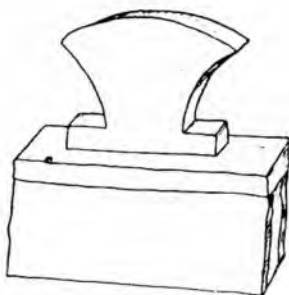

26

нения 30-х годов XX в., 9, 10, 11 — способы установки пирамидок на могилах на кладбищах, которые расположены на северном берегу Кара-Богаз-Гола и южной части Мангышлака, 25 — надгробия со светильниками и тамгами из Крыма (по О. Акчокраклы), 26 — типы конструкций средневековых могильных ям на кладбищах Северо-Западной Туркмении

1

2

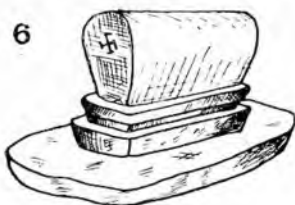
3

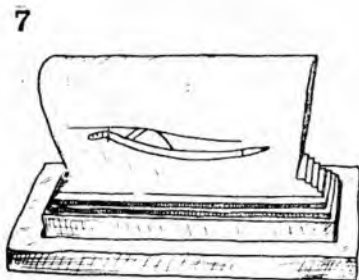
4

5

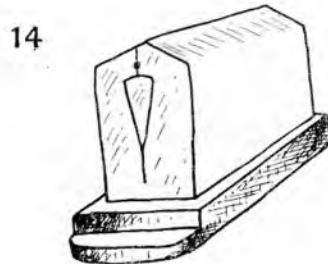
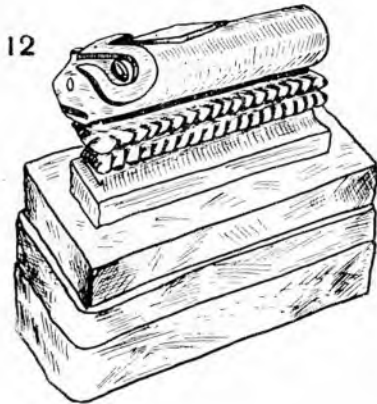
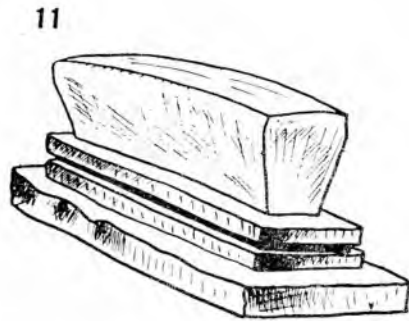
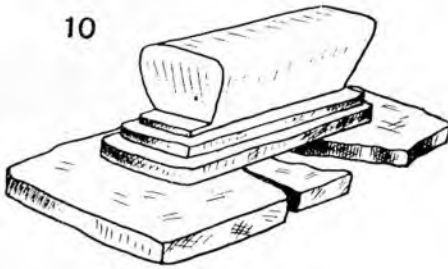
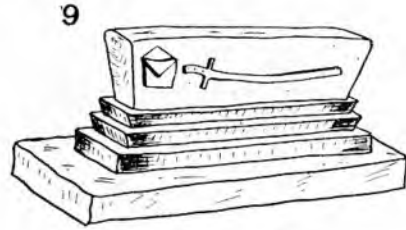
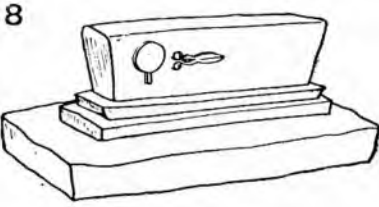
6

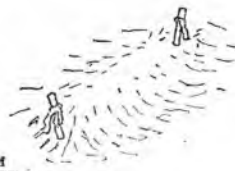
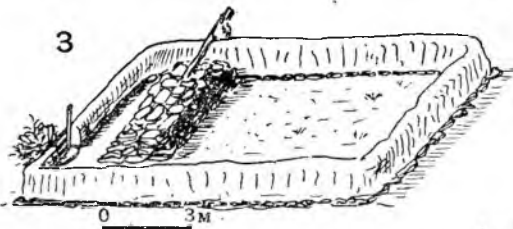
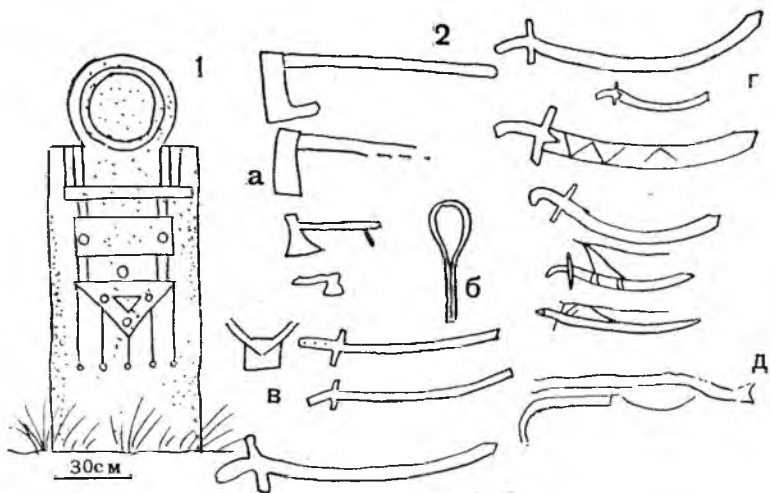
7

1—14 — виды надгробий-пирамидок на кладбищах Мангышлака (13 — надгробие первой четверти XX в.)

Таблица XXI

0 50см

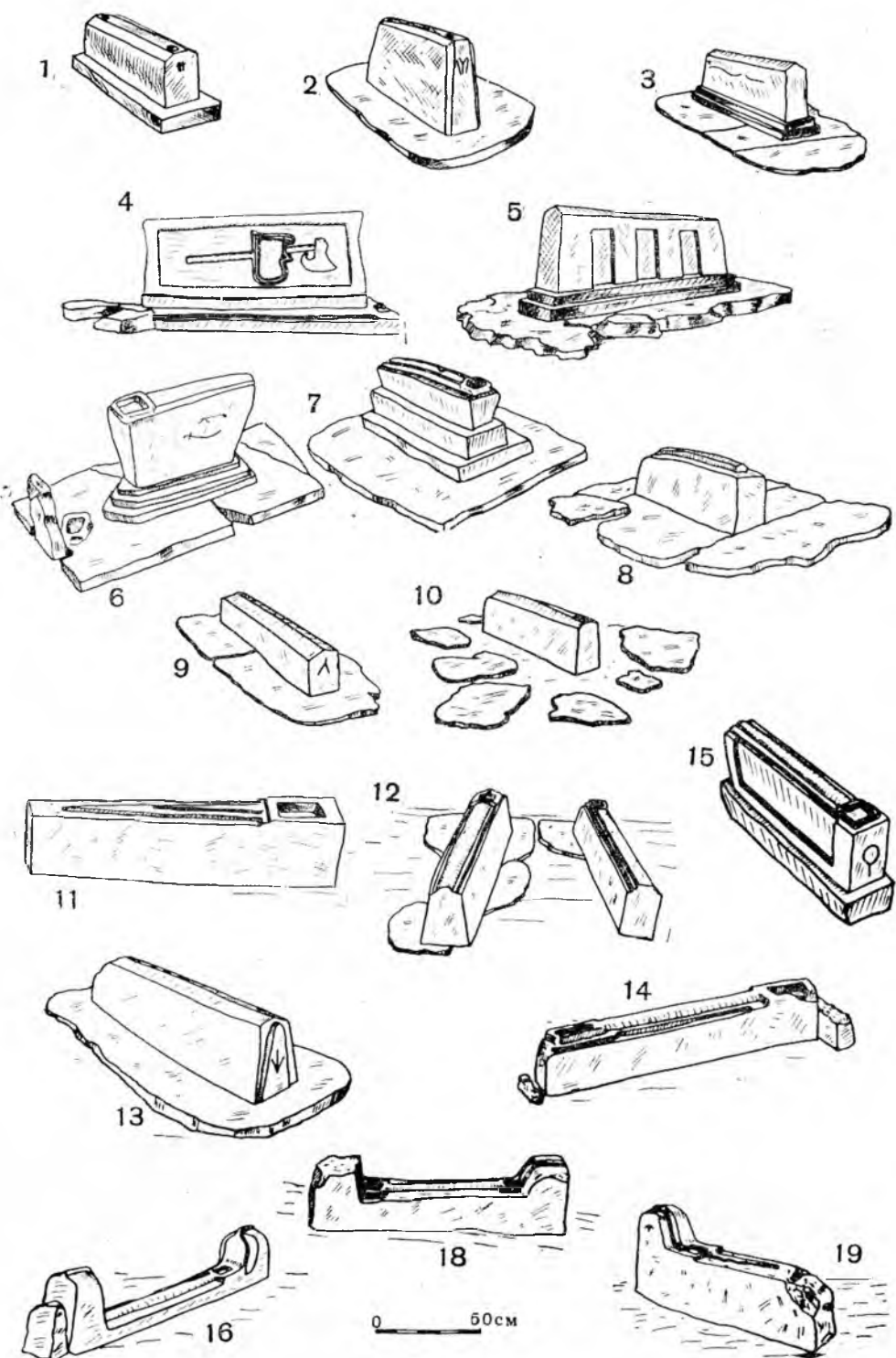

БАЛХАНЫ	МАНГЫШЛАК	ЮГО-ЗАПАД	ЗАП. АХАЛ
↘	+	⋈	∧
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	T
∧	⊕	∇	M
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	
∧	⊕	∇	

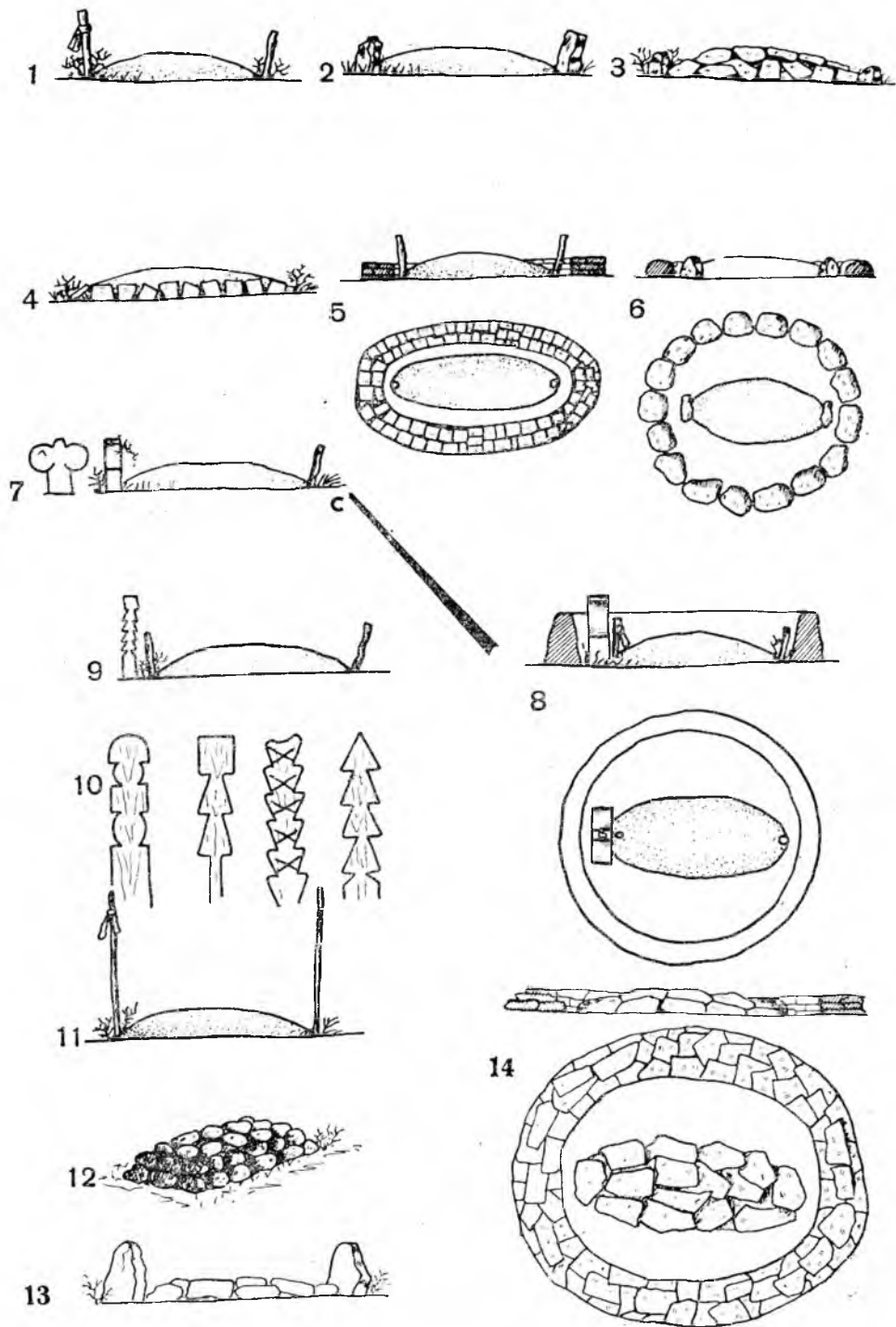
5

1 — антропоморфная стела — надгробие на кладбище северного берега Кара-Богаз-Гола, 2 — а, б, в, г, д — типы оружия, изображенного на средневековых туркменских надгробиях, 3 — почитаемый атинский мазар на кладбище Дарган-ата, 4 — современные надгробия атинских могил (район Дарган-ата), 5 — средневековые тамги, изображенные на надгробиях

Таблица XXIII

1—19 — способы установки пирамидок на кладбищах Мангышлака, 1, 2, 3, 5, 8, 9, 10, 13 — пирамидки с навершием в виде «двускатной крыши», 6, 7, 11, 12, 14, 15 — пирамидка с ключеобразными выступами на навершиях, 16, 18, 19 — «рогатые» пирамидки

1—20 — типы надгробных сооружений, включенных в группу «А»

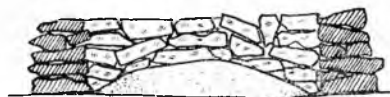
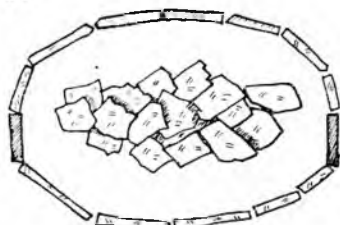
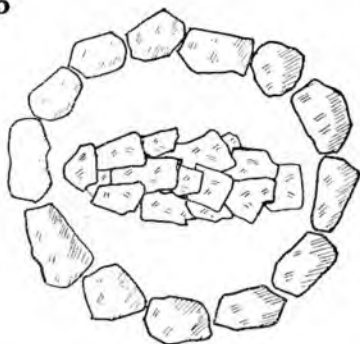
Таблица XXIV

15

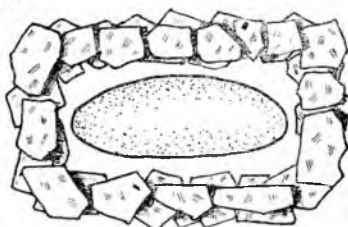
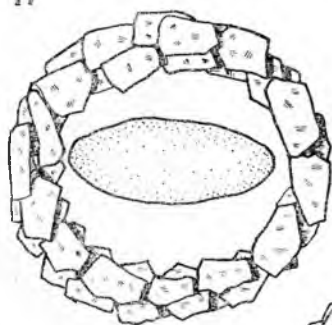

16

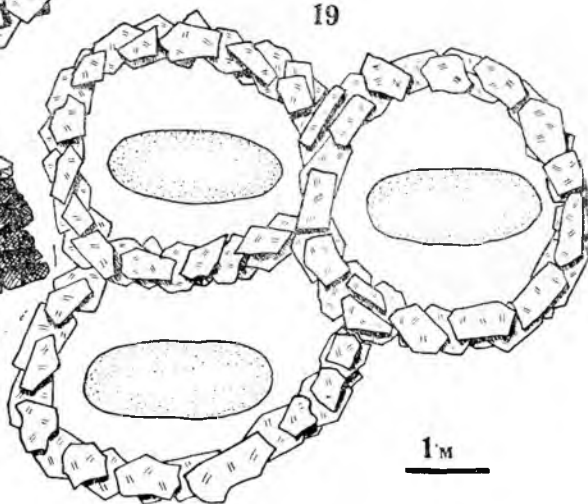
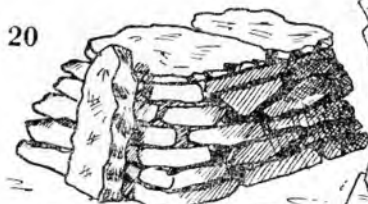
18

17

19

20

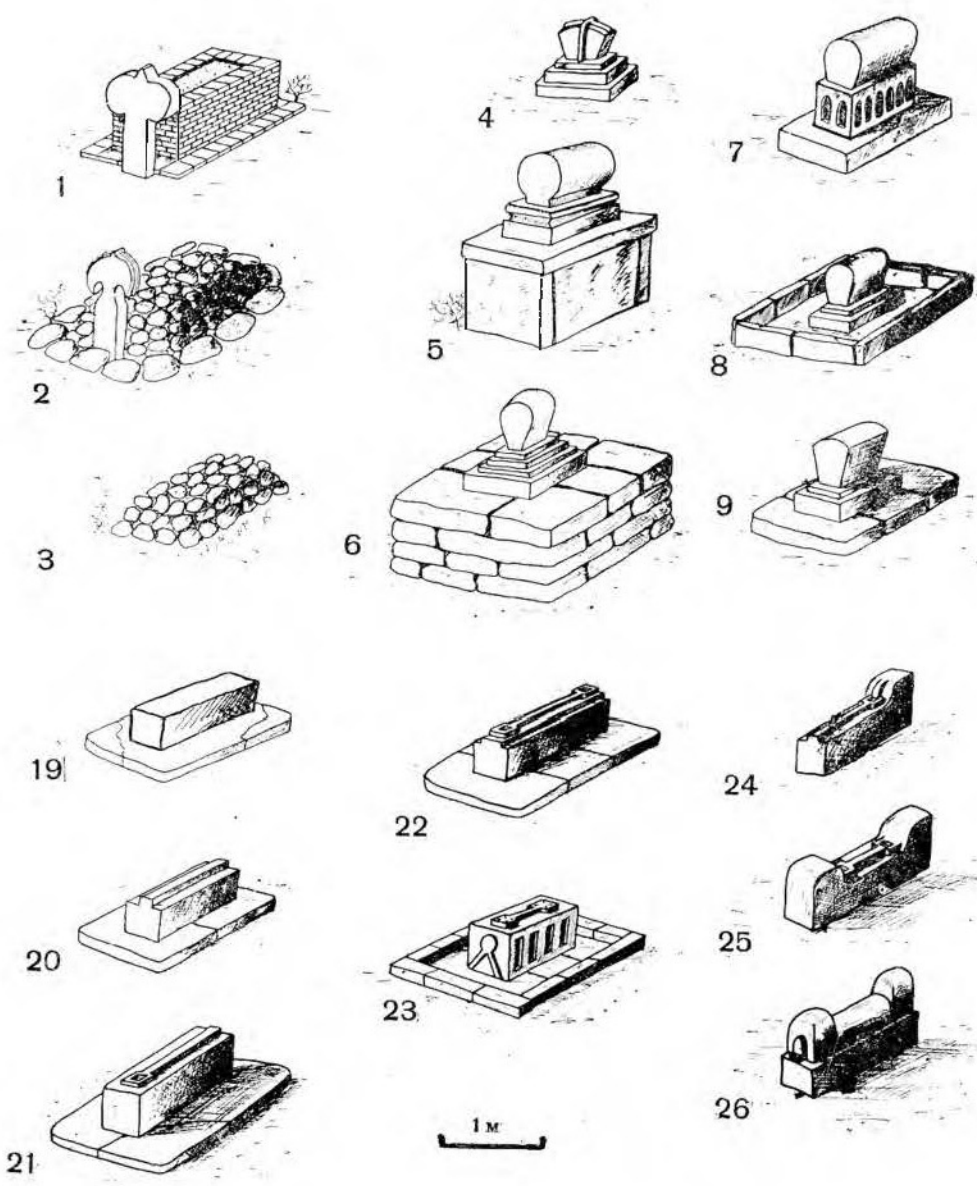
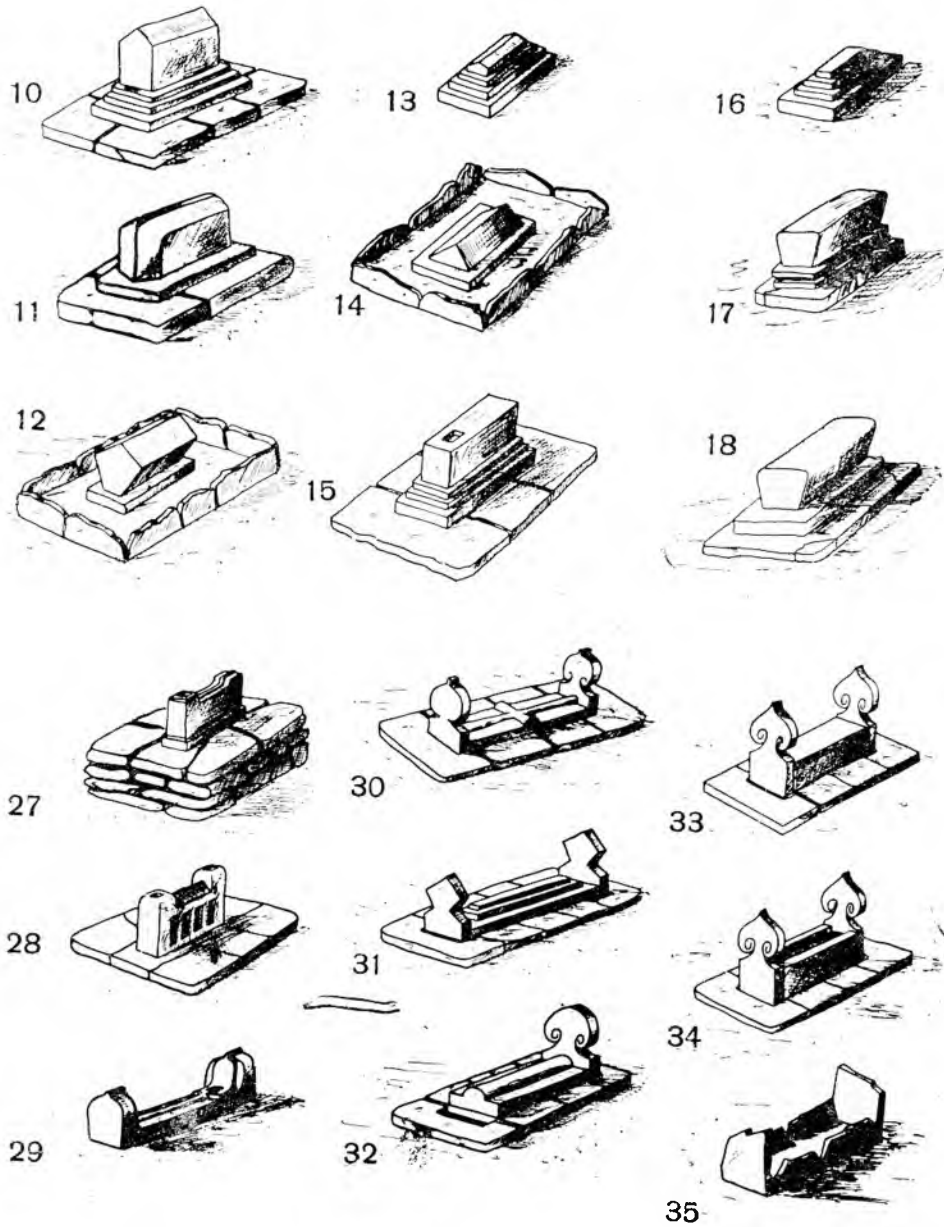

Таблица XXV

1, 2, 3 — типы надгробных сооружений, включенных в «переходную группу»,
 4—35 — типы надгробных сооружений, включенных в группу «Б»

Таблица XXVI

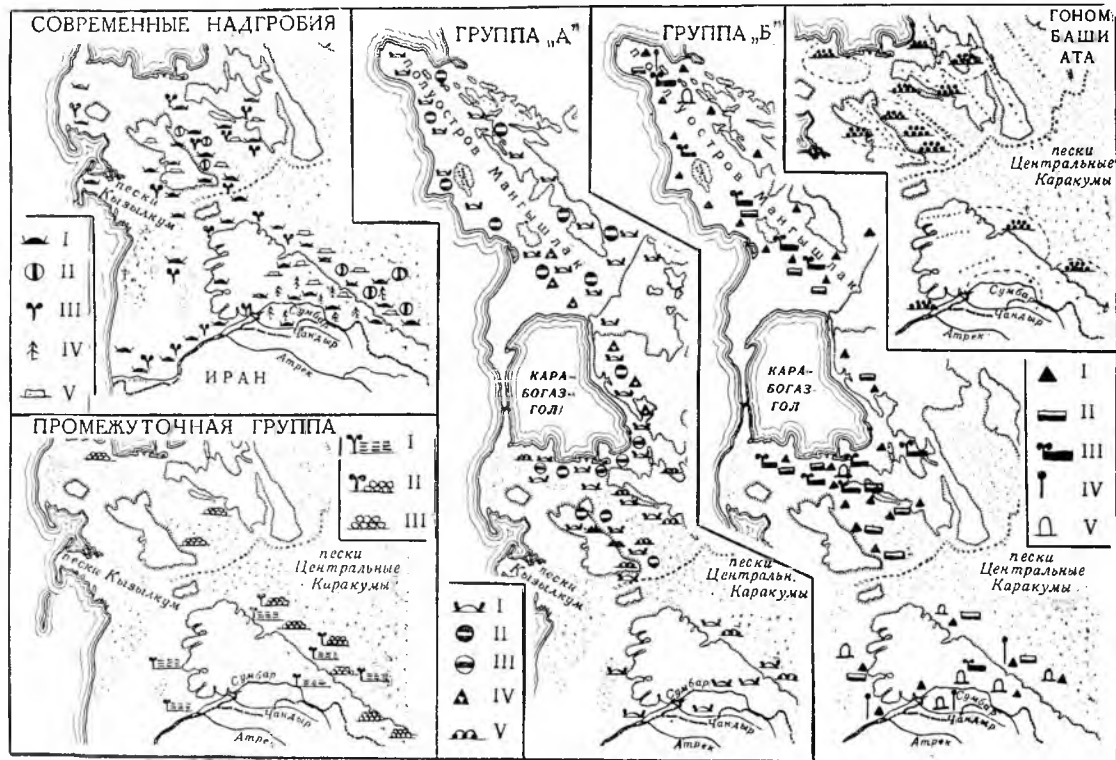

Схема распространения типов надгробных сооружений и склепов в Северо-Западной Туркмении (в группе «Б» склепы обозначены значком, стоящим под цифрой V). Цифрами обозначены типы надгробных сооружений каждой группы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Исторические сведения о населении Северо-Западной Туркмении (6—8). Современное население (8—10). Письменные источники (10—16). Археолого-этнографическое изучение Северо-Западной Туркмении (16—17). Методика изучения (17—20).	
Глава I. Современные погребения туркмен Западной Туркмении 21	
Современные погребения туркмен западной области Ахальского оазиса (22). Современные погребения туркменского населения Копет-Дага (26—27). Современные погребения туркмен Юго-Западной Туркмении (27—29). Современные погребения туркмен Балхан (30—32). Типы современных погребальных сооружений Западной Туркмении (32—34).	
Глава II. Средневековые погребения 35	
Средневековые погребения Западной части Ахальского оазиса (35—37). Средневековые погребения Юго-Западной Туркмении (38—39). Средневековые погребения Копет-Дага (39—40). Средневековые погребения Балхан (40—47). Средневековые погребения Мангышлака (47—54). Типы средневековых погребений Западной Туркмении и Мангышлака (54—63). Погребения «гоном баши» на средневековых могильниках Западной Туркмении (63—65).	
Глава III. Могильники Западной Туркмении 66	
Могильники западной части Ахала (66—71). Могильники Балхан (71—101). Датировка средневековых погребений (101—108). Некоторые сведения о средневековом населении Балхан по данным погребений (108—113). Краниологические материалы из погребений Западной Туркмении (113—116).	
Глава IV. Племенная принадлежность средневековых погребений и расселение туркменских племен в средние века в Северо-Западной Туркмении. 117	
Заключение	139
Список литературы и источников	143
Словарь географических и этнических названий	147
Список сокращений	151
Приложение	152

Сергей Петрович Поляков

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

●
Редактор *Г. А. Федоров-Давыдов*

Редактор издательства *В. В. Белугина*

Художественный редактор *Н. Ю. Калмыкова*

Технический редактор *З. С. Кондрашова*

Корректоры *М. И. Эльмус, Л. С. Клочкова*

Тематический план 1972 г. № 60

*Сдано в набор 19/VI 1972 г. Подписано к печати
22/II 1973 г. Л-58029 Формат 70 × 108/16 Бумага
тип. № 1 Физ. печ. л. 12,5 нсл. печ. л. 17,5 Уч.-
изд. л. 16,72 Изд. № 1827 Зак. 300 Тираж 635 экз.
Цена 1 р. 18 к.*

*Издательство Московского университета
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ. Москва,
Ленинские горы*

